

Надежда Мамаева

ПОПАСТЬ В ОТБОР, УКРАСТЬ ПРОКЛЯТЬЕ

ГЛАВА 1

Сколько себя помню, я никогда не бросала дело на полпути. И если позорилась — то до самого конца. Вот как сегодня на ночном практикуме на погосте, когда не сдала зачет по воскрешению. А помешала этому сушая мелочь: у меня украли тело. И ладно бы труп! Хотя и приличный труп для коллоквиума откопать порою тяжелее, чем нормального парня, дабы пойти с последним на осенний бал. Это я как почти дипломированный некромант и девушка в одном лице говорю.

Так нет же — у меня украли мое собственное тело! Сначала передо мной возникла чья-то перекошенная испугом рожа, а потом в меня и вовсе засветили атакующим арканом. Я даже толком защиту выставить не успела. А когда очнулась — обнаружила себя духом. Бесплотным и, самое обидное, безмолвным.

Я зависла над погостом, наблюдая, как преподаватель с адептами шустро удирают от озверевшей нежити. Озверевшей — в прямом смысле: несколько умертвий, при жизни бывшие, видимо, перевертышами и похороненные как приличные благочестивые горожане, выбравшись из могил, повели себя как свиньи, хоть оказались и в волчьей шкуре. Мало того, что они обернулись, — так теперь ещё и щерили клыки на тех, кто их вернул из посмертия. И не просто лязгали оными, а так и норовили попробовать недонекромантов на клык.

Адепты проходить пробы на почетное звание ужина не желали и выражали свой протест заклинаниями, серебряными болтами и руганью. Руганью — особенно. Магистр Гыргырницкий юных магов не одергивал. Может, потому что ему было слегка некогда: он лихорадочно искал склеп побольше с дверью попрочнее.

— Сюда! — крикнул преподаватель, указывая на убежище. В дверь которого он тут же засветил заклинанием.

Вспышка была короткой, но запор щелкнул, и дверь начала открываться.

В нее вешним потоком и хлынули адепты. Гыргырницкий прикрывал отход группы. А когда последний недонекромант ласточкой залетел в склеп, магистр шагнул за ним и захлопнул дверь. Вовремя так захлопнул. Ибо в дубовые доски тут же впились зубы.

Я же, не скованная ни законами физическими, ни этикетом, по которому перед тем, как зайти в кабинет, надлежало постучать, просочилась в склеп прямо через дюжину умертвий-перевертышей. И застала умильную картину: озаренный зеленоватым светом нескольких пульсаров уже немолодой эйр Гыргырницкий, потрясая седой бородой, как заботливая наседка, согнал своих адептов в кружок. Увы, обнять и обогреть магистр их не спешил. Для начала пересчитывал. По головам.

— Одного не хватает. Кого нет? — обеспокоено спросил он.

Одногруппники стали переглядываться, и патлатый Клаус, закинув арбалет на плечо, выкрикнул:

— Я Тай не вижу.

Сокурсники поддержали:

— Да, Росс нет....

— Я ее в последний раз у обелиска цвергам видел...

Я была возмущена: как это меня нет! Я тут. Пусть и привиденистая. Но не мертвая же! Или все-таки немножко мертвая? Впрочем, разберусь со своим статусом: живая я, слегка усопшая или в моих отношениях с собственным телом все сложно — потом. Сейчас главное — его вообще найти, пока умертвия не сожрали.

Попыталась пнуть камешек. Но, увы, я была ещё совсем молодым духом, которому пара минут от роду, и воздействовать на материальную сферу в новой своей форме не научилась. Зато... Я прошила тело магистра, как спущенный арбалетный болт — кленовый лист. Не могу сказать, что это были приятные ощущения. Скажем так: сей эпизод я предпочла бы забыть. Зато Гыргырницкий не только все прочувствовал, но и понял. С его пальцев сорвались искры, которые пчелами устремились ко мне. Ужалили. Пребольно. Последнее было вдвойне обидно, учитывая расхожую поговорку некромантов: если болит — значит, живой. Сейчас же я была привидением и, тем не менее, потирала обожженный локоть.

Впрочем, боль компенсировалась тем, что меня теперь видели и слышали.

— Адептка Росс, где ваше тело? — за холодным невозмутимым голосом Гыргырницкого мне послышалась тщательно скрываемая тревога.

— На кладбище, — уверенно ответила я, а потом, усомнившись, добавила: — Во всяком случае я его там увидела в последний раз. И тогда оно ещё было при мне.

— То есть, как вы умерли, вы не помните? — уточнил преподаватель.

Я замотала головой.

— Ладно, разберемся. А сейчас мне нужно знать, кто активировал амулет с заклинанием Ирихор для поднятия перевертышей? Причем запрещенное. Высшего порядка.

— А почему именно амулет? — раздался удивленный голос задиры Линка откуда-то с краю.

— Потому что оно уровня минимум колодец. А в вашей группе такого диаметра потока силы нет ни у кого: одни канаты и нити. Поэтому я требую отдать артефакт.

Но никто из адептов не спешил с криком: «Это я виноват! Вот возьмите». Все молчали. А за дверью умертвия в волчьей ипостаси жаждали аудиенции.

— Уволюсь, к демонам, — в сердцах в сторону выдохнул Гыргырницкий. — Вот семестр доработаю — и напишу заявление. Лучше тихо-мирно с армией зомби бороться где-нибудь на границе с Горняком, чем проводить занятия у адептов.

А затем, достав переговорный кристалл, вызвал по нему подмогу. Закончив разговор, преподаватель помотал седой головой и, уже обращаясь к юным магам, произнес:

— Не хотите отдавать амулет сейчас — что же. Ваше право. Но, когда я выясню, кто это сделал, он будет исключен из магистерии. И я лично позабочусь об отнятии дара. Пока же сидите здесь и не высывайтесь.

— А вы? — спросил Клаус, загребая пятерней свои вздыбленные волосы к затылку.

— А мы с Тайрин пойдем искать ее тело, пока его не сожрали восставшие умертвия.

— Тогда можно и мне с вами? — запальчиво произнес он.

— Похвальное рвение, юноша, но нет. Когда вокруг столько нежити, я предпочитаю думать о том, как не умереть самому, а не о том, чтобы прикрыть спину ротозея. Так что сидите и не высывайтесь! Но обещаю, что постараюсь спасти девушку, которая вам, судя по всему, не безразлична... — последней фразой старый преподаватель постарался смягчить суровые слова, сказанные ранее.

— Конечно, не безразлична. Я ему семь форинтов должна! — вмешалась, пока мне не приписали, чего доброго, Клауса в дыхатели или, того хуже, — в женихи.

— Восемь, — машинально напомнил Клаус.

По разочарованному в юных некромантах взгляду преподавателя я заподозрила, что заявление об увольнении ляжет на ректорский стол ещё до окончания семестра.

Меж тем Гыргырницкий дернул на себя ручку двери. Петли заскрипели, а магистр дал приветственный залп серией пульсаров, обеспечив себе возможность выйти. Погост встретил его запахом паленой шерсти и остервенелым рыком.

Впрочем, порою открытая дверь даже святого может ввести в искушение, что уж говорить про нежить. Особенно когда на пороге стоит такой аппетитный некромант. Магистр же, шагнув в кладбищенскую ночь, тут же приступил к срыву продовольственной программы нежити. Мало того, что он, несмотря на свой возраст, лихо перемахнул через ограду и резвым зайцем поскакал меж могил, тем самым наглядно продемонстрировав: его мясо явно жесткое, жилистое и труднодогоняемое, — так ещё и заклинаниями стал швыряться, методично уничтожая ряды претендентов на дегустацию своего филея. Я же летала над могилами, ища свое бесхозное тело или хотя бы то, что от него осталось.

Подмога пришла, когда Гыргырницкий закладывал очередной круг вокруг мемориала. К слову, случилось это быстро. Подозрительно быстро. Хотя главное кладбище стальной Эйлы и не то чтобы далеко от магистерии, но все же десять минут — это рекорд. А уж когда вместо подмоги в лице преподавателя боевиков и эйра Менханафа я узрела четверых человек в форме карателей, один из которых держал на руках мое тело, мое удивление возросло во сто крат.

У зомби, впрочем, тоже, изумления было — дирижабль и маленький воздушный шар в придачу. Особенно когда их, точно дворовых шавок, черномундирные отловили арканами. Под скулящие звуки и тихую ругань спасательного отряда над кладбищем зажглось несколько магических светляков. Картина впечатляла. Осенняя листва клена казалась причудливым, прореженным молью

ажурным кружевом. Под ней стояли несколько покосившихся надгробий. Рядом подвывала шобла умертвий, спеленатых сковывающими чарами. И посреди этого готичного пейзажа — эйр Гыргырницкий с обглоданной бедренной костью наперевес, которую он держал на манер дубинки. Ну да: заклинания заклинаниями, но удар зомби по морде лишним не будет. Особенно если колдануть уже не успеваешь.

— Вы нашли мою адептку! — радостно вскрикнул Гыргырницкий, отбрасывая свое оружие массового поражения. В том плане, что массы, глядя на оное, стояли, смотрели и поражались. К слову, магистр орудовал своим импровизированным дрыном так лихо, что одному перевертышу сломал челюсть, а остальным — психику. Сейчас же, откинув кость в кусты, будто и не держал ее вовсе, а всем, кто увидел оную в его руках — почудилось, Гыргырницкий шустро засеменял к офицеру, державшему на руках мое тело.

Правда, при этом магистр тут же согнулся, положив руку на поясницу, словно в ту резко, как ревизоры в кабинет счетоводов, вступил прострел. И этот маг пару мгновений назад лихо рассекал по погосту с задранной до пояса мантией, деморализуя зомби видом своих подштанников? Сейчас вся его фигура — нет, не сгорбилась, а всего лишь напоминала форму вопросительного знака, словно олицетворяя его искреннее удивление произошедшим, да и в целом сутью мироздания. В общем, Гыргырницкий играл немощь и старческую дряхлость талантливо. С чувством. Мда, не видела бы я его галопа, точно бы решила, что передо мной божий одуванчик. А так... Сдается мне, что наш преподаватель вовсе не так немощен, как хочет порою казаться наивным студиязусам.

Меж тем маг, охая и причитая, доковылял до моего телоносца и споро ухватил меня за руку, готовясь, как мешок картошки, перекинуть себе через плечо.

Каратель, ещё совсем молодой офицер, в первый миг растерялся от такого произвола. Видимо, нежить, погони и убийства были ему по долгу службы привычнее, чем престарелые благообразные маги, ворующие под двумя ясными лунами прямо у него с рук трупы.

— Простите, но убитую мы вам не отдадим, — он опомнился и потянул мое тело к себе.

— Почему? Она моя ученица, я ее на занятие увел, мне ее в магистерию и вернуть нужно, — искренне удивился магистр.

— Увы, не получится, — излишне сурово возразил каратель. — Потому что в ней уже нет главного — жизни.

— Жизнь — это не главное. Главное — это прилагательное, — истинно в духе некромантов ответил Гыргырницкий и, дернув — таки на себя с юношеским проворством мое тело, бодро вскинул его себе на закорки.

Рядом с карателем раздались смешки сослуживцев. Я развернулась в воздухе, хотя по ощущениям — в вязком киселе, и наконец смогла как следует разглядеть ещё двоих «спасителей». Один, уже в годах, — с посеребренной шевелюрой. Его правую щеку пересекали два шрама крест-накрест, отчего лицо казалось перекошенным. Второй — вовсе лысый, точно коленка, зато внушительный...

А вот последний остался в тени. Он был определенно высок, хотя не так, как лысый или меченый, но опасен. Как по мне — так именно его из них четверых стоило остерегаться более всего. Каратель шагнул в круг света: коротко стриженные волосы цвета глубокой южной ночи, которые на висках расчертили две полоски седины, высокие скулы, хищный нос, волевой подбородок. Но самое главное — взгляд. Он был цепкий, жесткий, смотрящий прямо на меня. Глаза. Раньше я о таком слышала, но встретила впервые. Один глаз был синим, второй — зеленым. Но оба — одинаково злыми. И этот разномастный взгляд сейчас словно пригвоздил меня к месту.

— Что вы видели перед смертью? — брюнет, сейчас больше всего мне напоминавший вещего ворона, задал свой вопрос без обиняков, отринув все формальности не только в виде приветствия, но и элементарного «не кидайся заклинаниями подчинения в условно мирных призраков», потому как свои слова этот тип подкрепил пассом.

Вот только я распознала его движение за миг до того, как сила сорвалась с кончиков пальцев карателя. Нырнула рыбкой вперед. Жаль только, когда уходила от обстрела, не подумала, что на моем пути окажется именно этот невоспитанный ворон. Ну да, о диспозиции мне размышлять было слегка недосуг: я спасала свою посмертную свободу.

А если учесть, что и другие каратели не дремали, а, словно получив приказ, вскинулись и стали целиться в маленькое беззащитное привидение Тай, норовя поймать меня арканом... В общем, я подумала, что хоть ворон-брюнет — та ещё сволочь, ни демона не смыслящая в этикетке при знакомстве с благовоспитанными эйрами, но укрыться в нем все же лучше, чем маячить полупрозрачной мишенью над погостом.

Я пошла на таран, готовясь прошить тело брюнета, но тут случилось непредвиденное:

черномундирный оказался каким-то неправильным. Непробиваемым, в смысле — непролетаемым. И я со всего маху боднула его, отчего он пошатнулся.

Но девицы из семейства Росс — настойчивые. Очень. А уже когда нас стимулируют летящим в голову заклинанием...

Я ринулась на повторный штурм тела, искренне надеясь, что в своего-то каратели стрелять не будут. И со второй попытки атака увенчалась успехом. Правда, мне достался явно бракованный маг: на этот раз я так сильно приложилась, что не только вошла, но и наполовину прошла сквозь тело, став наглядной иллюстрацией поговорки: дескать, в этой жизни все проходит, но иногда может и подзастрять.

— Не стрелять! — над кладбищем разнесся бас. Судя по всему, лысого. А может — и меченого. Но точно не рыжика и не того, в ком я застряла.

Вывернула шею. В моем привиденистом обличье это оказалось легко. Даже очень. Я поняла, что вообще-то без труда могу подрабатывать совой. Да что там совой! Теперь я знала, что мне не стоит бояться угрозы братцев открутить мне голову. Вот совсем. Они ее могут вертеть, как заготовку на гончарном круге с тем же эффектом: только вспотеют и распахнутся.

Впрочем, новые возможности моего эфемерного состояния позволили мне не только усмехнуться при воспоминании о братьях, но и узреть то, что происходило на погосте.

После приказа (кричал, к слову, лысый) рыжий и меченый погасили пульсары. В наступившей тишине, нарушаемой лишь шуршанием магистра, который волок мое тело к склепу, я попыталась дернуться. Раз, другой — и поняла: влипла. Причем во всех смыслах этого слова: я наполовину застряла в теле этого мага. Подозреваю, что сейчас мы напоминали сросшихся спинами близнецов. Вот только в данном случае имелась маленькая неприятность: один из нас был слегка мертв. «Ну да ладно, — мысленно утешила себя: — Зато хуже быть уже не может...» Только подумала — и судьба с радостью подсказала: может. И очень даже! Потому как рыжий парнишка произнес потрясенно:

— Ваше высочество...

М-да... что же, если до этого момента я считала, что все плохо, то сейчас поняла, как прекрасно было до того момента, когда появились эти каратели. Мирное кладбище с восставшими перевертышами, от которых удирал магистр Гыргырницкий, мой труп... в общем — идиллия. По сравнению с покушением на монаршую особу — так, сущие мелочи. Ведь попытка вселения в тело того, в ком течет первородная кровь, — это как раз оно самое и есть.

— Так что вы видели перед смертью? — невозмутимо, словно я не сидела у него в печенках (причем в прямом смысле), повторил свой вопрос каратель.

— Пугалась, — ответила я как можно ровнее, хотя голос все равно предательски дрогнул.

— Умертвий? — уточнил свол... пардон, его высочество.

— Ну, сначала неуда за зачет, — честно ответила я, — потом типа с перекошенным лицом. Кстати, судя по всему, он меня и угробил.

Ощущения были странными. И не только потому, что разговариваешь затылок к затылку, но и в целом. Я чувствовала боль в ноге, разливающуюся в крови силу. И она была другой, не той, к которой я привыкла.

В свои тринадцать я шагнула в мир Граней, чтобы найти свой источник. Такое случается с каждым магом: мы рождаемся с пустотой внутри и чем старше становимся — тем сильнее ширится эта пустота. Она уничтожает нас изнутри. И единственный способ спастись — шагнуть в мир Граней, чтобы найти там свой источник.

Раньше, чтобы обрести дар, будущие чародеи проваливались в природные порталы, которые, как родники, были разбросаны по всему миру: где-то их было больше, где-то меньше. Эти окна в особый мир, недоступный простым людям, несли в себе как возможность обрести магию, так и гибель. Последнее случалось гораздо чаще. Но пустота, что была внутри каждого, способного принять дар, манила, как магнитом, тянула с невыносимой силой.

Со временем чародеи смогли взять под контроль стихийные «провалы». Ныне каждый, в ком была пустота, обязан был пройти через стационарные столичные арки или передвижные, которые маги раз в год привозили в провинциальные городки и деревни.

Я помню, как в тринадцать лет сама подошла к такой. Меня столь сильно влекло к ней — тащило, будто на аркане. И я не могла даже помыслить о сопротивлении. Хотя и понимала: могу и не вернуться из мира, где реальность может приобретать самые причудливые формы.

Тогда я стояла перед зеркальным маревом, которое колыхалось, словно река, неспешно несущая свои свинцовые осенние воды. А потом шагнула за?рань, чтобы встретить свои худшие кошмары и найти дар. Нога не нащупала опоры по ту сторону зеркала. Я сразу провалилась.

Я захлебывалась в холодной воде, которая была повсюду. Вокруг плавали льдины вперемешку с окоченевшими телами в спасательных жилетах. А мрак ночи был не теплее, чем вода, которая с каждым мигом все сильнее сковывала руки и ноги, манила на дно.

Я казалась себе закостеневшим зомби, который не может сделать вдох, хотя его голова пока ещё находится над водой. Волосы покрылись инеем, все тело жгло холодом. Я понимала, что долго тут не продержусь. Несколько минут от силы, а потом камней уйду на дно, если не найду дар. Не важно какой. Но из мира граней либо выходят с ним, либо не возвращаются вовсе.

А говорят, что кто-то, шагнув через портал, попадал на городскую улочку, кто-то в лес или на рыночную площадь, в горы или пустыню. А мне вот свезло так свезло.

Я барахталась из последних сил, пытаюсь забраться на какую-то доску, которая плавала в воде, и почувствовала, что не могу сделать очередной вдох. Пальцы, которые уже не гнулись, так и не разжались, просто эфемерная деревянная опора выскользнула из них, и я нырнула под воду. Вверх, к небу, в котором горели такие яркие и далекие звезды, из горла устремилась стайка пузырьков. Грудь словно сжал раскаленный обруч, и тут я увидела ее.

Сначала приняла парившую в водной толще кляксу за медузу. Ее серные щупальца словно пробовали солоноватую воду на вкус. Точно благородная дама в черных кринолинах из прошедших эпох, она величественно проплыла мимо меня, едва не мазнув по моему лицу своим шлейфом. Я, невероятным усилием, по ощущениям — ломая собственные задеревеневшие мышцы, сумела выбросить руку и схватить ее.

Щупальца тут же обвили мое запястье, тело прошла дикая боль, а реальность изменилась. Я увидела окно портала прямо надо мной. Там, где ещё несколько мгновений назад сквозь водную толщу можно было разглядеть звезды.

Каждый гребок давался мне тяжело. Но забрезжившая надежда на спасение придавала сил. Я буквально вывалилась из арки на площадь Эйлы, под ноги магу, встречавшему из мира Граней тех, кто обрел дар. Окатила его с головы до ног ледяной морской водой. Да и не только его.

У меня тогда зуб на зуб не попадал, волосы смерзлись в сосульки, а платье стояло колом. Зато внутри поселился дар. Сначала он ворочался, словно обживаясь, свивал и разворачивал свои черные щупальца во мне, бурлил. Но пустота, которая изматывала меня, сводила с ума и не давал покоя ни днем ни ночью, исчезла.

С того дня я ощущала себя по-новому. Темный дар стал частью меня, а я — частью его.

И вот сегодня, застряв в теле его высочества (кстати, интересно — которого: у императора только законных сыновей — шесть), я ощутила что-то новое. Моя тьма была спокойной, холодной, тяжелой. Я то, что сейчас струилось по венам, врезаясь в мой дар, как волны в скалу, больше напоминало дикий огонь, который не залить водой, не потушить песком или алхимическими зельями.

Я даже зашипела. Мой сосед по телу, видимо, тоже ощутил нечто подобное, поскольку вместо ещё одного вопроса предложил:

— Вы не могли бы покинуть меня? — прозвучало весьма вежливо и даже на светский манер. Если бы кто-то ненароком совершал променады в полночь мимо погоста (ну совершенно случайно!) и слышал подобное, мог бы подумать, что занятой начальник просит освободить его кабинет.

— Не могу. Я немножко застряла, — призналась я, а затем в подтверждение своих слов дернулась.

Мы с вороном были спина к спине. И мое стремление обрести свободу... Ну, в общем, оно отчасти даже увенчалось успехом. Если точнее — мигом, пока мы оба находились в свободном полете, когда высочество не устоял от резкого рывка назад. По итогам оно я угодила носом в лужу, а высочество — в планетарий.

Ведь ещё мой отец, эйр Моррис, говаривал: где упали на спину — там тебе и планетарий. Наслаждайся картой звездного неба по самое «не хочу». Особенно в теплые ночи. В оные созерцание вообще полезно для вдохновения, просвещения и вообще просто восхитительно.

Вот мой сосед по телу и получал ныне эстетическое удовольствие от пляд. А я — целебную маску из глинистой жижи. М-да, так ударить лицом в грязь, чтобы при этом не то что посадить, а уложить принца в лужу, — это надо умудриться.

— Понял, что зря попросил, — произнес ворон. — Эйра, прошу прощения, не знаю имени ...

— Тай, — побулькала из грязной жижи я. Не знаю, как ворон сумел различить, что именно было произнесено, даже для меня все звуки были на одну ноту, но он умудрился. Одним словом — каратель. У них, говорят, и слух, и нюх, и зрение, и сволочизм — всё на высоте.

— Так вот, эйра Тай, давайте вы пока больше не будете предпринимать попыток освободиться. И раз уж операцию вы нам всё равно начисто сорвали, то сначала ответите на все вопросы, пока случившееся не стерлось из вашей памяти. А уж потом разберемся, почему вам вообще удалось пробиться сквозь мою защиту и частично вселиться в мое тело.

Ворон к тому моменту, как договорил, уже поднялся из лужи и даже, совершив незаметный пасс, очистил мундир заклинанием. Я же, хоть и была вроде бы незапятнанной (увы, репутации это не касалось), рефлекторно встряхнулась на манер собаки, выбравшейся из реки.

— Итак, расскажите все, что вы видели, а Гранс будет записывать. И учтите: важна каждая деталь.

А мне, собственно, и рассказывать было нечего. Вообще-то, сегодня у нас по расписанию должно было быть занятие по общей физической подготовке. Но магистр Сайвер, который всегда был в хорошей спортивной форме (хоть та порою и не застегивалась на верхнюю пуговицу), на днях то ли сам заболел, то ли обрадовался, что заболела его теща, но решил в профилактических целях принять на грудь первача... В общем, произошла замена.

А магистр Гыргырницкий, выручивший коллегу, и решил, что просиживать штаны в покойницкой мы и зимой сможем, а пока такая чудная погожая ночь — грех этим не воспользоваться. К тому же если провести практикум до лекций, то адепты, живые и слегка поседевшие, будут слушать теорию предельно внимательно. Впрочем, и о нашей безопасности магистр позаботился: каждому студенту был выдан для защиты арбалет, а для добычи учебного материала — лопата. Набор ругательств выдавать было не нужно. У каждого из нас был свой. Личный.

Не знаю, как у других магов, а у некромантов заклятия упокоения без крепкого словца почему-то имеют меньший эффект. Ну, и при виде того же полуразложившегося умертвия орка, которое выше тебя в два раза, а шире в четыре, как-то порою сначала сама собой вырывается емкая и краткая характеристика ситуации, а уж потом — заклинание.

В общем, я тихо-мирно откопала свой учебный материал на бесхозной могиле из тех, в которых хоронили бездомных, бродяг и преступников, смахнула пот со лба, выкинула из ямы лопату и вылезла из оной сама. Разогнула затекшую поясницу и только готовилась прочесть заклинание, чтобы поднять небольшой скелет, как услышала позади треск кустов.

Думала, что это у кого-то из одноклассников зомби сорвалось с аркана. Хотя я же специально выбрала участок подальше от остальных, чтобы мне не помешали.

— А пока вы копали, ничего подозрительного не было? Голосов, звуков? — по ходу моего рассказа уточнил ворон.

— Да вроде нет, — пожалала я плечами, покосившись на лысого здоровяка, которого ворон поименовал Грансом. Он был предельно сосредоточен и держал перед собой на вытянутой руке за шнурок записывающий кристалл.

Да уж, я как-то себе слегка иначе представляла допросы: комната, стол, стенографист, сидящий в углу, а главное — возможность свидетеля оставить подпись под собственными показаниями. А не вот это вот все, когда я изображала рукоять меча, торчащего из спины воина.

Хотя все правильно. Это же каратели: дело для них превыше всего. Про них даже шутка ходила: что для остальных имперцев «сделай или умри», то для карателя «умри, но сделай». Причем последнее было не метафорой: были случаи, когда эти маги, действительно уже будучи мертвыми, доводили до конца порученное им.

Меж тем в груди нарастало странное чувство. Будто бы пустота. Неужели из меня, как и из всякого мага после смерти, уходил дар? Это что же... Вот сейчас тьма, которая стала частью меня, покинет душу, улетит обратно в мир Граней. Спустя годы, а может и десятки, сотни лет, какой-нибудь юный одаренный найдет ее, заберет вместе с частицей моей души и станет некромантом. А я же окончательно отойду в небытие, умру, растворюсь, так и не попрощавшись с близкими. Последнее было особенно обидно: я не увижу больше Найришу, Морриса, братьев-близнецов, дядю, нашего рыжего кота и даже привидение Йоко не увижу...

Видимо, до этого момента я все же верила, что с моим телом не произошло ничего серьезного, что вот сейчас я отвечу на все вопросы карателей и меня вернут в него. Я откинула голову и взглянула на небо.

Сегодняшняя полночь пахла звездами. Они, безмолвные, величественные, безукоризненные, взирали на землю с недостижимой высоты. Далеким светом озаряли этот подлунный мир и будто шептали мне: ничто не вечно. Примиряли с мыслью о бренности, дарили покой.

— ...лицо этого человека? — в мысли ворвался голос ворона. Видимо, он не в первый раз задал вопрос.

— Что? — отрывать взгляда от звезд не хотелось.

— Вы запомнили лицо напавшего на вас? Его ауру? — Терпению ворона можно было позавидовать. А его твердокаменной настойчивостью и вовсе — убить.

— Да, запомнила... — рассеянно ответила я, все так же глядя ввысь. Мои глаза наполнились звездами.

Бескрайнее темное небо с россыпью огней успокаивало. Говорят, кто-то, глядя на него, хочет мечтать. А я сейчас — просто жить.

Но откуда-то пришло понимание: уже ничего не исправить. Как не остановить падающий с неба метеорит.

— Каким оно было? — голос ворона зазвенел, словно он что-то почувствовал.

— Лицо — обычным. Испуганным. А вот аура — она переливалась...

Договорить я не успела, на погосте появились новые гости: на этот раз те, кого ждали. Преподаватель боевого факультета и магистр Менханаф. Один с атакующим арканом наизготовку, второй — с какой-то светящейся склянкой в руке.

— Что происходит? — Менханаф, по обыкновению, говорил отрывисто. Преподаватель алхимии был скуп на слова почище, чем цверг — на чаевые.

— Допрос, не мешайте, — меченый каратель показал светящуюся бляху.

— Как хорошо, коллеги, что вы пришли! — раздался из-за надгробия надтреснутый старческий голос Гыргырницкого. — Мне нужно стабилизировать тело. Не могу понять, что с ним. Оно не повреждено, но...

В этот момент я почувствовала, как из груди утекает темный дар, а я сама — отделяюсь от тела, в которое вселилась.

Увидела, как карта неба свернулась в спираль, как звезды над моей головой превратились в белые размазанные нити и закрутились в воронке с бешеной скоростью. Последнее, что запомнила, — магистра Гыргырницкого, который, положив мое тело в пентаграмму, начерченную прямо между могил, читал заклинание удержания.

Умирать оказалось делом зело противным. Сначала я проваливалась в какую-то серую воронку. И нескончаемо неслась через самый ее центр, где вихрь драл меня во все стороны на клочья. Дар медленно покидал меня, душа пустела.

Почувствовала себя обманутым ребенком. Божьи дланники в своих храмовых проповедях обещали, что посмертие — это райские кущи, где праведники могут хорошо проводить время. Но то ли время в загробном мире такое бдительное, что его не проведешь, то ли мои грехи столь весомы... В общем, как-то с райскими кущами отношения у меня не сложились. А для тепленькой геены, видимо, натворила недостаточно.

И вот я вращалась, как эликсиры сестренки Нары в ее центрифуге, пока меня не прошило огненным потоком. Вернее то, что от меня осталось, насквозь.

И, едва пройдя сквозь прозрачную, истончившуюся меня, этот поток вдруг расщепился на дюжину языков, тут же загнущихся крючьями и остатки души, словно рыбину, дернувших наверх. Кажется, прихватив довеском часть воронки.

Боль. Резкая, всепоглощающая, выворачивающая наизнанку, окатила меня с макушки до пят.

Я заорала, выгнувшись дугой, и почувствовала, как сильные руки удерживают меня. Много рук.

Новый вдох прокатился огнем по горлу, пылающим шаром упал в грудь. Я распахнула глаза и увидела, как надо мной склонились и магистр Гыргырницкий, и преподаватель боевой магии, и Менханаф, и рыжик, и меченый, и лысый Гранс, и ворон. Последний, в отличие от остальных, не держал ладони на моем теле, вливая в него свою силу. Нет. В его руках была огненная плеть, которая выходила прямо из моей груди.

— Гранс, вытяни проклятие, я долго не удержу душу.

Я не понимала, о чем они. Но, кажется, здоровяк был посообразительней адептки-третьекурсницы. Лысый оторвал от тела одну руку, пошарил ею в кармане. Из выуженного оттуда пузырька он зубами вырвал пробку и поднес склянку к моим губам.

Из нее в мое горло в потек туман едкого зеленого цвета. И едва бутылек заполнился, каратель ловко заткнул его. Меня же перестало лихорадить. Резко, будто отрезало. Зато я ощутила другое: ладони, что удерживали меня. Они были теплыми. Очень. Но лица, что венчиком склонились надо мной, ни теплотой, ни радостью не светились. Наоборот, они показались мне жутко серьезными и угрюмыми. Даже у рыжего паренька, закусившего губу.

Но я же, наоборот, радостно улыбнулась. Живая, я живая!

— Нет, — сказал как отрубил высочество, будто прочтя мои мысли. — Вы мертвы.

— Что? — собственный голос показался мне вороньим карканьем. Таким же надсадным и противным.

— Увы, но ваше тело было сильно повреждено заклятием, — голос ворона был сухим и усталым. — Вы умерли ровно в тот миг, когда встретили ренегата. Но ваша душа сразу не отошла в мир иной, поэтому...

— Но ведь на мне не было никаких ран... — перебила я и тут же зашлась сухим кашлем.

— Говорить длинными фразами не советую, — пока я пыталась восстановить дыхание, прокомментировал высочество. — Сейчас у вас пульс не более одного удара в минуту, дыхание тоже практически отсутствует. Все это, с учетом прорвы магии, влитой в ваше мертвое тело, позволит ему какое-то время существовать.

Ну да, все правильно. В абсолютно мертвое тело душу вернуть невозможно. Смерть — словно рассекающий — отделяет плоть от духа. И, дабы последний вернулся, нужно, чтобы в трупке теплилась хотя бы частица жизни. Ну, или магии, имитирующей оную.

— Я не понимаю...

— Тайрин, Тай... — это уже магистр Гыргырницкий обратился ко мне. — Увы, я сразу не понял, что тебя прошили нити Изида. Думал, просто сильное истощение. Решил, что смогу вернуть твою душу в тело. Ведь ран и вправду не было...

Старый преподаватель сожалел. Искренне и от всей души, как может сожалеть маг, повидавший на своем веку смертей едва ли не больше, чем жизней. А я же, никогда ранее не слышавшая о нитях Изида, узнала об этом смертельном заклинании запрещенной магии. Обычно если оно попадает в мага, то его душа сразу безвозвратно уходит в небытие, а моя вот задержалась, подарила обманчивую надежду.

— Полагаю, что ваша адептка, — ворон обратился уже к преподавателю, — столкнулась с вариацией нитей, рассчитанных на магию карателей. — Потому ее душа и не распалась сразу. А вот когда она, оказавшись в моем теле...

Договаривать он не стал, и так стало понятно: все сошлось. Смертельное заклинание, рассчитанное на специфическую магию карателей, нашло ее и утянуло мою душу.

— Так зачем вы меня вернули? — мне удалось задать вопрос почти нормальным голосом, хотя горло жутко болело.

— Потому что мы не закончили. Вы не сказали главного: какая аура была у того, кто убил вас?

Да уж. Серьезный повод, чтобы вернуться с того света. Я про себя фыркнула. А потом подумалось, что мне попался очень хозяйственный и ответственный каратель. Прямо как цверг, сводящий годовой баланс. Вот только если представитель подгорного народа и гнутого форинта из сметы не упустит, то этот черномундирный — и слова из допроса. Вон, даже душу мою с того света вернул, лишь бы получить ответ на свой вопрос.

— А не легче, — я сделала паузу для вдоха, — было просто призвать мой дух?

— Без якоря — увы, от вашей души ничего бы не осталось. Заклинание Изида развеяло бы ее. Поэтому мы поместили ее сюда.

Он указал на меня.

Я машинально посмотрела на свою грудь, где ныне было кровавое пятно. Словно в форменную

куртку ткнули спицей. Дюжиной спиц. Это позже я узнала, что так выглядит результат заклинания нитей Изида, которые пронзают тело, словно тончайшие стеклянные иглы. И сначала даже не распознать, что случилось. В один миг открывается внутреннее кровотечение и лишь потом, когда спасти уже нельзя, — наружное.

— Сколько у меня есть времени? — задала я самый насущный вопрос. Пояснения не потребовались. Все всё поняли.

— В вас влили все силы без остатка семеро далеко не слабых магов. Судить не берусь, но, думаю, несколько дней есть, — поджав губы изрек разноглазый брюнел.

Несколько дней... Уже мертвая, но ещё живая. Совсем недавно я просила звезды дать мне возможность увидеть близких. Ирония: они услышали, но всё сделали по-своему.

— Больше спешить некуда. Проедемте с нами в отделение. А вы, — ворон обратился к преподавателям, — вместе с капитаном Чодрой, — кивок на меченого шрамом, — вернете своих адептов в академию. После чего вас также отвезут на дачу показаний. Завтра с утра опросят всех, кто был сегодня на кладбище. Вопрос с умершей адепткой я решу лично.

Вот так. Все просто у этих карателей. Ну умерла. Подумаешь, мелочь. Все решаемо... Я слушала и медленно зверела. Кажется, сейчас как никогда я понимала зомби, которые, восстав, так и норовят кого-нибудь сожрать. Раньше думала, что это от голода. Ан нет... похоже, от злости.

Я смотрела на затылок ворона и думала о высоком. О высоком надгробном камне, на который бы взобраться, чтобы как следует ткнуть по темечку высочество. Тем более что палица... в смысле — берцовая кость, которой ещё недавно отбивался от умертвий Гыргырницкий, валялась неподалеку. Так соблазнительно валялась... Провокационно. А я — что? Такому искушению было и поддаться не грех. Тем более что я уже мертвая и терять мне нечего... А так умру окончательно и, если встречу кого за Гранью, могу с гордостью заявить, что при жизни (пусть и загробной, уточнять не будем) я была чародейкой редкой силы. И пусть это сила невезения, но все же... И в моем послужном списке будет даже покушение на монаршую особу. Может, даже отчасти удачное...

Сама не заметила, как сделала несколько шагов вбок, как моя рука взяла кость, как я, не издав и звука, вспрыгнула на надгробие. Сейчас на погосте был аншлаг: высочество давал указания, Гыргырницкий вместе с другими преподавателями и меченым выводили студентов из склепа, рыжий проводил какие-то замеры фона, лысый здоровяк раскидывал поисковую сеть... Никто, казалось, не обратил на меня внимания.

Я уже приготовилась к атаке. Напружинила ноги, вложив всю свою злость от несправедливости случившегося со мной в замах, и...

Ворон резко обернулся. Уставился на замершую меня. Кость я держала на манер топора — над головой.

— Что вы делаете? — невозмутимо уточнил каратель.

— Совершаю покушение, — ничтоже сумняшеся выдала я тоном «не отвлекаемся, не отвлекаемся, продолжаем».

— Бедренной костью? — так, словно я одним видом своего оружия нанесла высочеству душевную травму, спросил он.

— Ну, надо же мне как-то зарабатывать посмертную репутацию, раз с прижизненной не сложилось. — Я пожала плечами. Кость поднялась знаменем победы ещё выше. — Сами посудите. В моей семье все знаменитые: и отец, и сестра, и даже братья успели отличиться. Одна я безывестная. Умру — и через пару лет никто не вспомнит, кем была Тай. А через два десятка — и вовсе про меня забудут.

Меня смерили внимательным взглядом. Оценивающим таким. Прошлись от темно — каштановой макушки, на которой наверняка мои чуть волнистые волосы стояли дыбом, к заляпанной кровью груди, спустились по куртке, форменным темным штанам, которые тоже были в бурых пятнах, по высоким сапогам со шнуровкой — и вернулись к лицу. Чую, оное сейчас было бледным, грязным и слегка озверевшим.

Ну не умела я скрывать свои эмоции и держать мину. Вот кузина Нари — да. Ей в деле лицедейства не было равных. Сдается мне, что, если ей в суп сыпануть стрихнина, она, как алхимик, наверняка его распознает уже по запаху, но все равно невозмутимо съест весь обед. Потом так же спокойно встанет из-за стола, пожелает всем приятного дня и пойдет готовить для себя противоядие. И все это со спокойным выражением лица, без спешки.

— Судя по всему, у вас посмертный стресс. Такое бывает. Как приедем в отделение, я дам вам

успокоительного. А пока положите кость, слезьте с памятника и следуйте за мной в магомобиль, — ворон говорил ровно, но магия, что искрилась на кончиках его пальцев, давала понять: каратель зол. Весьма. И если я не пойду, меня потащат на аркане. И каким он будет — фигуральным или реальным, — узнавать на собственной шкуре как-то не очень хотелось.

Делать нечего. Спрыгнула с надгробия. И, только приземлившись, осознала, насколько мне это непринужденно и, главное, с размахом далось. Начать хотя бы с того, что, оттолкнувшись от камня, я взмыла вверх на десяток футов. А приземлилась легко и бесшумно, точно сын ночи, вышедший на промысел. Правда, приложившись одним коленом и опершись о землю раскрытыми ладонями. Но всё же.

Да уж... «А если бы я тюкнула его высочество?» — подумалось вдруг... Я бы ему на раз проломила череп. Ну, или бы сломала бедренную кость тролля. Это уж кто из них двоих кальция больше успел съесть.

— Ничего себе, — произнесла я ошеломленно, вставая с колена и выпрямляясь.

— Посмертный эффект, — бесстрастно пояснил каратель.

Смерила ворона хмурым взглядом. Нет, я, как некромантка, прекрасно знала, что зомби порою бывают демонски сильны. Но одно дело, когда ОНИ. И другое — когда ТЫ.

— За мной, — скомандовал меж тем каратель и сам двинулся к воротам погоста, ничуть не сомневаясь, что я последую за ним.

«За мной» — беззвучно передразнила я, скорчив лицо. Рыжик, увидев мою пантомиму, не выдержал и прыснул в кулак, а потом, когда ворон резко обернулся, сделал вид, что это не он...

Мы с высочеством дошли до ворот в тишине. Он молчал. Мне тоже было о чем подумать, кого проклясть, утешиться тем, что приобрела неповторимый опыт умирания, и решить для себя: если за отпущенное довеском в этом мире время мне удастся познакомиться с приличным мужчиной, то первое, что у него спрошу, это не «ты свободен?»... Нет, я уточню, живой ли он. А что если он, как и я, уже мертв, то вопрос с супругой точно решен... Смерть их уже разлучила, и все дела.

Хотя меня вот и разлучать-то было не с кем. Ни парней, ни тем паче супружеских долгов за Тайрин Росс не водилось. Разве что финансовые. Да и то... Нет чтобы взять в банке у цвергов заем покрупнее перед кончиной. Увы, я унесла с собой в могилу лишь не отданные восемь форинтов. И то, зная Клауса... Это адепт наверняка закончит академию, получит лицензию некроманта и, призвав мой дух, стребует их обратно. Как пить дать. Такого перед возвращением своих кровных даже смерть (тем более что не своя, а чужая) не остановит.

Последний год Клаус проходу мне не давал. То норовил проводить до дома, то мой личный арбалет одолжить. А чтобы вернуть оружие, к сокурснику нужно было пару раз подойти и напомнить, прежде чем тот вернет. А неделю назад Клаус даже предложил совместно писать реферат.

От того, в какую плоскость свернули мои мысли, я даже головой помотала. Нет, определенно мертвое тело, под завязку накачанное магией, как-то неадекватно реагирует на происходящее, а уж про то, что мне лезет в голову сейчас... Хотя пусть лучше так, чем истерично подвывать и оплакивать себя?

Когда мы покинули погост и прошли квартал, на углу обнаружился магомобиль. Водитель в нем, завидев ворона, отодвинул заслонку. Элементаль, что жил под капотом, заурчал.

— Присаживайтесь, эйра Тай. — Ворон галантно распахнул передо мной дверцу.

— Для вас — Тайрин, — захотелось хоть так уесть карателя.

— После всего, что между нами было, думаю, уместно Тай, — светски возразил мне высочество, вскинув бровь.

— И что же было?

— Ну как же? — вкрадчивый, почти интимный шепот чуть склонившегося ко мне ворона заставил меня сглотнуть. каратель меж тем продолжил: — Вы были во мне, заглянули в суть меня...

— Там не было ничего интересного: ливер и кости, — резко возразила я и увидела легкую усмешку, на краткий миг скользнувшую по губам ворона.

Да он надо мной издевался! В светской манере, тонко — так, что можно было бы принять за чистую монету. Ну моя нежная психика и не выдержала. Я сграбастала ворона за грудки и притянула к себе так, что между нашими лицами оказалась всего пара дюймов. И выдохнула ему прямо в губы:

— Слушай ты, высочество, — я отринула этикетные расшаркивания. — Я мертва. Мне терять уже нечего. Так что не беси!

— Надо же... Я думал, ты бросишься на меня, чтобы убить. А ты всего лишь предупреждаешь, — спокойно, оценивающе ответил каратель. — Извини, но это была вынужденная проверка на адекватность.

— Провокацией?

— Так быстрее, — ничуть не раскаиваясь, ответил он.

— А если бы я кинулась?

— Ну, я в любом случае довел бы допрос до конца.

Вот ведь... дотошный. Прямо как сын подгорного народа.

— Слушай, а ты цверг по маме или по папе? — да, я тоже умела оскорблять. Учтывая, что передо мной один из пяти ненаследных принцев, сомнение в чистоте крови приравнялось к таковому.

— По ситуации, — судя по всему, высочество ничуть не оскорбился. А жаль.

Я осознала, что словесную дуэль я проиграла вчистую. Да уж, мне не тягаться с карателем, тем более таким зубастым. Села на кожаное сиденье магомобилия. Ворон тут же очутился рядом и, захлопнув дверцу, бросил водителю:

— В отделение.

Я же, отвернувшись и сделав вид, что увлечена дорогой, как можно более спокойным тоном спросила:

— Скажи, — выкатить после моего выпада показалось бессмысленным, — я могу узнать, ради чего умерла?

— Нет, — отрубил ворон. — Это дело государственной важности.

И, поспешив смягчить резкие слова, добавил:

— Тайрин, мне искренне жаль, что ты встретила ренегата. При планировании операции агенты проверили: погост должен был быть в эту ночь пуст.

— Проверили... — Я все же отвлеклась от созерцания ночных улиц бедняцкого спального квартала Смогов, в котором дома похожи один на другой, как близнецы. — Скажи...

Я споткнулась, потому что осознала, что не знаю, как зовут карателя. Да, стыдно не знать в лицо принцев, но я была далека от политики. И полное имя знала лишь императора.

— Арнсгар, — будто догадавшись о причине заминки, наконец представился ворон.

Услышав это имя, я вздрогнула. А затем молниеносно развернулась. Мои руки сомкнулись на шее карателя. Желание задушить его вспыхнуло факелом.

ГЛАВА 2

С сим магом, главой отдела разведки, у семьи Росс были особые счеты. Только сестра, которую этот гад едва не убил десять лет назад, и словом не обмолвилась, что он ещё и ненаследный князь. Ту историю старались не вспоминать: нервов она вытянула из Нари столько — что хоть шаль вяжи.

Я уже говорила, что в нашей семье куда ни выстрели — попадешь в гения? Даже если целишься в потолок. Кузина Нари хоть и не пошла по стопам приемного отца — знаменитого скульптора, но тоже увековечила фамилию Росс. Правда, нашей фамилией ещё и материлась вся разведка империи, у которой десять лет назад случился грандиозный провал.

Нари, в студенческую пору, будучи выпускницей академии, смогла до конца расшифровать алхимическую формулу, которая спасла тысячи жизней. Единственное, те жизни в основном принадлежали альвам. Оные, к слову, были не то чтобы врагами нашей империи, но не друзьями точно.

Кузину после этого ждала в лучшем случае участь затворницы, а то и вовсе — смерть. Ведь формула была мощным рычагом давления на гордых, несговорчивых остроухих соседей. Что жизнь одной студентки против миллионов форинтов? Не думаю, что тайная канцелярия выбирала бы между Нари и годовым бюджетом империи.

Тогда сестра пошла ва-банк: опубликовала результаты своего исследования. Открытие разошлось по всем газетным листкам, теперь захочешь — не отловишь. На ее голову закончилась охота.

Именем же Арнсгар у нас в семье принято проклинать. Однако Нари не упоминала, ссылаясь на какую — то клятву о неразглашении, а мы и подумать не могли, что глава тайной канцелярии — ещё и носитель первородной крови. Ведь это работа отнюдь не чистая. Скорее даже наоборот. А цесаревичи (они же — великие князья и принцы) мне представлялись если не существами возвышенными и утонченными, то уж точно не привыкшими по локоть возиться в грязи. Пусть та грязь — и людских душ, тайн и интриг.

Но в тот момент, когда я поняла, что вот он — передо мной, виновник стольких бед нашей семьи, а теперь ещё и моей смерти. Интриган и политик, для которого в борьбе за власть все средства хороши...

Арнсгар захрипел, его глаза расширились от удивления. А я хотела одного: убить. Вот только, увы, желать — не значит мочь. Мое тело прошил разряд. Я согнулась от боли, забыв обо всем. А тычок в грудь заставил меня отлететь к дверце магомобиля.

Все произошло за пару ударов сердца, не более. Водитель затормозил тогда, когда я вернулась на свое место.

— Все нормально, едем дальше, — кашлянув, бросил ворон и тут же, обратившись ко мне, произнес со странной иронией: — Не припомню тебя среди своих любовниц. Хотя душила ты меня столь же страстно.

— Почему именно любовниц? — ошарашенная таким заявлением Арнсгара спросила я, приходя в себя.

Элементаль, раскручивая шестеренки и поршни, заурчал под капотом магомобиля, и тот тронулся с места. Шины зашуршали, и им вторил мерный стук капель занимавшегося дождя.

Мы выезжали на проспект. Сердце столицы, квартал Кристаллов, где даже в этот ранний час машины перемигивались фарами с яркими вывесками витринами. Столица жила своей привычной размеренной жизнью, не подозревая о том, что ночью произошло на погосте окраины стольной Эйлы.

— Потому что мои враги, столь же импульсивные, как ты, уже давно и прочно мертвы. Остались только хладнокровные и расчетливые, способные с широкой дружеской улыбкой всадить нож в спину.

Он говорил, изучающе, по-новому глядя на меня. А я наконец поняла, что его фраза про любовницу, показавшаяся мне идиотской, была точно выпад в фехтовании, рассчитанной. Ворон огорошил меня, заставил сбиться с мысли, и, пока я слушала его ответ, успела если не остыть, то взять себя в руки.

— Фамилия Росс вам о чем-нибудь говорит? — медленно выговорила я, сжав кулаки до хруста.

Но чего я не ожидала, так это того, как Арнсгар изменится в лице. Маска его невозмутимости пошла трещинами, как весенний лед на реке. Еще мгновение назад все было гладко, и вот уже —

попыньи и торосы. А под ними — стремительный поток эмоций.

— Росс?! Демон меня раздери, Росс!

Его острые скулы побелели, отчего в отсветах ночных огней, что через стекло заглядывали в салон магомобиля, ворон показался мне покойником.

А потом он схватился за грудь. Там, прямо напротив сердца, обугливалась ткань черного мундира.

Я впервые видела действие клейма клятвопреступника. Арнсгар шипел сквозь зубы. По его виску стекла капля пота, он откинул голову. Кадык на открытой шее дернулся. Но я уже знала: эта беззащитность обманчива. И рискни я попытать удачу снова — точно так же попаду под удар заклинания.

— Чуть меньше десяти лет назад я принес клятву, — не дожидаясь моего вопроса, заговорил ворон: — Найриша Росс вытребовала ее у меня. Я обещал, что никто из ее семьи не пострадает от моих действий и действий моих подчиненных. Правда, это было до того, как твоя, я полагаю, сестричка предала Родину и слила всю информацию нашим врагам.

— Арнсгар, знаешь, хочется тебя послать, но я смотрю и вижу, что ты везде уже побывал. И не раз, — вырвалось у меня.

Он приоткрыл левый глаз. Синий.

— Что же. Рад, что у нас есть что-то общее. Хотя бы ненависть друг к другу. — резюмировал он. — Мне будет проще вести допрос.

Кто там говорил о женской логике, что она странная? Выверты мужской, точнее одного ненаследного князя, можно было описать только законами всемирного хаоса.

— Странно, а мне всегда казалось, что разговаривать проще и уж точно безопаснее с тем, кто не хочет тебя убить, — на последних словах мне едва хватило воздуха.

Пришлось шумно вдохнуть. Все же в живом состоянии было много плюсов — например, привычка дышать.

— Да, проще, — уголком рта улыбнулся ворон, — но ещё ненависть — эмоция сильная. Именно она порою и мешает сохранить лицо невозмутимым, когда подозреваемый пытается солгать на допросе.

Я же краем глаза оглядела карателя. На его мундире зияла дыра, обугленная, а в ней — месиво из спекшейся крови и плоти. В салоне наверняка пахло жженой кожей, но я этого не чувствовала. Да и боль, подозреваю, была адская. Обычно от такой умирали: чем серьезнее клятва, тем больше клеймо. У ворона оно было внушительным — едва не на половину груди. А он не только не отправился за грань, но даже сознания не потерял.

Мой взгляд пробежал по наглухо застегнутым пуговицам мундира выше, к шее, подбородку, стиснутым в линию чуть обветренным губам. А потом я увидела, что ворон точно так же изучает меня. И резко отвернулась.

На запотевшем стекле капля дождя оставила след — змейку. Осень не плакала. Она всего лишь заваривала крепкий чай из желтых листьев. Накрывала всех и каждого пледом тихой печали, стучала в окна дождем в ритме протяжного блюза. А вместе с запахом прелого покоя душа, качиваемая в колыбели из смурных туч, засыпает до весны.

— Жаль, что ты не умер от печати. Тогда мы бы были квиты, — произнесла, не оборачиваясь.

— Под твоими словами подписались бы многие — отозвался ворон. — Ибо многих в империи расстраивает, что я до сих пор не убит. Касательно же клейма: оно вступает в силу, когда носитель клятвы сам осознает, что ее нарушил. Так что даже хорошо, что ты назвала свою фамилию сейчас, а не в департаменте.

— И чем же? — любопытство было слишком велико, и я невольно снова повернулась к Арнсгару.

— Тем, что меня бы так скрутило, когда начался бы допрос по всей форме. Но уже при подчиненных.

— А водитель, выходит, не подчиненный? — хмыкнула я, кивнув на свидетеля слабости высочества.

— Почему же, подчиненный, — Арнсгар выпрямился и, повернувшись ко мне, добавил: — Подчиненный по всем правилам некромантии зомби, преданный исключительно мне. К тому же язык Кейри вырвали ещё при жизни.

Вот ведь! Уел.

— Что, так важно быть непогрешимым и непобедимым в глазах других? — вскинулась я.

— Нет, не важно. — отрезал высочество. — Непростительно показывать слабость. Потому что в моем случае она в прямом смысле убивает. Но даже не это главное. Важнее, то, что это может обронить тень на остальных носителей первородной крови, а значит, и императора.

— Слушай, а ты никогда не хотел поменять приоритеты? — обескуражено спросила я. Все же как-то привыкла считать, что ценность жизни, особенно собственной, выше мнения толпы.

— Скажи, все девицы семейства Росс такие недалекие? — подался вперед Арнсгар. В его разноцветных глазах полыхнуло пламя.

Что же, я могла себя поздравить: за одну поездку дважды довести карателя до состояния «душа просит тепла». Точнее — шквального огня, которым так и хочется сжечь одно наглое мертвите, сидящее рядом.

— Так просвети меня, о, далекий, в чем я не права.

— Хотя бы в том, что спокойная и благополучная жизнь простых имперцев зависит от правителя и совета семи главных домов. Власть зиждется на уважении подданных, страхе сопредельников и вере тех и других в то, что первородная кровь безукоризненна. Что ее носители априори сильнейшие. Что они способны защитить. Всегда. И покарать — тоже. И любое проявление слабости — удар по этой вере, а значит, и по благополучию моей страны.

Слова ворона, этого благородного негодяя, заставили меня задуматься. И сдается, сейчас он говорил не обо мне. Не только обо мне.

— Тайрин. Никогда не наступит мира во всем мире. Равенства и всеобщего благополучия. Всегда будет борьба за власть. И всегда нужно будет кормить свою армию, чтобы не кормить чужую. Поэтому так важно быть сильнее, не показывать и толики своей слабости. Опережать противника. Поверь, мне очень жаль, что ты оказалась во все это втянута...

— Втянута? — я ударила кулаком по сиденью так, что дубленая кожа, не выдержав, затрещала. — Да я мертва!

По моим щекам потекли слезы, а голос сорвался. Меня заколотило в банальной истерике: я начала осознавать случившееся. Не просто фиксировать, принимать к сведению, а именно понимать.

Магомобиль замедлил ход. В окне мелькала витая чугунная ограда, а за ней тянулась серая громадина здания. Отдел карателей, о котором ходило множество слухов.

— Кейри, еще один круг по кварталу, — приказал ворон.

Он не добавил «чтобы она успокоилась», но я поняла. Но за то время, пока магомобиль колесил по улицам, я действительно сумела взять себя в руки. Когда вышла из него, то мои глаза были абсолютно сухи. Мундир карателя, к слову, тоже был вне подозрений: целым и невредимым. И если в моем случае на помощь было призвано самообладание, то Арнсгар использовал магию иллюзий. Причем высшего порядка. Так, что ткань казалась невредимой не только на вид, но и на ощупь. И неважно, что под ней было кровавое месиво.

Ворон ничем не выдал то, что еще четверть часа назад корчился от дикой боли. Даже не поморщился, пока шли по аллее, коридорам, отнюдь не безлюдным, несмотря на ранний час. В отделе карателей кипела работа.

Меня проводили в допросную, где сразу же появились стенографистка, маг в черном мундире с записывающим кристаллом, ну и, собственно, ворон. Последний-то и доставал меня вопросами добрых два часа. Между нами лежали злость, усталость и артефакт абсолютной правды. Последний пару раз мигнул красным, когда я думала, что какая-то деталь незначительна и не стоит ее упоминать.

Пару раз в кабинет забегала блондинка в черном мундире, принося ворону какие-то бумаги. Глянув на них в последний приход вестницы, Арснагр откинулся на спинку стула и произнес:

— Зато теперь понятно, почему территорию кладбища повторно не прочесали перед началом операции, — и уже застывшей статуей блондинке:

— Молодой жене погибшего выплатить компенсацию. Его новорожденному сыну — обеспечить стандартное пособие.

А когда черномундирная ушла, я в упор посмотрела на ворона. Без всяких слов. Они казались мне

лишними. ?н все понял и пояснил:

— Капитан, отвечавший за зачистку, найден убитым. Кто-то по его кристаллу связи прислал отчет, что погост чист. В это время картель уже был мертв. А это значит, что все гораздо хуже, чем я предполагал... — он оперся локтями о стол и сцепил пальцы в замок. На миг задумался. А затем прозвучало: — На сегодня допрос окончен. Я отвезу тебя домой и принесу личные извинения твоей семье.

После этого его заявления я поняла, что в моей классификации к условно бессмертным стоит отнести не только водителей, занимающихся извозом, которые ничтоже сумняшеся летят на запрещающий сигнал постового жандарма, но и ненаследных великих князей.

— Ты в курсе, кто мой отец? — осторожно уточнила у ворона. Нет, я, конечно, была не против оказаться отомщенной по всем правилам вендетты: чтобы Арнсгар тоже получил путевку за Грань. Но не из рук же моего отца?! Папу же потом посадят.

А то, что Моррис Росс если не испортит здоровье ворона, то подпортит ему физиономию, — как водички попить. Как-никак отец был великим скульптором. И великим не только в плане таланта, но и габаритов. Правда, у папы было весьма альтернативное видение прекрасного. Так что неподготовленных гостей, которые напрашивались в мастерскую, дабы первыми узреть творения великого мастера, после кузины с братцами откачивали валерианой, водой и оплеухами. Я, правда, предлагала прибить этих бедняг из милосердия. А что? Их неокрепшая психика при виде статуи младенца с рыбьей головой, насаженного на вертел, ломалась так, что восстановлению не подлежала.

Но домашние оказывались глухи к моим предложениям. Зато полутрупные зрители, валявшиеся в отключке после нервного потрясения, — отчего-то нет. Вот всегда подозревала, что обморок обостряет слух!

Как иначе объяснить то, что господа после моих слов гости обычно резко вскакивали, вспоминали, что у них есть срочные дела и спешили всенепременно, вот прям щас их выполнить. И удирали. Пару раз даже в окно, перепутав его с дверью.

Зато гением мэтра Морриса Росса восхищались. Вздрагивали и восхищались. Чаще всего издалека. А самые крепкие духом даже приходили на выставки. И в один голос заявляли, что Моррис — гений. Ну а попробуй сказать магу с даром разрушения и хаоса другое. Не успеешь глазом моргнуть, как станешь частью очередного его творения: обелиском там или барельефом. Смотря куда тебя вмуруют.

— Вообще — то да. У него отлично получилась статуя Вирмара Норвуда. Я ее оценил.

Я припомнила сие творение, презентованное Моррисом молодоженам на свадьбе и больше напоминавшее агонизировавшего зомби, чем новобрачного, вздрогнула и уточнила у ворона:

— То есть ты совсем ничего не боишься в этой жизни?

— Нет, — прозвучал усталый и предельно честный ответ: — Я всего лишь порою опасаясь.

С этими словами Арнсгар поднялся из-за стола и подошел к шкафу. Выбил по нему странную затейливую дробь, после которой дверца отщелкнулась. А я, лицезревшая эту картину, с запозданием поняла, что это у высочества случился не нервный тик, когда он постучал по выдавшему не только виды, но и не одну переклейку учетных номеров при инвентаризации мебели шкафу.

Сейф, а именно он маскировался под почти антикварный шкаф, оказался полон неожиданностей. Вытянув шею, я смогла узреть то, что не закрывала широкая спина ворона: занятное соседство стопки бумаг, черепа со светящимися глазницами, грозди амулетов и двух бутербродов.

Причем ворон сначала взял их, потом — несколько колец, камни на которых сияли явно магическим блеском. Как первое, так и второе тут же пошло в ход. Зубы вонзились в бутерброд, а пальцы высочества, на которых и так было два перстня, стали унизаны кольцами.

— Фто? — активно работая челюстями, спросил в ответ на мой недоуменный взгляд Арнсгар. — Я уважаю Морриса Росса.

Камни, сверкнувшие на его фалангах, подтвердили: да, действительно уважает, причем настолько, что неподготовленным к нему высочество в гости не сунется. Я пригляделась: рубин с красными сполохами — скорее всего, в нем атакующее заклинание высшего порядка. В оправе другого сверкал сапфир неправильной формы — это, скорее всего, защитный. И сдается мне, мастер-артефактор не стал бы вплетать в столь дорогой камень какой-нибудь пустяк. Например, в бирюзу — да. В нее не грех спрятать слабенький заслон или чары от насморка. Впрочем, сказала я

совершенно другое:

— А еще ты уважаешь, как погляжу, буженину. Вон какую бронированную охрану ей организовал. В сейфе, — кивнула на бутерброд.

— Ты даже не представляешь, сколько в ведомстве охотников на дармовое вкусное мясо. Зазеваешься — и всё.

— Съедят? — уточнила я.

— Хуже. Испортят. — Доедая то ли ужин, то ли завтрак, ответил высочество и пояснил: — В основном ядом. Что самое обидное — отравы могут и не доложить!

— Неужели тебя так не любят подчиненные? — удивилась я, краем глаза наблюдая, как стенографистка на цыпочках по стеночке, по стеночке крадется к двери.

Маг с записывающим амулетом странно косил на нее глазом, но стоял, не шелохнувшись.

— Эйра Рунур, в следующий раз, если вы решитесь травить, не берите вытяжку белладонны и волчеягодника. Тем более еще и с магическим компонентом. От него противное послевкусие, — не оборачиваясь, четко сказал ворон вжавшейся в стену стенографистке.

Та, в одной руке крепко держа папку с бумагами, так и распласталась по обоям. М-да... Надо было ей намекнуть, что в подобных ситуациях важнее уметь держать лицо, чем документы.

— Арестовать, — не изменяя голоса произнес Арнсгар.

На стенографистку тут же бросился каратель, что до этого стоял в углу с записывающим кристаллом, а в открывшуюся дверь заскочили еще двое.

Под выкрики девицы «Будь ты проклят, узурпатор», «Имперская гниль», «Сопrotивление победит!» ее с заломленными руками увели.

Все продлилось не больше пары минут. Я молчаливо смотрела на произошедшее. Сказала бы, что даже не дышала, но ввиду того, что в нынешнем состоянии воздух мне уже не требовался, это бы не отразило степени моего изумления.

А высочество, как ни в чем не бывало, пояснил:

— Я ее вычислил давно. И планировал арестовать чуть позже, чтобы через нее выйти на других ренегатов. Но, с учетом того, что произошла утечка информации...

— А почему не отдал приказ, как только мы приехали? И при ней вел допрос?

— Потому что она хоть и заговорщица, но отличная стенографистка. И пока не догадывалась, что разоблачена, выполняла свою работу быстро и аккуратно. Арестуй я ее до начала допроса, пришлось бы срочно искать другую. Так что я предпочел обойтись без лишней суеты. А из застенков ей в ближайшее время не выбраться. Спустя же пару лет эта информация утратит какую-либо ценность.

Холодно. Цинично. Расчетливо.

О спокойствие карателя только что разбилась ярость заговорщицы. Вот только какво это: держать все всегда под контролем? Сдается, плата ворона была высокой.

— И часты ли такие вот покушения? — я чуть склонила голову набок, рассматривая тени, залегшие под глазами Арнсгара.

— Случаются, — уклончиво ответил высочество. И сделав шаг ко мне, протянул руку.

Жест, оточенный до автоматизма, отработанный до градуса и дюйма. Чтобы не преклониться, но показать уважение. Сейчас передо мной был аристократ до мозга костей. Который, в отличие от стенографистки, умел держать и лицо, и спину, и слово.

— Тайрин Росс, позвольте отвезти вас домой.

Я приняла его руку, поднимаясь, но не удержалась:

— Прошедший день обещал хороший вечер, — вздохнула я, — и ни словом не обмолвился, что он же будет моим последним в этой жизни.

— Вечера — они такие, — отозвался Арнсгар, — наобещают, а утру приходится устранять

последствия их посулов.

Я обернулась к ворону и поймала его взгляд. И мы говорили отнюдь не только о времени суток. А когда вышли из управления, то оказалось, что ночь уже миновала.

Рассвет. Алый диск неспешно вставал над горизонтом. Воздух звенел. Капли дождя искрами блестели на солнце. Желтые опавшие листья казались драгоценными. Город казался чистым, словно для парада, словно это не столица, а гарнизон, которому до побудки осталось совсем немного.

Ровно три мига. И вот по рельсам прогремит вагончик, подгоняемый элементом. Тренькнет далеко и звонко его колокольчик. Или промчится по брусчатке магомобиль припозднившегося гуляки. Но это через три мига. А пока... Тишина. И хочется оттолкнуться от земли и взлететь. Навстречу пурпурным облакам. Поймать этот миг. Он был прекрасен. Его хотелось запомнить таким. И меня — такой.

Вдруг подумалось, что не хочу сочувственных взглядов семьи. Да, может, это и эгоистично. Но как представила, что оставшиеся дни они будут смотреть на меня, зная, что я уже мертва, пытаться улыбнуться через ком в горле, видеть, как из меня уходит магия и разрушается мое тело... Не хотела этого, и все.

— Пусть я умру для семьи сразу, а не по частям — решительно выпалила я, резко остановившись. Причем забыла, что у меня, как у умертвия, ныне сил больше, чем у обычного человека. Изрядно больше. В итоге? рнсгара резко дернуло назад, пригвоздив к месту.

Он полуобернулся ко мне и вопросительно изогнул бровь. Пришлось пояснить свою мысль. Ну и отпустить свою руку.

— Не хочу, чтобы они все те несколько дней, что я буду ожившим мертвецом, прощались со мной. Ведь в твоих силах подстроить мою смерть? Пусть она выглядит естественной и быстрой. Или я уеду куда-нибудь...

— По обмену, — вот почему в прозвучавшей фразе высочества мне послышалась ирония? хотя нет, наверняка показалось.

— Нарі сейчас ждут второго ребенка, ей нельзя волноваться. Пусть я просто уеду. И спустя несколько лет, допустим, не вернусь, — сказала и удостоилась внимательного взгляда.

— Хорошо... — медленно, с расстановкой произнес Арнсгар. — Тогда сегодня советую не опаздывать в университет. Тебя будет ждать направление на стажировку в урийской усыпальнице.

Признаться, не поверила своим ушам. Да это же древний город мертвых! Территории, куда так просто не попасть. Там хранились древние артефакты, на стенах гробниц, по слухам, были начертаны не поддающиеся расшифровке заклинания экзорцизма. В усыпальницах останки древних — и спецдопуск к оным. Место, где сохранились свидетельства некогда могущественной цивилизации стригоев. Правда, последних, судя по летописям, драконы истребили ещё до своего окаменения... но это лучше ведают историки. А вот то, что город мертвых тщательно охраняют, — ведают адепты темного факультета. И да, каждый из студюзусов-некромантов мечтает туда попасть на практику!

На миг я даже забыла, что мертва, — столь сильны оказались азарт и жажда открытий. А потом вспомнила — это всего лишь предлог. Усыпальница просто находится на другом краю империи. За Долиной гейзеров. Ну вот почему так! Обычно за такой шанс — попасть в усыпальницу стригоев — адепты убить готовы. А мне, чтобы попасть на такую шикарную стажировку (пусть даже и фиктивно), самой пришлось умереть.

Вот что значит невезение! Да я даже на пути к очередным граблям судьбы, который будет не длиннее пяти футов, умудрюсь попасть в пару волчьих ям и дюжину капканов...

Такие мысли меня обуревали, пока мы ехали в магомобиле до моего дома.

Улицы просыпались. Из трубы пекарни завился легкий дымок. Аромат свежей сдобы наверняка гулявским котом уже выскользнул на улицу, дразня редких ранних прохожих.

Рассветные лучи целовали стекла домов, и те алели отблесками в ответ. Город пробуждался. Обновленный после дождя. Оживал, его пульс убыстрался. Когда мы остановились напротив моего дома, то соседка-троллиха уже бдитительно стригла кусты рядом со своим крыльцом. При этом Тамарин, работая секатором, зыркала не хуже матерого шпиона.

Хотя внешне для тайного агента она слегка не вышла: с ее гренадерским ростом и свирепым взглядом опытного стрелка затеряться было проблематично. Причем не то что в кустах, но даже и

среди драконов. И все же. Она пыталась. Если не спрятаться целиком, то замаскироваться под досточтимую горожанку. Но как по мне, чепец и кудельки, обрамлявшие чуть зеленоватое лицо, смотрелись слегка дико рядом с торчащими клыками. Оные, в силу тролльей физиологии, при всем желании нельзя было спрятать. Посему и они всегда торчали над нижней губой Тамарин.

Я хотела сама открыть дверь и выйти, но Арнсгар меня опередил. Как-то у него это быстро и опытно получилось: выскользнул из магомобиля — и уже дверца передо мной распахнута и рука мне протянута. Делать нечего. Пришлось соглашаться и изображать обремененную этикетом особу, жутко признательную сему галантному жесту.

— А... смотри-ка, явилась, ночница-соседка, — сверкнула в нашу сторону глазами Тамарин. Ее зычный голос разнесся в кристальном утреннем воздухе далеко. — Да еще не на своих двоих, да с хмырем залетным под ручку, у-у-у, блудница...

Чик-чик-чик — в воздухе ожесточенно засвистели ножницы секатора.

— Непутевая девка, вся в отца! Дома не ночует, штаны носит... Тьфу, непотребница! — меж тем бубня, как Тамарин думала, себе под нос, а на самом деле — на всю округу, возвестила она. — Вот наверняка припрет скоро в подоле...

Ворон, которого из главы тайного отдела резко понизили до «залетного хмыря», лишь заинтересованно изогнул бровь.

— Поверь, лучше пусть меня соседи считают развратницей, чем некроманткой. Иначе я замучаюсь им души покойной родни вызывать по поводу каждого чиха, — как можно тише произнесла я.

К слову, опасения эти были не беспочвенны: лет десять назад, когда весь квартал узнал, что Нары — алхимик, причем весьма толковый, к нашему дому выстроилась вереница за дармовыми эликсирами, которые каждый просил сварить «за так, по-соседски». И если бы зелья нужны были для больных и немощных. Нет же, через одно — любовные! Да что соседи — даже бывшие одноклассницы кузины тут же вспомнили, что сидели с ней за одной партой. Все разом. Судя по числу «школьных подруг», эта парта Нары была длиной едва ли не с набережную Кейши.

Кузина, дабы разогнать халявщиков, поступила в лучших традициях перекупщиков: назначила на свои услуги заоблачные цены. Такие страшные, что ими было впору лечить от заикания. Надо ли говорить, что «друзья» и «добрые соседи» самоликвидировались. Зато по городу поползли слухи о несметных богатствах и алчности семейства Росс.

Угу. Чем мы ныне были богаты — так это долгами. Именно в них и предпочитал хранить все свои сбережения Моррис Росс. Нет, глотать не голодали. Но и не шиковали.

Правда, кузина уже давно вышла замуж, жила отдельно и предлагала помочь отцу, но он отказывался. Особенно после того случая, когда лекарь назначил Моррису от очередной хвори пропить железо. Ну отец и пропил. Кованый холодильный ларь и магомобиль. К слову, последний был подарком Нары.

Когда папа протрез... излечился и от хвори, то окончательно понял: искусство и деньги в его случае несовместимы. Причем пока денег особо не было — в нашей семье было все спокойно. Но стоило появиться... В общем, Нары смирилась и, приезжая, как сейчас, погостить, оставляла кошель не папе, а мне. Видимо, считая меня самой разумной из семейства.

Теперь, похоже, придется отдать почетную роль кому-то из близнецов. С такими мыслями я и шагнула от магомобиля.

— Спасибо, что подвез, но дальше я сама....

Арнсгар лишь понимающе кивнул. Моей просьбе ничего не говорить родным он если и удивился, то вида не подал. И заверил, что сегодня же в деканате будет приказ о стажировке на мое имя. Нужно будет только прийти и расписаться.

На мне, благодаря его заклинанию, была абсолютно чистая и целая факультетская форма, куртку которой я машинально расстегнула.

Впереди у меня — целый день, чтобы побыть с семьей, сбегать в университет на занятия... Благо, сегодня у нас две лекции, которые закончатся к пяти вечера. Вернуться, обрадовать домочадцев стажировкой, собрать вещи и уйти.

Ворон заверил, что у меня есть время до девяти вечера. Так что, может, я даже sklep себе найти успею, в котором и отойду к праотцам.

— Держи, — каратель снял с пальца один из перстней, на котором была императорская печать.

— Что это? — я не спешила принять подарок, больше похожий на компенсацию. Сомнительную такую.

— Это амулет называется «Пески памяти» — когда ты умрешь окончательно, твоё тело развеется прахом, где бы ты ни оказалась.

Я посмотрела на украшение. Да уж, щедрый дар. Который стоит немало. Но главное, ни один некромант потом не сможет по своей воле вызвать мой дух или найти останки, чтобы поднять их. А значит, для всех я не умру, а просто исчезну.

— Спасибо, — я взяла кольцо. И лишь потом задумалась: оно ведь было не для меня. Вернее, его создали для ворона. А это значит, что он в каждый миг своей жизни был готов вот так «уйти песком в небытие». Не умереть, но навсегда исчезнуть.

— Прощайте, ваше высочество, — чуть склонила голову.

Не будь я магом смерти, возможно, сейчас бы истерила, ревела в три ручья или находилась в прострации по поводу того, что умерла. Но я была некроманткой, которая попрощалась с жизнью в холодных водах, когда тонула и сумела поймать свой дар. Такой же, как и мои сокурсники. Мы жили каждым мигмом, взахлеб. Шутили, порою весьма цинично, и, наверное, как никто понимали, что наша жизнь оборвется. Скорее всего, внезапно. И, в отличие от многих, мне достался редкий подарок: попрощаться с близкими.

— Ну что, Арнсгар, увидимся за Гранью, — я вскинула голову.

— Увидимся, — грустно улыбнулся он.

Я повернулась и сделала несколько шагов к дому. Все это — под ожесточенное щелканье секатора, под бдительным соседским взором. А потом неожиданно даже для самой себя обернулась и произнесла:

— Ворон, а из тебя бы мог получиться неплохой некромант.

И, не дожидаясь ответа, поспешила к своему крыльцу. Могла побиться об заклад, что сегодня у госпожи Тамарин случатся многоплодные роды. И в итоге на свет появится не одна раскидистая и кучерявая сплетня про беспутную Тайрин Росс и её богатого любовника. Ну, хотя бы так. Не всем же быть увековеченными в легендах. Кому — то нужно и в сплетнях.

Дом встретил меня тишиной. Хороший день у главы семейства, эйра Моррис, начинался не ранее часу дня. Плохой, впрочем, тоже. Братья-близнецы о своем распорядке дня не докладывали, но, как мужчины в полном расцвете сил и любви, часто и вовсе не ночевали дома. Хотя, статья, Чейзу недолго ходить в холостяках осталось.

Единственный пораньше мог проснуться дядя Матеуш. Но вчера он уехал с нашим породистым котом Бенедиктом Вторым Неподражаемым на выставку и, статья, вернулся с нее далеко за полночь. Наряду же, как дама глубоко замужняя, давно и прочно эйра Норвуд, а не Росс, и вовсе не ночевала, как и положено, у себя в особняке, что располагался в престижном районе голубой Ягоды. А к нам приезжала на пару часов. Так что ныне ее в доме не было.

Рассудив, что тихушничать особо не от кого, я прошла в кухню. И там узрела Морриса. Мрачного и решительного, как герой одного из сражений древности. У него даже и награды имелись: за героический двухчасовой сон — мешки под глазами третьей степени, за отвагу, проявленную в неравной схватке с одеялом, — круги вокруг глаз первого ранга и за выдающиеся заслуги перед кроватью — следы от подушки высшего разряда.

— Папа, доброе утро, — я была слегка озадачена такой картиной. — Что-то случилось?

— Да, — мрачно обронил отец. — Моего «Блюцифера» раскритиковали в пух и прах.

— А кто? — я сделала несколько шагов, плавно села на табуретку, напортив Морриса, через стол и заглянула ему в глаза.

— Эксперт. Вон какую статью накатал в «Имперском вестнике»...

Новостной листок, изрядно помятый, со следами то ли томатного сока, то ли крови, лежал на краю стола. Я взяла его, прочитала. Эпитеты «недостаточно ужасна» и «бездарный эпатажник» были самыми мягкими. Я вспомнила отцовского «Блюцифера» — коня, местами лишенного кожи, а кое-где и мышц, с беременной наездницей, рассеченной пополам. Причем, если смотреть с одной стороны, дева была почти нормальной, а с другой — в разрезе и ребенок в ее чреве — лишенным головы. В общем, статуя в духе Морриса Росса — не для слабоверных. Высокое искусство, одним словом, которым хорошо лечить запор и заикание.

— Пап, — я отложила статью. — Если читать все, что о тебе пишут критики, то можно и помереть. От разрыва. Причем не сердца, а себя целиком. Когда ты будешь метаться между тронем с короной и обрывом повыше, с которого бы кинуться.

Моррис, до этого внимательно изучавший свои узловатые, жесткие даже на вид руки с задубевшей кожей и черными полумесяцами ногтей, поднял голову.

— Тай, а может, ты и права... не стоит обращать внимания на всякую шуштуру, которая тем и знаменита, что брешет громко и звонко.

Я хотела положить свои ладони поверх его рук. Остановилась в последний момент. Поняла, что лучше не надо. Я уже мертвая. И наверняка холодная. А это может насторожить отца, который порою не видит главного, но всегда подмечает детали. Ограничилась лишь:

— Обещай, что будешь слушать не критиков и подпевал, а только себя. Обещаешь? — и доверчиво заглянула ему в глаза.

— Д-д-да, — неуверенно произнес Моррис. Он был бесстрашен. Случись ему выйти на бой, я уверена, — он бы победил. Сколько бы врагов у него ни было. Но то реальных из плоти и крови. А есть противники куда страшнее. Они точат нас изнутри — сомнения и страхи

— Вот и отлично! — Я вскочила со стула и, пока папа сам не обнял меня, протараторила: — Давай я приготовлю тебе чай. Или даже супчик!

— Нет! — поспешно, словно я предложила призвать на нашу кухню всех демонов преисподней оптом, возразил Моррис.

— Поддерживаю, — в дверях появился сонный, перманентно зевающий Генри — один из близнецов.

Он тоже выглядел по-геройски. Правда, судя по ранениям, сегодняшнюю ночь он провел не в плену у подушечки и одеялка, а сражаясь на передовой. Только фронт был любовным. Засос на шее и след когтей на груди. Последний оставила явно большая, очень большая кошечка. Светлый длинный волос, застрявший в его родной пепельной шевелюре, свидетельствовал о масти «кисы».

— Душите вы мои прекрасные порывы.

— Иногда талант отравителя и задушить не грех, — ничтоже сумняшеся парировал братец.

— Вот не надо! — насупилась я, беря половник. Повертела его в ладони. Так, исключительно для кулинарных целей. — Я неплохо готовлю...

— Да, — удивительно покладисто согласился Генри и добавил: — Ты вкусно режешь окорок. А ещё виртуозно варишь яйца!

Да что Генри знает о том, как тяжело вкусно нарезать окорок! Особенно когда ты голодна и хочешь сожрать его целиком! Особенно когда придешь поутру с ночного практикума и сама злая, как зомби.

Нет. Вот сейчас братишка сам напросился! Хотела это сделать позже, но чую — нужно сейчас. Вот как поднимусь к себе, найду кошель, в котором у нас лежат деньги на домашние расходы, и торжественно вручу братцу. А еще — поздравлю его с окончанием финансового года. И не важно, что идет ещё только третий квартал. Деньги в семействе Росс кончились — значит, и финансовый год — тоже!

— За мной, — сказала я тоном полководца и махнула половником в сторону лестницы.

Независимо протиснулась мимо братца, всё еще стоявшего в дверном проеме, и пошла на второй этаж. Надо ли говорить, что Генри и не подумал последовать приказу. Зря. Некроманты делают предупредительный выстрел сразу в голову, а уже потом разбираются, зачем и в кого. Вот и я запустила свой снаряд в белобрюсую башку. Генри уклонился невозмутимо и быстро. Мое оружие срикошетило о косяк и по невероятной, виляющей, как пьяный заяц, траектории устремилась к буфету, отскочило от его дверцы, врезалось в люстру, стену и наконец нашло цель — затылок отца.

Упс.

— Да, сестренка, я, конечно, подозревал, что ты способна организовать покушение. Но не на нашего же отца. И не поварешкой. Хотя, признаться, заклинание интересное. Никогда не видел, чтобы предметы так отскакивали. Сколько единиц силы вложила?

А я с запозданием поняла, что нисколько. В смысле магии. Была лишь одна единица злости. Только помноженная на силу умертвия.

— Ой-е, — простонал отец, потирая шишку. — Как больно-то.

— Прости, папа, я нечаянно. — Стрелой пролетела обратно в кухню, распахнула морозный ларь и достала лед. Приложила его к затылку отца. А когда убедилась, что в основном пострадал все же не затылок, а гордость Морриса, выдохнула.

Генри, наблюдавший картину моих метаний по кухне, сложив руки на груди и оперевшись плечом о косяк, скалился. Паразит! В общем, вел себя в лучших традициях старшего брата, наблюдавшего за тем, как младшая опять села в лужу.

— Пап, он меня бесит, — раздраженно зыркнув на Генри, произнесла я. — Можно я брошу в него яблоком? — С этими словами цапнула из вазы на столе подгнившую с одной стороны ранетку.

— Нет, — выдохнул Моррис — Едой кидаться не хорошо. Кинь в него... И тут блуждающий взгляд отца на миг остановился на кочане капусты, потом скользнул на горсть орехов и замер на латунном шелкунчике, весившим пару фунтов, — вот этим.

Перст отца указал на орехокол. Да, эйр Моррис был прогрессивным отцом. Его взгляды на воспитание в детях независимых, взрослых личностей были настолько смелы, что доводили до икоты некоторых учителей. Хотя поначалу те пытались что-то возразить, но... Один-единственный раз побывав на родительском собрании у Чейза и Генри, папа нечаянно от избытка матерных чувств выжег на парте послание: «Дети, вам хана».

А все потому, что классная наставница в красках расписала, как близнецам удалось загнать преподавателя гимнастических упражнений на столб. И ладно бы просто загнали. Так слегка тучный эйр не мог потом слезть с этой орясины. Пришлось вызывать жандармов и организовывать эвакуацию. И счет за нее пришлось оплачивать папе.

В общем, Моррис был отцом любящим, но справедливость — больше. И будь я просто Тай, я бы непременно воспользовалась разрешением на обстрел Генри. Но сейчас... Прикинув, что шелкунчик, который я метну, может с легкостью пробить брешь не только в непоколебимой самоуверенности Генри, но и в его башке или каменной стене, поостереглась.

Зато теперь мне никто и ничто не помешало сделать то, о чем я мечтала с самого детства. Взять старшего братца за грудки и приподнять над полом. А потом просто потащить наверх, как плюшевого медвежонка. Большого медвежонка, который упирался руками, ногами и даже попытался выдрать косяк.

Крик «Та-а-ай!» перебудил, по-моему, не только весь наш дом, но и квартал. Но я была отомщена за все те годы, пока была «мелкой», «малышкой» и «шмакодявкой».

Я-таки всучила братцу кошель, от которого он старательно отнекивался. Впервые на моей памяти Генри отбрехивался от денег, которые ему пихали в руки.

— Я же не умею экономить! Да я вообще с боку-припеку на семейном бюджете, как стригущий лишай. И как он — столь же полезен для финансового здоровья Моррисов. — горячо возражал братец и добавил с просящей интонацией: — Тай, прости меня за все! Я от души сожалею, что сумел уклониться от этого твоего половника! Ну зачем же так коварно мстить!

— Знаешь, простить гораздо легче, если обидчик искренне раскаивается, горя на костре, — выпалила я со злости.

Братец тут же сориентировался: на его руке заплясало пламя. Демон! Надо было говорить не про сожжение, а про утопление: камешке там на шее, веревочке покрепче, омуте поглубже. А то при упоминании инквизиторского пламени маг-огневик и рад стараться... и паясничать.

— Вообще-то я давно тебе хотела передать это ярмо... прости — бразды правления нашим родовым бюджетом — в сильные, смелые, — я посмотрела на полыхающий факел на ладони Генри и мстительно добавила: — горячие мужские руки.

Пламя тут же потухло.

— Ты выходишь замуж? — с подозрением уточнил брат, став враз из разгильдяя Генри суровым и собранным магом. Почти драконом, готовым начистить забрало любому рыцарю, решившему покутиться на его принцессу.

— Лучше, — я старательно растянула губы в улыбке.

— Ты беременна и выходишь замуж? — превращаясь в грозовую тучу, уточнил брат.

Хм... как-то странно он понял слово «лучше»... хотелось еще промурыжить Генри: загадочно

накрутить локон на палец, томно вздохнуть, опустив глаза долу. Но я решила, что сейчас — лучший момент, и решительно, так, что брат пошатнулся, едва не потеряв равновесия, втиснула почти пустой кошель в руки Генри. потом произнесла:

— Нет. Еще лучше! Я еду на стажировку в город мертвых! На пару месяцев.

— Куда? — вытаращился на меня брат и затем медленно перевел глаза на свои ладони, в которых, к его немалому удивлению, уже был кошель.

— Восточная граница империи, за Долиной гейзеров, — услужливо подсказала я и добавила: — Мне на днях предложили. И я согласилась, — начала вдохновенно сочинять на ходу. Так что ты бы все равно остался за казначея.

— Но почему я? А не Чейз? — и столько искренней обиды в голосе брата.

— Потому что ты гибкий, — произнесла я таким тоном, что стало непонятно, что я имела в виду: дипломатические качества Росса-младшего или физические, благодаря которым он уклонился от половника.

Генри готов был, кажется, взорваться. И я произнесла:

— Ты не выйдешь? А то я хотела переодеться до прихода Нари. Она обещала с утра заглянуть в гости... — и потянулась к пуговицам форменной рубашки.

Братец недовольно фыркнул и, развернувшись на пятках, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Зато кошель забрал.

А я осторожно, на цыпочках, сделала несколько шагов, взялась за засов и аккуратно задвинула его. потом прислонилась спиной к двери и откинула на нее голову. Сколько я так простояла? Не знаю. А когда отстранилась и отошла к шкафу, чтобы выбрать чистую одежду, то увидела, что на белой краске остались пятна крови. Выругалась. Нашла салфетку и оттерла их, костеря себя за забывчивость. Морок-морок, но на самом-то деле вся моя одежда в крови. И об этом не стоило забывать. Выбрала платье потемнее и поплотнее и отправилась в ванную. Все же стоило смыть с себя грязь и кровь.

Встав под струи душа, машинально повернула красный вентиль. Горячая вода ударила о поддон, выбив россыпь капель и облака пара. Вот только тепла я не чувствовала. Зато одна из ран на теле начала сочиться. Не сильно, почти незаметно, но все же.

Я резко закрыла воду. А потом потянулась к другому вентилю. Холодная вода не обжигала кожу морозом. Я вообще не чувствовала ничего. Возникла мысль: интересно, окажись я в холодильном сундуке, я бы смерзлась в ледышку, окоченела или не потеряла бы подвижности?

С такими чисто исследовательскими мыслями я и вышла в коридор. На голове был тюрбан из полотенца. Халат старательно запахла так, чтобы закрытой оказалась даже шея. И на цыпочках, тихо-тихо, так, чтобы неожиданные неприятности не услышали и не кинулись за мной следом, быстро посеменила к своей комнате.

Спать не хотелось вовсе. Обычно в это время, придя с ночного практикума, я падала замертво на кровать. Но... судя по всему, те, кто говорили «после смерти выспишься», ни демона не понимали в загробной жизни.

Нари с племянниками обещала прийти к обеду. До этого я должна бы, по идее, сладко посапывать. Но как-то мне мять подушку совершенно не хотелось. Впрочем, голода я тоже не чувствовала. Припомнила, что там говорил Арнсгар... кажется, что мое сердце будет биться не чаще удара в минуту, а вдохи и выдохи станут редки.

Задумчиво потрогала мокрые волосы, которые никак не хотели высыхать. Взгляд упал на бледную кожу. Подумалось, что те несколько часов, что уходили у меня на сон, сегодня я потрачу на то, чтобы выглядеть нормальной.

Так оно и вышло. Я несколько раз накладывала и стирала перед зеркалом макияж. Первый раз перестаралась с пудрой — и румянец вышел излишне здоровым. Прямо свекольным. Вторая попытка привела к тому, что, увидев мой раскрас, девицы из квартала Сириновых фонарей полезли бы в драку — вырывать лохмы наглой конкурентке, вздумавшей покуситься на их уголья.

Но с третьего захода все получилось как надо: и чуть смуглая кожа, и небольшой румянец, и алые губы. Припудрила подбородок, шею. Задумалась над тем, что делать с руками — крем с них быстро смывается...? потом вспомнила о тонких перчатках в мелкую сеточку. Их я надевала лишь однажды — на свадьбу Нари. Правда, они были небесно-голубыми. Ну да ничего — завяжу на волосах, собранных в высокий хвост, ленту в тон.

Когда хроносы в зале гулко пробили полдень, я была готова. И не только сама — вещи для «стажировки» лежали в ярко-желтом потрепанном чемодане, который стоял посреди комнаты.

Внизу хлопнула дверь, а потом дом наполнился детским смехом, криками папы: «Осторожнее! Не разбей!»

Выйдя на лестницу, я увидела чету Норвуд в полном составе: их шебутную тройню, Нари с округлившимся животом и Вирмара. Последний осторожно обнимал кузину за талию, будто оберегая ото всего мира сразу. Глядя на них, я поняла, что по — настоящему счастливыми могут быть только любящие, а влюбленные... Влюбленные только еще постигают эту непростую науку.

Генри, уже ничем не напоминавший утреннего разгильдяя, остановился перед лестницей рядом со мной. Его расчесанные волосы лежали волосок к волоску, деловой костюм сидел идеально. Значит, после встречи братец отправится напрямик на работу, где опять задержится едва не до полуночи.

— Тай, как думаешь, — неотрывно смотря на кузину и ее мужа, спросил Генри: — лучшая пара — та, которая началась с дружбы, ненависти или симпатии?

— Та, с которой отпустили пораньше, — машинально ляпнула я, думая об университете. И лишь потом исправилась:

— В случае кузины — та, которая началась со шпионажа.

Брат закашлялся и, похлопав себя по груди, сдавленно произнес:

— Тай, первый вариант был лучше. Кстати, утром, когда ты меня тащила по лестнице. Что это было: заклинание или эликсир?

— Амул... — ответить до конца я не успела. Раздался оглушительный звон.

Юные наследники рода Норвуд, еще не обремененные мыслительным процессом о тайнах бытия и высоких материях, больше всего напоминали локальное стихийное бедствие, которое было невозможно усмирить. Хотя... как-то мне удалось их локализовать. Но Нари, узнав, что я, сидя с племянниками, загнала их в круговую ловушку для лича, отчего-то жутко разозлилась. Хотя это был единственный случай, когда юные Норвуды почти ничего не разбили. Не считая межкомнатной перегородки, угла камина и двух окон. А так да. Все осталось целым.

— Как думаешь, сколько отец продержится? — когда в ушах перестало звенеть, спросила я.

— В роли милого дедушки? — уточнил Генри.

— Просто дома, — я улыбнулась кузине и Вару.

— Думаю, час, — хмыкнул Генри.

— Ставлю, что не более получаса.

— По рукам, — братец протянул ладонь. — Проигравший неделю моет посуду.

Моя рука на миг зависла над его ладонью. Я успела подумать, что не будет этой недели, но потом ударила. Братец не должен ни о чем догадаться.

Чаепитие прошло на удивление мирно: дети крушили верхний этаж. Гоняли нашего фамильного призрака Йонока и так же шустро удирали от кота Беннедикта, возмнившего себя не иначе как свирепым тигром.

Дядя Матеуш вышел к нам зевая. Дедушку Морриса внуки нашли сами. Хотя он самоотверженно и отчаянно старался «не найтись». Вспомнила, как однажды кузина привезла тройню к нам на пару дней погостить. По прошествии выходных, едва открылась дверь и Нари с Варлоком шагнули за порог, раздался крик: «Ура! Мама с папой приехали!» Это ликовал, бежал навстречу, роняя тапки и опережая внуков, дедушка Моррис.

В три часа, когда Варлок ободрал с деда, как репьи с беспризорного пса, внуков, Норвуды отчалили. И мы смогли выдохнуть.

А затем я заспешила в университет. И едва вошла в аудиторию, как удостоилась двух десятков внимательных взглядов. И поняла, что чувствует умертвите на практике. Тут же захотелось задрать подол повыше, чтобы не мешал бежать, и дать деру.

ГЛАВА 3

— Тай, нам сказали, ты едва ли не при смерти!

— Магистр был бледным, будто его Костлявая прогуляться к алтарю позвала.

— А куда ты вчера исчезла?

— Подруга, ну ты вчера всех и напугала! — Клаус, угрем проскользнув меж сокурсников, оказался рядом, и положил свою лапу мне на талию, приобняв.

И вот странность: вроде и тон был шуточный, и манеры разгильдяйскими, но я почувствовала, как напряглась на миг его рука, и поняла: за этой беспечностью скрывается тревога.

И улыбнулась как можно шире. Понимая, почему самые страшные вещи часто не только говорят спокойным тоном, но и маскируются тонной лжи.

— А знаете, как я сама напугалась! Особенно когда подумала, что мое тело уже успели сожрать!

От дальнейшей лжи меня спас звонок. Вместе с ним, ворвавшимся в аудиторию, пришел и магистр Рухус. Преподаватель молодой, но из серии «каждая пипетка мечтает стать клизмой». Он часто настолько раздувался от чувства собственной значимости, что мы всей группой с замиранием ждали: а не разорвет ли его вовсе. Увы, вчерашний кучерявый аспирант, а ныне магистр лопаться не желал. Этот протезе декана (и по совместительству — его сын) с миной профессионального дегустатора лимонов дошел до своей кафедры.

— Садитесь, адепты, — с чувством превосходства в голосе бросил он. Его взгляд заскользил по партам и остановился на мне.

Губы Рухуса скривились. Хотя казалось: куда больше-то? И он, так, словно каждое произнесенное им слово стоило форинт из его же кошелька, процедил:

— А... адептка Росс... — Он сложил руки перед собой. — Вас можно поздравить с огромной удачей.

По аудитории пролетела волна шепотков и переглядываний ничего не понимающих сокурсников. Преподаватель же, как дешевый актер гастролирующей труппы, дождавшись, когда любопытство студюзусов дойдет до той черты, когда какой-нибудь смельчак будет готов спросить в полный голос, собственно, в чем дело, веско добавил:

— Не знаю, чем вы так талантливы, — глумливо протянул он, — что ректор университета издал приказ направить именно вас на стажировку в усыпальницы стригоев. Хотя были и более достойные кандидатуры, чем третьекурсница с сомнительными достижениями в учебе.

Он все-таки не смог удержать отстраненный тон и скатился в обиду за свой непризнанный гений. Стало понятно: Рухусу ещё далеко до чайника. Ну не умеет он пока жить, как эта посуда, что бы внутри кипеть от злости, а на других не брызгать.

Знал бы этот недогений, чем был оплачен «счастливый билет к стригоям»... Интересно, согласился бы он его у меня перекупить? Что-то сильно сомневаюсь, что да.

— Ух ты! — прошипел мне на ухо Клаус, ничуть не заботясь о том, что его бас слышен в радиусе нескольких парт окрест. — Ты отобрала конфетку у самого сыночка декана.... Даже не знаю, порадоваться за тебя или тебе посочувствовать.

— Лучше поддержи парой форинтов, — ехидно, исключительно в пику Клаусу выпалила я, опровергая еще один постулат: де покойникам деньги вообще не нужны.

Еще как нужны! Взять те же похороны... Приличные поминки — дюже разорительное мероприятие, на котором задарма плакальщицы даже причитать по тебе не будут. А стоимость дубового гроба?

Я как прикинула, во сколько обходится такая прощальная вечеринка, — так сразу и поняла, в чем секрет живучести некоторых личностей. Ну, тех, которые продолжают здравствовать порою даже не благодаря, а вопреки стараниям врачей. Просто у этих людей жаба не только квакает от жадности, но и знает приемы ближнего боя. И не стесняется их применять в рукопашной со Смертью.

Усмехнулась своим мыслям, порадовалась, что в моем случае семье не грозят лишние траты. А вот мне пара форинтов не помешает. Хотя бы чтобы вызвать наемный магомобиль и красиво отчалить из дома с чемоданом. Чтобы, не дай небо, кто-то из домашних не решил провожать до пристани с дирижаблями.

— Тай, ты же у меня недавно уже занимала, — возмутился сосед по парте. — И вообще, у меня создалось впечатление, что стоит дать кому-то хоть гнутую медьку взаймы, и тебя тотчас же начинают считать статьей дохода, при планировании даже не месячного, а годового личного бюджета.

— Так я не просто так. Я тебе свои лекции отдам по теории темной материи, — начала я, памятуя, что именно мои записи ценились в группе. Особенно перед экзаменами, когда их копировала чуть ли не половина сокурсников. А все потому, что я успевала записывать полно и разборчиво, что, как оказалось, для некромантов и лекарей едва ли не приравнивается к сверхспособностям. Видя, как заколебался Клаус, добавила: — И стехиометрические расчеты матрицы вызова лича.

К слову, над последней я билась целую неделю и расчетов в другой ситуации было бы откровенно жаль. М-да, никогда не думала, что придется торговать гранитом науки на развес.

Миг — и рядом со мной на скамью легли две монеты. И так же быстро в сумку Клауса переключались да свитка. При этом мы с соседом внимательнейшим образом смотрели на Рохуса, старательно отыгрывая внимание. Ну прямо два прилежных адепта, которых ну просто не в чем, совершенно не в чем упрекнуть.

От этого Рухус ярился ещё сильнее. От его злости больше всего страдали первые парты. Вместе с флюидами до этих адептов долетали и брызги слюны, когда вчерашний аспирант фонтанировал по теме сегодняшней лекции.

Причем диктовал он быстро, формулы записывал весьма экспрессивно и коряво. А времени, что бы все это перенести нам на бумагу, — практически не оставлял. Под конец занятия я, наверное, оказалось единственной, у кого не отваливалась рука. Все же есть у посмертия плюсы.

Аккуратно закрыла колпачок самописного пера, машинально отметив, что надо бы его снова заправить чернилами и зачаровать, а то литеры под конец лекции стали совсем светлыми. У меня даже в сумке вроде бы чернильный пузырек был...

Звонок возвестил об окончании занятия. Я стала собирать вещи, думая, как бы поскорее улизнуть не только из аудитории, но и от вопросов одногруппников, как в дверь заглянул наш куратор — магистр Мунк — мужчина уже не молодой, зато обстоятельный.

— Магистр Рухус, с вашего позволения, пока перерыв, у меня несколько объявлений для группы.

Сынок декана, может, и хотел бы возразить, но против бывшего боевого мага, доблесть которого отметил сам император (пусть и только медалькой, зато лично нацепленной монаршей рукой на грудь), не посмел.

Хотя я на месте Рухуса и без учета боевых наград нашему куратору возражать не стала. Мунк в совершенстве владел как искусством вовремя отступить, так и нанести точный молниеносный удар. И статья, если второй навык он приобрел в битвах, то первый — на семейной службе. Еще бы ему не быть асом дипломатии: попробуй выжить среди целого взвода принцесс! А наш куратор был счастливым отцом целых девяти дочек.

Меня, кстати, всегда интересовал вопрос: он стал седым до или после свадьбы?

Меж тем Мунк, опираясь на костыль, похромал к доске. Перекинул трубку, которой дымил, из одного угла рта в другой и осмотрел нас внимательным взглядом.

— Вчера, адепты, у вас был внеочередной практикум с магистром Гыргырницким, который, как мне доложили, не обошелся без происшествий.

Рухус, уже было собравшийся величественно удалиться, так и замер. Даже листочки со своей драгоценной лекцией, от которых не отрывался на протяжении всего занятия, обратно на кафедру положил. Видимо, не все сыночку декана было известно, как он ни пыжился показать обратное.

— Тайрин Росс лекари уже осмотрели, а остальных после занятий ждут в целительском крыле. Каждого из вас проверит целитель и даст заключение...

— А что если со мной все в порядке? — подал голос с задней парты грома Зорге. Как по мне, этому адепту никакой дар некроманта был не нужен — с его-то пудовыми кулаками. Он и без заклятий любого зомби упокоит. Ну, и не только зомби.

— Особенно, — с нажимом произнес Мунк, — если с вами все в порядке. — Не пройдет осмотр — не получите стипендию, — тут взор преподавателя остановился на Лариссии — студентке весьма обеспеченной, которая плевать хотела на какие-то десять форинтов. Она сидела и полировала ногти. — И допуска к сдаче экзаменов тоже.

Адептка, словно поняв, что обращаются к ней, — тут же сделала вид, что она — совсем даже ни при чем, быстро спрятала пилочку и изобразила повышенное внимание.

Я же про себя усмехнулась. Вот что значит приказ ворона «допросить каждого». Наверняка целитель окажется только ширмой. Одногоруппники и сами не поймут, что побывали на допросе, а не на осмотре. Пока же адепты бурно обсуждали, что важнее: планы на вечер или все же стипендия. То, что происходило вокруг, ещё раз подтверждало, что у громкой шумихи есть тихие дирижеры.

— А теперь следующий вопрос: Клаус, зачем ты сломал чары заморозки в музее нежитеведения? Ледяная скульптура кэльпи растаяла. Кони превратились в воду, утекли в слив — и сейчас по сточным трубам несутся дикие речные течения!

Словно вторя словам куратора, над головой что-то прогудело. Выразительно так, намекая, что трубы хоть и прочные, зачарованные заклинаниями, но все же не ипподром. А потому их может и прорвать.

Клаус, который на днях бился об заклад (и немножко — лбами) с одним из водников, сглотнул.

— Я случайно, — на чистом глазу произнес сосед.

— Случайно — это плохо спланированное специально, — припечатал Мунк и добавил:

— Три дня отработки в оранжерее! И выловить кэльпи из труб!

— Но я же не маг воды, — растерялся Клаус. Отбиваться от мандрагор и хищных условно разумных циклиний навозными вилами ему явно не хотелось.

— Значит, самое время если таким не стать, то завести с такими дружбу, укрепить межфакультетские связи... Я ведь понимаю: подбитый глаз у водника, конечно, уменьшил вашему противнику обзор, но зато увеличил ему жизненный опыт.

После этих слов я почувствовала, что оный водник нынешним вечером станет ещё опытнее. В том, как аккуратнее стучать на товарища, — так точно.

А пока Клаус смирялся с судьбой, куратор перешел к моей скромной персоне:

— Тайрин, зайди сейчас в ректорат. Если опоздаешь на следующее занятие, скажи, что я разрешил, — добавил Мунк и объявил:

— У меня всё!

Надо ли говорить, что я сорвалась с места, едва куратор нас отпустил. Торопливо вышла из аудитории и припустила по коридорам. А вот в приемной задержалась.

Грымза-секретарша (и вовсе не по характеру, а по расовой принадлежности) предупредила, что ректор пока занят. В этом я и сама смогла убедиться, узнав голос магистра Гыргырницкого.

— А я говорю, вы подпишете мое заявление об увольнении!

— И не подумаю, — рявкнул ректорский бас в ответ. — И на каком таком основании?

— У меня профессиональное выгорание! — запальчиво ответил старый некромант.

— Ты феникс, тебе не привыкать, — парировал ректор.

— Ну все! — похоже, Гыргырницкий был на взводе.

Мы с секретаршей понимающе переглянулись и сделали вид, что ни капли не подслушиваем. Просто молчание — оно умиротворяет и вообще полезно.

— Мое терпение лопнуло! — рявкнул преподаватель. Последовал звук похожий на тот, какой бывает, когда кулаком ударяют по столу.

— Ну да! Тогда почему если у вас лопнуло именно терпение, то меня забрызгало злостью? — осадил его ректор. — Забирайте это ваше заявление, и чтобы я его больше не видел. У вас может и выгорание, а мне прикажете кем дыру в преподавательском штате затыкать посреди учебного года?

— Я не могу так. Это из-за меня... Я вчера не доглядел за ней... — гораздо тише произнес Гыргырницкий.

А что ему ответил декан — мы и вовсе не узнали. Жаль. Когда за дверьми кричали, было куда

интереснее. И точно — информативнее.

Спустя пять минут дверь кабинета распахнулась, и преподаватель некромантии, увидев меня, выглядевшую живой и здоровой, остолбенел.

Я улыбнулась ему как можно шире. Но некромант уже взял себя в руки, подошел ко мне и... приложил указательный палец к жилке под шеей. А потом обронил:

— Я уже было понадеялся, что ошибся, — вздохнул и, отнимая руку, добавил, озадачив меня: — Тайрин, вы сильная духом.

Тряхнув седой головой, Гыргырницкий, не попрощавшись, решительно вышел из приемной.

Я же отправилась в кабинет. Там передо мной положили приказ о стажировке и повелели получить в бухгалтерии командировочные.

Так, с легким сердцем и тяжелым кошельком, я и покинула университет, не став оставаться на следующее занятие. А то только вернись — потом не будешь знать, какой ложью правду прикрыть: одноклассники хуже клещей и пиявок вцепятся с расспросами.

За размышлениями я не заметила, как дошла до перекрестка, и только хотела ступить на мостовую, как раздался истеричный клаксон. Отпрыгнула за бордюр — и ровно в этот миг передо мной пронесся магомобиль. А за ним еще один, и еще. Нет, не спорю, я конечно была мертвая и все такое. И попасть под колеса мне не так уже страшно. Но все же...

Мелькнула даже соблазнительная мысль об инсценировке несчастного случая. Но потом я вспомнила о тратах на похороны и слезах родных... Нет, стажировка все же и дешевле, и не делает столько нервов домашним.

Магомобили вечерним потоком неслись по улицам, мигая фарами. И ведь ни один так и не удосужился меня пропустить. Ну, я девушка находчивая. Всегда найду неприятности. Но тут, не иначе для разнообразия, обнаружила булыжник. Каменюка лежала в нескольких футах от бордюра. Ну я ее и подняла. Широко улыбнулась.? потом — пошла.

И вот странность: пропустили все! Даже жандармы, которые догоняли преступника. И сам преступник. Вывод: нужно всего лишь улыбнуться миру, и люди сразу станут вежливыми. Именно эту мысль я и озвучила бедолаге, который стоял с другой стороны улицы, точно так же, как и я, не имея возможности перейти дорогу.

Поспешила домой, где под причитания призрачного Йоко, урчание рыжего Бенедикта, который весь день косил на меня своими янтарными глазами и недовольно дергал хвостом, удивленные взгляды отца и опечаленные — братьев поведала им подробности о стажировке.

Выволокла свой желтый чемодан. Он был большим. Не так. Он был БОЛЬШИМ. Едва ли не с половину меня. Досталась мне это бешено-лимонное безобразие пару лет назад в неравном торгу на базаре, когда я готовилась к полету в земли альвов, а точнее — к одному альву и его жене — и по совместительству моей кузине — в гости.

Чемодан, пока я спускала его по лестнице, оббивал дно о ступеньки. Сложила я в него вещей всего ничего, но дабы вес был внушительным, припрятала туда чугунную сковородку и утюг. Последним все равно никто не пользовался.

Увы, магия мертвым не доступна. Так что топить мой багаж в Кейше будут не заклинания, а похищенная из дома утварь.

Следом пришла мысль: раз сейчас я не могу сотворить и ерундовых чар, может быть, мой дар уходит в физическую силу? Вот бы изучить это... Как раз тема для курсовой. Подумала — и тут же себя одернула: мне осталось всего-ничего, а я думаю об экспериментах.

Меж тем солнце начало клониться к закату.

Я попрощалась с семьей. Чейз закинул чемодан в багажник вызванного магомобилем и, улыбнувшись, всучил мне кулек пирожков в дорогу. Когда мы отъехали пару кварталов, я попросила водителя остановиться. Сказала, что загляну еще к подружке, и отпустила машину.

На самом деле знакомая у меня была, но к ней я, понятное дело, не зашла. А направилась к старинному кладбищу неподалеку. Вообще, в столице погостов было несколько. На одних покоились только досточтимые и уважаемые горожане. На других предавали земле простых обывателей. А на окраине имелся и такой, где могли попрактиковаться студенты-некроманты. На последнем меня найдут, если что, быстрее всего. Поэтому я решила под конец смерти обнагеть и шикануть — улечься в усыпальницу одного симпатичного склепа, который был у меня на примете. Но сначала —

утопить чемодан.

Путь к реке шел как раз мимо ворот кладбища. И у них меня поджидал неприятный сюрприз: печать на входе погоста. Да не простая, а магическая. Так что и не войдешь. Вот ведь гадство! Даже умереть просто нельзя. Только преодолев невзгоды, трудности и кованый забор. На последнем, к слову, я и застряла. Зацепившись подолом за острый шип.

Ткань платья оказалась не просто прочной, а прямо-таки подло прочной и рваться дальше не желала. И я очутилась в подвешенном положении.

А всего-то и хотела убедиться, что тот симпатичный склепик никто не опечатал. Потом сходить, утопить чемодан и устроиться в гробнице. Но увы. Пока что я лицезрела только перекошенное лицо бдительного и слегка проспиртованного сторожа.

— А-а-а... еще одна эта... по-кло-нительница! — с запинкой выдал мужик гренадерского размера, возникший перед моим взором с метлой наперевес. При виде того, как он постукивал черенком о свою ладонь, мне стало ясно: этот человек даже целеустремленный, буквально сметающий все на своем пути. — Когда же вы закончитесь то!

— А я и не начиналась! — болтая ногами в воздухе и разведя руки в стороны с самым независимым видом, будто каждый день практикую заборно-медетативные практики, ответила я. Чемодан, переброшенный через ограду чуть раньше, напоминал кленовый лист-переросток, валяясь на земле.

— Ага, не начиналась! Этот пи-и-вец уже неделю как помер, а вы к нему все таскаетесь. Восемь раз памятник оттирал от вас, паразиток! И ладно бы помадой малевали! — в сердцах сплюнул сторож. — Вы же его, заразы, краской мажете! И сердечки рисуете.

Хотелось заверить, что я не чья-то фанатика, а скромный некромант. И рисую не сердечки, а руны призыва. Но думаю, что это признание подействует на стража, как солнце на стригоя: он загорится. Правда, от гнева.

Впрочем, сторожу не нужно было никаких дополнительных пояснений. Он для себя уже все решил и замахнулся, что бы как следует огреть меня метелкой. Но не успел. Ткань затрещала, я упала на землю, и прутья веника просвистели над моей головой. Я же, инстинктивно крутанувшись, оказалась на спине и рукой схватила за черен, когда веник из прутьев, насаженный на палку, просвистел надо мной повторно.

В любой другой бы ситуации после этого финта я бы болталась на метелке, как моська, сдуру вцепившаяся в черен. Но не сегодня.

Я резко дернула метлу на себя. Подвыпивший сторож потянул ее к себе.

— Отдай, ведьма! — рыкнул этот кладбищенский охранник, косматый и бородатый насколько, что птицы могли легко принять его шевелюру за уютное гнездо.

— Я не ведьма! У меня еще диплома мага нет!

По тому, как в ответ лохматый удвоил усилия, я поняла: все-таки у меня уникальный талант. Как бы плохо ни было, я умудряюсь сделать еще хуже. Видимо, моих коллег он не любил ещё больше, чем просто эйр с противным характером.

Тем временем мной попробовали смести осеннюю листву. Я не далась. Зато вспахала сапогами охранника землю. Ну как вспахала? Просто двинула черенком влево. Мужик, казалось, уже слившийся с ним и упревший каблуки сапог в грунт, сработал на манер плуга. Прочерченная в опавшей листве дуга красноречиво свидетельствовала, что при должном усердии можно пахать не только на ком угодно, но и кем угодно. Правда, недолго. «Соха» нашла на камень. Хотя, с учетом того, что «камешек» был надгробный, «сломаться» о такой было и не зазорно. Вот сторож и «сломался».

Упав на бок и охнув, он выпустил наконец-таки черен.

— Демон! — охнул доблестный охранник погоста.

— Я же недавно ведьмой была, а до этого чьей — то поклонницей? — удивленно воскликнула я, перехватывая метлу и поднимаясь с земли. Встав и отряхнув рваный подол, добавила требовательно: — Мужик, ты уж с моей классификацией определись!

— Я щас тебе так определюсь, поперек хребта! — пообещал сторож, отплевывая прилипший к губе красный осинный лист и засучивая рукава. Он поднимался, как медведь после спячки: грузно и шатаясь. Но зато абсолютно бесстрашный. Я даже зауважала. Простой мужик, без магии, а не боится умертвия в моем лице.

Хотя, может, просто не признал во мне воскресший труп? Я же вела себя неправильно: вместо того, что бы дать деру с кладбища, наоборот всеми силами на него стремлюсь...

Впрочем, спустя пять минут, три покосившихся надгробия, выданный чугунный штырь из забора и одну заваленную молодую осину (последние два, честно, — не я!) мы со сторожем подошли к этапу переговоров.

Мужик, согнувшись и уперев руки в полусогнутые колени, хрипел, как загнанная лошадь. Наконец он сделал глубокий вдох, поднял голову, и его грязный перст с обгрызленным ногтем указал в глубь кладбища со словами:

— Могила пи-и-вца там! — А вот чего я не ожидала, так это прозвучавшего дальше официального разрешения на надругательство: — Можешь глумиться.

После этого даже как — то неудобно стало уточнять, что я вообще — то пришла совсем в другой склеп — и не целовать оный, а вздремнуть. Да и не даст теперь мне этот блюстителю покоя тихо-смирно залечь: наверняка из-за кустов следить будет.

— Спасибо, мне расхотелось, — Я даже шаркнула ножкой по шуршащей листе.

— Расхотелось? — сторож нервно дернул заплывающим глазом. — Нет уж! Пришла, так давай. Заслужила. Уважаю... Видать, сильно ты, девка, его любила...

Чуть было не ляпнула: «Кого именно?», но... предпочла дать задний ход и тихонечко улизнуть в дыру, проделанную в заборе стражем собственноручно. Как я при этом левой ногой, не оборачиваясь, подпирала свой чемодан к выходу — отдельная история.

— Куда?! — запоздало понеслось мне вслед возмущенно-разочарованное, когда я вывалилась в дыру в заборе. — А надругаться?

Я же задала стрекача, категорически не желая глумиться и лобзать памятник неизвестного мне «пи-и-вца». Лишь когда между мной и погостом оказалась пара кварталов, остановилась. Кейша со своими свинцовыми неспешными водами осталась далеко позади. Вокруг сгущались сумерки. Я же чувствовала, что полна сил да и вроде бы пока не готова окончательно умирать. Сколько я так еще по улицам буду шататься? А вдруг увидит кто из знакомых? Да в таком виде?

Я брела по мостовой, впереди замаячил шпиль императорского дворца. Мысли с Владыки и его резиденции быстро свернули к ненаследному великому князю. Наверняка ведь у ворона найдется лишний анатомический стол в покойнице для полутрупа в моем лице.

Решено: попрошусь на постой в морг. Ободренная этой мыслью, я зашагала в направлении отдела карателей. Надеюсь, туда не придется пробиваться с таким же боем, как на погост?

Вид изрядно потрепанной, бледной девицы с самыми решительными намерениями заставил постовых у ворот здания с самой противоречивой репутацией поднапрячься.

Парни в мундирах и так были начеку, но тут вовсе оцетинились: один — веером защитных и атакующих заклинаний, второй — леденяще-сдерживающим тоном, ну и силовым арканом заодно.

— Эйра, у вас есть пропуск? — спросил каратель, старательно подражая по тону побеспокоенному личу.

Вместо ответа я сжала кулак и сунула ему под нос. На среднем пальце красовался перстень ворона с императорской монограммой.

Взгляд черномундирного из категории «заморожу» медленно, но верно становился сдержанно заинтересованным. Сомневаюсь, что каждый день в управление к его начальству приходят девицы со здоровущим чемоданом, будто собрались переезжать от одного любовника к другому.

— А ещё у эйры есть нестерпимое желание увидеть господина Арнсгара, — добавила я тоном весьма далеким от кокетливого. Скорее так рычит дракон, требующий сатисфакции.

— Я передам ваше желание увидеть господина верховного карателя, — в лучших традициях светской беседы ответил страж.

— Передавайте, — повелела я, присаживаясь на чемодан и готовясь к томительному ожиданию.

Но такового не случилась. Не прошло и десяти минут, как я уже шагала по коридорам со своим желтым безобразием. Правда, перед этим был досмотр моего багажа и... вытянувшиеся лица карателей. Видимо, они ожидали узреть платья-шляпки-чулочки. обнаружили выдающую виды чугунную сковородку, обмотанную порванными панталонами (чтобы не гремела) и старый утюг с пятнами ржавчины на днище, обернутый в подарочную (ну не было у меня под рукой ничего

другого) бумагу, пледа, на котором моль устраивала традиционные выездные пикники, пару конспектов по некромантии и кулек с пирожками. Последний мне заботливо всучил Чейз, уже когда я садилась в магомобиль, выкинуть было некуда, и посему гостинец пришлось впихнуть в будущего «утопленника».

Не знаю, что произвело на досмотрщиков большее впечатление, но теперь на меня смотрели оценивающе. Вещи проверили на проклятья, яды. Пирожки проверили три раза, уменьшив кулек едва ли не вполовину. Видимо, бдели после случая с бутербродом. Пришлось отобрать еду у дегустаторов со словами:

— С вашей бдительностью у меня от взятки ничего не останется! — и ревниво уложить пирожки, завернутые в промасленную бумагу, рядом с утюгом.

Каратели, причастившиеся ко «вязке», предназначенной для ворона, повели себя в лучших традициях мздоимцев: сделали вид, что они тут совершенно ни при чем.

Когда же я оказалась в кабинете Арнсгара, то меня мстительно представили эйрой «с вашим именованием перстнем, которая жаждала аудиенции».

Козырнув «Разрешите идти?» и получив дозволение, мой провожатый удалился. А Арнсгар поднял на меня усталый взгляд. Вот почему у меня сложилось впечатление, что со вчерашнего дня он не спал ни минуты?

— Привет, — я чувствовала себя крайне по-идиотски. — А я вот к тебе со взятк... в смысле, с пирожками. Будешь?

— Отравленные? — усмехнувшись, уточнил ворон.

— Хуже. Понадкусанные. Охранники на входе оказались очень бдительными. — И тут же без перехода добавила:

— Пусти меня в трупницкую. Я там полежу, пока не... — «сдохну» сказать не успела. Ворон меня перебил:

— Идти некуда? — понимающе спросил он.

— Угу.

— Ладно, давай свои пирожки. Сейчас что-нибудь придумаю.

Пирожки Чейза были ликвидированный за какие — то пару минут.

— Я не спрашиваю про «спал», но, Арнсгар, ты хотя бы ел сегодня? — вырвалось у меня помимо воли, когда я наблюдала, как стремительно исчезает еда.

— Ар, зови меня Ар, — выдохнул ворон и, как мне показалось, неожиданно сам для себя признался: — Ренегаты раскрыли наших внедренных агентов. Работа, которая велась не один год, обороню под хвост.

Видимо, увидев удивление в моих глазах, он пояснил:

— Тай, ты, наверное, единственная, кому я могу рассказать об этом. Как и о том, почему тебя убили.

«Потому что ты скоро умрешь и унесешь эту тайну в могилу», — так и не прозвучало, но не сложно было догадаться.

— А вдруг я успею кому — то рассказать до того, как обращусь в прах? — вопрос, который жалил язык, слетел раньше, чем я успела его поймать.

— Не думаю. Пока я провожал тебя до дома, агенты уже успели собрать всю информацию о эйре Тайрин Росс, — он кивнул на одну из папок, что лежала на краю его стола. — В связях с ренегатами ты не состоишь. Разве что в тринадцать лет была замечена в паре митингов суффражисток. А сегодня, когда ты пришла сюда, я окончательно убедился, что тебе можно рассказать, что произошло прошлой ночью на кладбище.

— Оказалась достойна доверия? — я прищурилась, медленно начиная злиться.

— Скорее просто заслужила, — Ар встал плавным движением из-за стола. — Как и то, чтобы провести последнюю ночь не на анатомическом столе среди трупов. И не отказывайся. Прошу. Пойдем, у меня недалеко, в квартале отсюда, дом. Там есть неплохая гостевая комната. Заодно расскажу тебе о грандиозном провале своего отдела и посплю пару часов. Ты права, я уже трое суток на ногах. Скоро закончится действие бодрящих эликсиров.

«Пойдем» в исполнении ворона началось с того, что он нацепил на шею маскирующий амулет. Морок сделал его фунтов на сорок старше. Голова стала напрочь седой, тело — более грузным.

— Чтобы журналисты из новостных листков не докучали, — пояснил на мой недоуменный взгляд каратель.

Только если он стал неузнаваем, то я со своим чемоданом бешено-лимонного цвета, скажем так, была слегка приметной. Но, кажется, ворона это не смущало. Он ничтоже сумняшеся поднял мои пожитки, слегка удивился их весу, а потом я увидела, как желтый превращается в коричневый, а габариты клади стремительно уменьшаются.

Так мы в ночи и вышли из ворот. У забора и вправду отирались несколько подозрительных личностей: то ли газетчики, то ли преступники, то ли шпионы. Я к ним не подходила знакомиться, так что точно сказать не могу. Ворон, впрочем, зыкнул на них крайне неодобрительно и нахмурился.

А затем остановился перед одним из припаркованных пустых магомобилей и открыл передо мной дверцу. Я лишь хмыкнула:

— А как же «один квартал» и «пройтись»?

— Погода не располагает...

Я демонстративно посмотрела на чистое небо, но все равно оказалась на переднем сиденье машины, а мой чемодан — сзади, вновь ставшим большим и ярким, едва ворон его отпустил.

Сам Ар сел на водительское место, приложил ладонь на пластину рядом с рулем, посылая магический импульс. Вообще-то у не магов были для этого амулеты, но чародеям так проще и быстрее.

Элементаль под капотом заурчал, чихнул, и машина тронулась.

— Так что произошло? — спросила я, не став ходить вокруг да около.

— Агент ренегатов сумел выкрасть полный список наших внедренных агентов. За эти сутки в рядах заговорщиков прошли массовые зачистки. Семь наших разведчиков убиты. Кто-то сумел бежать, но мы потеряли всю сеть.

— Но... как такое возможно? У вас же организация, как ее... высшей степени секретности, опасности, и вообще.

— Подозреваю, что ренегаты использовали то заклинание, которое им удалось украсть.

— То самое, из-за которого меня убили? — я резко обернулась к ворону и натолкнулась на его чеканный невозмутимый профиль.

— Да, — сухо бросил он, останавливаясь у двухэтажного дома и снимая маскирующий амулет.

Палисадник перед ним был не чета нашему. И окна — широкие. И по высоте — я могла бы встать на подоконник такого и еще и руки вытянуть, чтоб достать до перекрытия.

В общем, не дом, а место для дракона или любовника — и тем и другим достаточно распахать створки и вылететь. А в небо или в кусты — не суть важно.

Улица была пустой и тихой. Впрочем, дом тоже. Мы переступили порог, и я уже хотела что-то сказать, но вместо того, чтобы включить газовые рожки или зажечь светляк в темнеющей прихожей, как поступил бы всякий приличный хозяин, Ар вдруг прижал к моим губам палец, призывая к молчанию. А затем бесшумным кошачьим шагом двинулся вглубь дома. Я, разумеется, за ним.

И в распахнувшейся двери спальни мы увидели мага. Тот самый рыжий веснушчатый каратель с погоста сейчас лежал на здоровенной постели голым, с начерченной на груди пентаграммой. Он был прикован руками и ногами к изголовью и изножью кровати.

Над рыжим на стене было выведено послание: «Семья императора умоется своей кровью». Но самое гадство заключалось в том, что в углу спальни пульсировал красный шар. Напоминая сердце. Светящееся отравленное сердце.

Я лишь слышала о разрывных отсроченных проклятиях, но увидела впервые. Когда оно станет нестерпимо-лиловым, то разорвавшись, разнесет весь дом. Судя по его цвету — это произойдет через пару минут

— Бежим! — крикнул Ар, мгновенно все взвесив и поняв, что парня не спасти.

Ворон сгрел меня в охапку, разворачивая к выходу.

— А он? — я мотнула головой.

— Плетения не разорвать просто так. А любой магический всплеск может спровоцировать мгновенную. Детонацию.

Я глянула в окно. На магомобиль. И просила:

— А удерживающий аркан? Если его использовать вместо веревки. Это же стационарное заклинание, оно практически не потревожит магический фон.

Скажи я такое Генри или Чейзу, братья бы меня ещё полчаса расспрашивали, что я имела в виду. Но ворон понял без пояснений. Лишь скомандовал:

— Завяжи за изголовье. Ножки подломятся.

Спустя двадцать секунд я в открытое окно поймала аркан, второй конец которого был закреплен за магомобиль. Подбежала к кровати, намереваясь закрепить аркан, увидела, как внутри «сердца» зарождается нестерпимо красная искра.

Время словно замедлилось. Взрыв показался мне распускающимся цветком хризантемы.

Доля мига.

Проклятье пронзают первые одиночные лучи. Я кричу что есть сил: «Гони!!!»

Доля мига.

«Сердце» разрывных чар становится нестерпимо-алым, обдавая всю спальню жаром, от которого враз вспыхивают шелковые обои на стене.

Я вскакиваю на постель, упираясь в одеяло ногами. И чувствую сильный рывок, едва не выдергивающий плечо из сустава.

Доля мига.

И первый сгусток энергии ударяет в стену, пробивая ее. Ложе вместе с нами едет к окну. Я натягиваю аркан на себя, пытаюсь задрать изножье кровати. Постель широкая. Но окно тоже. Мелькнувшее опасение «не пройдем!» в прямом смысле отмечается. Взрывной волной. Она-то и выносит часть стены. А еще — нас: меня, кровать и привязанного к ней ошалевшего рыжего карателя, который, судя по его воплям, десять раз пожалел, что не умер.

Время вновь скручивается, несется все быстрее. А мы просто летим по ночной улице. Подломившиеся ножки ложа остались где-то далеко позади. И сейчас, царапая дном, кровать высекала из мостовой искры.

Я стояла в полный рост, юбка задралась до неприличия. Поболталась на этом уровне и решила, что стоит подняться еще. И теперь рваный подол был у меня где-то на отметке «очень смелая мода», когда бедра едва прикрыты. Впрочем, мне было слегка не до того, чтобы одергивать одежду.

Я едва удерживала аркан. Все же сила умертвия была как нельзя кстати. Вот только два магомобиля, мчавшие за нами следом, как-то тактично намекали, что ночные гонки на кровати — это только начало.

Ар, видимо, тоже узрел погоню, потому как резко рванул вперед. А над моей головой просвистел пульсар. Я инстинктивно дернулась вбок и раскаленный шар впечатался в заднее стекло. То брызнуло крошкой осколков.

Впереди маячила прямая, как стрела, улица, вонзавшаяся в набережную Кейши.

Я увидела ворона, который, закрепив руль заклинанием, распахнул дверцу, и, свесившись с сиденья, запустил сразу из двух рук пульсарами.

Одним, судя по всполоху за мной, — попал. Знать бы еще — куда. В преследователей или просто попал.

— Рули давай! Врежемся! — видя, как неумолимо приближается парашют набережной, завопила что есть сил. И плевать, что я как бы мертвая. Именно сейчас окончательно отправляться в небытие, на радость врагам, не хотелось.

— А если не оторвемся — нас зажарят, — парировал Ар, выпуская еще один пульсар.

— Тогда целься лучше, архов снайпер!

— Не говори под руку, зомби несчастное! — ответ совпал с еще одним взрывом.

Я все же обернулась и увидела, как один из магомобилей, подбитый, врезался бампером в мостовую и перевернулся на полном ходу. Из открывшегося капота вылетел сначала с криком «свободен!» элементаль, а за ним — и три души. Вот и закончилась для кого-то погоня. Остов машины залило пламя.

Зато второй магомобиль и не думал останавливаться, мчался на нас. Причем очень стремительно. Кажется, Ар понял, что ещё немного — и нас с рыжиком если не пристрелят пульсаром, то банально раздавят: между кроватью и машиной была всего пара футов, когда ворон все же вернулся за баранку.

А дальше машина, не успевая вырулить по мостовой, пробороzdила кусты, и совершила резкий поворот уже на пешеходной набережной, отчего наша «кровать на привязи» описала по газону дугу. Я же описала весь спектр эмоций от этого действия. Причем вслух и матом. Исключительно. И это под фееричный полет моего чемодана из заднего окна. Последний угодил аккурат на кровать меж расставленных ног привязанного к углам кровати парня.

— Драх! Смотри куда рулишь, а то приедешь, куда смотришь! — резюмировала я (почти цензурно!) результаты своего «доклада» по методам прополки кустов с помощью кроватей.

К слову, ныне на рыжей голове карателя благодаря протараненным кустам красовались развесистые рога из веток. Меж колен парня был зажат желтый монстр. Причем чемодан заклинило так качественно, что дальше он не полетел. Зато раскрылся. Именно в этот момент нас и нагнали преследователи, боднув капотом в изголовье. Резкий толчок вперед ослабил натяжение аркана.

Этим я и воспользовалась, когда нас боднули во второй раз: успела затянуть петлю аркана вокруг центрального столбика изголовья. Я освободила руки и проворчала себе под нос:

— Вот почему даже после смерти я должна орудовать сковородкой и утюгом? — с этими словами я достала из чемодана орудия женского домашнего рабства и...

Именно в этот момент преследователи обогнали нашу кровать на полкорпуса и боднули сбоку, прижимая к парапету. Из окон рядом с водителем и заднего высунулись с арбалетом и фаерболом наизготовку сразу две морды. Одной из них я пригладила встрепанные вихры. Утюгом. На мой взгляд, прическа получилась неплохой. Жаль, ее обладатель не смог оценить моих усилий. Отрубился. Наверняка — от счастья и своей неземной красоты. Правда, успел спустить болт. Тот пригвоздил подушку рядом с бедром привязанного парня.

Зато со вторым пришлось тяжело уже мне. Потому как для начала пришлось быстро овладеть навыком отбивания фаерболом сковородкой. Почувствовала себя игроком в крикет. Правда, не прими я подачу, получила бы не фингал мячом, а два обугленных трупа и останки кровати.

Огненный шар ушел свечкой вверх.

— Да чтоб ты сдохла! — в сердцах брякнул маг, которому только что загубили отличное заклинание.

— Мужик, я уже! — радостно сообщила я ошалевшему от такого заявления магу. А затем уже отработанным движением «раззудись рука, размахнись плечо и отбей еще» вмазала гаду по физиономии.

Но пока я расправлялась с атакующими, совсем забыла о водителе. А он, зараза, о нас — совсем даже нет. Видя, что его напарники уже не с ним, он, обогнав кровать, поравнялся с Аром, а затем, что есть дури, бортанул его.

Парапет, рассчитанный на добропорядочных горожан, прогуливающих по пешеходной зоне, а никак не на бешеные гонки на магомобилях, был невысок и ни разу не монументален.

Машина вместе с Аром перевернулась и полетела в реку. Ну и мы за ней. Правда, по частям: кровать с привязанным рыжиком — отдельно. Я — отдельно. Рога из веток — отдельно. Мои штаны из открытого чемодана — тоже. Зато сам желтый так крепко вклинился меж коленей несчастного карателя, что даже и не расстыковался с парнем в процессе полета.

Магомобиль вместе с вороном, благодаря немалой скорости, плюхнулся в воду, совсем чуть-чуть не долетев до середины реки, и тут же пошел на дно. Кровать на манер поплавок и не думала тонуть. Хорошо еще, что она приводнилась карателем сверху. Могла ведь и днищем.

Я же очутилась уже традиционно по уши в неприятностях и для разнообразия — по горло в воде. Зато — все еще сжимая утюг и сковородку. Правда, с ними пришлось расстаться: как оказалось, когда твои руки заняты домашней утварью, тяжело не только строить карьеру, но и спасти собственную жизнь.

Меж тем машина ушла под воду по самую крышу и потянула за собой постель, на которой подал голос привязанный. Я нырнула, решая для себя, кого спасать первым: ворона или пытаться отвязать аркан. Но опытным путем выяснилось, что верховного карателя не только сжечь, но и утопить не так — то просто. Он не только уже выбрался из покореженной машины, но и сумел убрать аркан.

Огненная плеть, напоследок всплыв искрой, истаяла в воде. А я же обнаружила, что хоть почти и не дышу, но и не рыба тоже — раз в минуту почти мертвому тело все же нужно было делать вдох. Вынырнули мы с вороном одновременно. И если моя макушка маячила посреди речной глади, то ворон умудрится практически слиться с краем кровати.

Зато прикованный парнишка, увидев меня, гребущее к нему, перестал голосить.

Но тут меня разглядел и водитель, вышедший из машины. Судя по тому, что в нас не летело ни проклятий, ни боевых плетений, он не был чародеем. Зато арбалет в его руке компенсировал этот маленький магический недостаток.

— Твою ж! — я нырнула, уходя на глубину. Арбалетный болт прорезал мутную толщу рядом со мной. Потом ещё один, и еще. А после четвертого все прекратилось.

Тут сильная рука схватила меня за талию и стала тащить вверх. Я же, поняв, что меня пытаются спасти, активно заработала ногами и... выплыла с вороном на поверхность. Заозиралась и увидела горящим тот самый магомобиль, что вытолкнул нас в реку.

— Не только он умеет стрелять, — прокомментировал Ар, и мы погребли к уже изрядно унесенному течением ложу.

На импровизированный плот вылезли мокрыми, а один из нас — ещё и замерзшим.

— В-в-вы живы... — простучал зубами испуганный парнишка.

— Отчасти, — я не стала вдаваться в детали, но рыжик — свидетель вчерашних кладбищенских событий — все понял и так.

— Сейчас свяжусь с отделом, а потом отвязу тебя, — тоном «ставлю вас в известность» произнес Ар, а потом добавил: — А ты мне расскажешь о том, как оказался в моей постели.

От последней фразы я фыркнула. Ну прямо маман девицы на выданье, заставшая в кровати дочь с любовником.

Первое ворон осуществил быстро, со вторым возникли проблемы. Жаль, что рыжик был прикован не только на совесть (которой у заговорщиков, судя по всему, труп наплакал), а ещё на суперпрочную зачарованную стяжку. И пока Ар ее пытался разорвать, его подчиненный стонал. Нет чтобы оценить рвение начальства, которое в буквальном смысле вцепилось в ценного работника зубами, за неимением ножа и бесполезностью чар.

— А давай я ее сломаю — не выдержав созерцания мытарств этих двоих, предложила я, кивнув на руку, прикованную к столбику.

— Нет! Она мне дорога! — рыжик аж придвинулся ближе к Ару.

— Тебе настолько дорога спинка кровати, что ты предпочитаешь оставить все как есть? — уточнила я.

— Спинка? Я думал, ты про мою руку... — стушевался парень. Хотя я думала, что тому, кто сидит обнаженным на постели собственного начальства, смущение не грозит в принципе. Ан нет, ошиблась.

— Ломай, — Ар без лишних разговоров отодвинулся, уступив мне место.

Ну, что могу сказать... Дуб был крепким, столбик держался стойко. Но с третьего удара я таки доказала, что некромантка — это смесь чистой слабости и нечистой силы. И если за первую отвечала моя условно живая девичья составляющая, за вторую — мертвая.

Спустя семь минут рыжик стал обладателем двух шикарных браслетов из магических стяжек.

— А теперь, пока нас не убили, поговорим, — произнес ворон.

Ну да, когда плывешь на импровизированном плоту, который в девичестве был кроватью, самое время для душевных разговоров, не иначе. Эту мысль я и попыталась донести да Ара.

— Тай, после того, как мы проплывем Лиловый квартал, течение принесет нас к лодочной пристани. И я готов поставить свой череп, что нас там будут ждать.

— Подмога? — с надеждой спросил рыжий.

— Свой череп? — как истинная некромантка уточнила я. Ибо клялись обычно головой, а не ее отдельными запчастями.

— Ренегаты. Сомневаюсь, что водитель не успел сообщить о провале операции. А мост Свиданий мы уже проплыли. Осталась только пристань. — Глянув на карателя, пытавшегося стыдливо прикрыться наполовину мокрым одеялом, ответил ворон.

А затем он повернулся ко мне:

— Череп ты видела, он у меня в сейфе стоял.

Дальнейших пояснений не требовалось. Я вспомнила отравленный бутерброд.

— Итак? — Ар вернулся к допросу рыжика.

Как оказалось, парнишку схватили у его дома несколько часов назад и оглушили. А потом притащили в дом начальства.

— Я пришел в себя перед тем, как меня затащили в дом. — Рыжий напоминал нахохлившегося воробья. — Я не видел, сколько их было. Очнулся, когда маг чертил на груди пентаграмму, а в углу уже было разрывное проклятие. Правда, перед тем, как они ушли, тот темный колдун сказал, что бы я передал тебе привет от братства Черного волка и сообщил, что... — ту он засмутился окончательно.

Зато мне стало понятно: если с заговорщиками был опытный колдун — то снять с дома охранку для него оказалось плевым делом. Потому ворон и, не заметив ничего, смело зашел в свою спальню.

— Говори как есть, — меж тем, поняв причину, по которой рыжик старательно отводит взгляд, отрезал Ар.

Каратель набрался духу:

— ...сообщить, что дни гнилой крови сочтены и трон скоро займет истинный наследник.

— Гадство, — выплюнул ворон.

Я подумала, это он об оскорблении первородной крови, но оказалось, что нет.

— Сочтены... — ворон сморщился от этого слова. — Хотел бы я поверить, что эта фигура речи, но похоже они активировали украденное из имперской лаборатории экспериментальное Проклятие Мороя и не пожалели жизни одного из своих сильнейших магов, что бы им воспользоваться.

— Какое проклятье? — я посмотрела на бледное лицо Ара.

— Того, из-за которого тебя убили, — пояснил ворон и скомандовал: — Ныряем!

И не дожидаясь, пока я обдумаю приказ, схватил меня и бросил в воду. Впрочем, судя по троекратному бульку, — не одну меня.

Нырнули мы вовремя. Река перед этим как раз совершала поворот, сужалась, течение стало быстрее и вынесло нас к пристани, на которой, как и предполагал Ар, уже ждали веселые ребята. Они-то и поприветствовали нас с огоньком и задором, дав залп пульсаров в кровать.

Мой чемодан уцелел каким — то чудом. И за этим чудом ныне спрятались три головы, созерцающая дрейфующие обломки ложа.

— Ну вот и все... — удовлетворенно донеслось с пристани.

— Верховный хотел, чтобы он умер последним и мучился до самого конца... — возразил ему скрипучий голос.

— По мне, чем раньше сдохнут все гнилокровные ублюдки, тем лучше. Двоих вон уже нет. Осталось четверо и император, — последнее слово он сопроводил смачным плевком.

Меж тем наш желтый партизанский чемоданчик тихонечко плыл, приближаясь к пристани.

— Все, поехали, доложим верховному о...

Договорить он не успел, сверху раздался усиленный магией окрик:

— Сдавайтесь и поднимите руки вверх! Столичная жандармерия.

Я задрала голову и увидела, как в десятке футов над землей парит патруль на грифонах.

— Только этих олухов тут не хватало, — тихо, на пределе слышимости, процедил Ар.

Я была с ним полностью согласна. Где были эти стражники, когда магомобиль гнался за нашей кроватью?

Заговорщики, видимо, были с нами солидарны в том, что городскому патрулю здесь не место. Потому сделали сразу два предупредительных в головы. Грифоньи. Хотя, кто их знает, в звериные или жандармские они целились?

Пристань огласил рев раненых животных, которые, сложив крылья, камнями упали на мостовые. Жандармов, этих держиморд, которые часто шастали по улицам макаронной походкой в серо-красных мундирах и штанах с красными же лампасами, я не жаловала. Особенно после того, как в свое отделение они увезли Нари и ее жениха. И, судя по всему, Ар как глава тайной канцелярии тоже был не самого лестного мнения об уличных стражах.

Зато пока заговорщики запускали фейерверки, мы смогли доплыть до пристани и выбраться из воды тремя ожившими утопленниками.

Ренегатов оказалось четверо. Самый щуплый достался рыжику. Ару — двое. А мне — один. Зато какой. Не мужик. Гора, который, едва увидел меня, тут же решил познакомиться поближе и понесся навстречу, приготовив пудовый кулачище.

Нет, я всегда знала, что при занятии некромантией стоит развивать в себе умение видеть путь среди могил и быстро бегать, дабы вовремя удрать от зомби, сторожей, бабулек и другой нечисти. Но вот знатоком боевых искусств я не была ни разу. До этого момента. И подумала, что и сейчас — не то чтобы очень жажду.

Потому ответила на хук соответственно — присела. Громила разозлился на столь верткую меня и зарычал. Ну да, понимаю его: это слегка неудобно, когда мишень удирает. Но, как говорится, даже мертвые жить хотят. А я в этот миг не просто хотела, а очень.

Второй замах — и я прогнулась настолько, что мазнула мокрой шевелюрой по грязному пирсу, собрав на волосы изрядно песка. Кулак пролетел надо мной на манер стенобитного тарана. Еще один рык. Пудовый кулак вернулся на исходную для нового хука.

Именно в этот миг я, распрямившись, решила, что такому добру, как сор на моих ломах, пропадать не след, и резко повернулась. Песок ударил по глазам противника. Он взвыл. Хотя, может, громила заорал потому, что я при этом еще и заехала ему пяткой в междуплощадье?

Но спрашивать у противника, что произвело на него большее впечатление, было как-то слегка недосуг. Ибо через секунду он проморгался, впери в меня красные от раздражения зенки и, заорав, попытался... пнуть. Натурально пнуть. Видимо решил, что его руки короткие, что бы меня достать. А вот ноги — нет.

От гренадерского сапога я подпрыгнула. Хотела, как в детстве, когда играла в веревочку... Но получилось даже слишком. Так что мои пятки и поджатые коленки просвистели на уровне пояса здоровяка.

Таким макарон мы весело и поскакали по пирсу.

Я же боковым зрением увидела, что один из противников Ара — тоже маг, посему у них противостояние махами рук и ног не ограничивалось. Нет. Эти двое переругивались исключительно на языке заклинаний. Да каких. В Ара полетел аркан смерти, он парировал его щитом и сам тут же выкинул ледяное копьё Норха, которое способно прошить и душу и тело.

А второй супостат ворона хоть и не швырялся пульсарами, зато, улучив момент, схватил арбалет и направил его на Ара.

— Берегись! — успела крикнуть я, когда болт уже пустился в свой короткий полет.

Ворон каким-то чудом с ним разминутся. И подставился под аркан. Заклинание, огненной змеей скользнув ему на грудь, сковало карателю руки. Маг-ренегат тут же дернул пойманного ворона на себя. Ар вынужденно сделал несколько шагов, что бы не потерять равновесие, и оказался прижатым спиной к противнику.

— Гвоздь, убей! Долго я его не удержу! Силен, собака! — выкрикнул маг, который и вправду из последних сил контролировал плетение аркана.

Стрелок, отбросил разряженный арбалет и схватил длинное весло. Видимо, захотел прибить Ара, но опасался подходить близко. Вот только предосторожность была напрасной. Как только он замахнулся, ворон резко качнулся вперед.

Весло пролетело над его чернявой головой в какой-то пяди и впечаталось в ошалелое от такого поворота лицо мага-рenegата.

Ну, что могу сказать — вырубил стрелок своего коллегу по заговору основательно, так что Ар...

Додумать я не успела. А все потому, что слишком отвлеклась на ворона и его противников и ослабила бдительность. А «мой» громила времени зря не терял. Поняв, что его усилия завалить противницу голыми руками тщетны, этот гад решил меня подцепить. Естественно. Багром. Который он схватил, когда мы поравнялись с пришвартовочным пеньком. Рядом с ним и лежала эта орясина с крюком. Оной мне и заехали по ногам, свалили навзничь. И тут же острие полетело мне прямо в грудь. Я крутанулась и успела увидеть, как багор пробил одну из досок. Та забалансировала на манер качелей, видимо, оставшись лежать на одной поперечной балке.

А меня меж тем попытались загарпунить второй раз. Я резко перекатилась, а потом впервые в своей жизни исполнила трюк: лежа на спине с согнутыми коленями, оттолкнулась пятками. Тело резко подняло вверх, и я успела распрямиться.

Крюк вонзился в то место, где я была секунду назад. Он ушел в доски по самое древко — просто так не выдернешь.

— Ну все, лярва, я тебя ща урою, — пообещал этот тип.

Мы замерли друг напротив друга. Словно два зверя, готовые вгрызться в глотки друг другу. Злые, уставшие. Я отбросила страх, а этот тип, судя по его налитыми кровью глазам, — всякие мозги (если они у него вообще были), а вместе с ними — и инстинкт самосохранения.

Я сделала осторожный шаг в сторону. Он, словно мое отражение, перетек в ту же, сократив расстояние меж нами на фут.

И еще один шаг. Я не разрывала зрительного контакта. Глаза в глаза.

Крик рыжего «Помогите!» ударил по нервам нам обоим. Громила дернулся — и... мой ботинок с силой ударил по той самой балансирующей на одной балке доске. Она сработала на манер качелей — и... кажется, в славной столице только что прервался род одного громилы-заговорщика. Во всяком случае, мужик как-то вмиг потерял весь интерес к бою, согнулся, заскулил, прикрывая руками свою мужскую гордость, а потом и вовсе грохнулся на доски.

Я же, памятуя, что маги, и некроманты в том числе, должны быть не лишены сострадания, решила: зачем мужику мучиться от такой боли? Ну и оглушила его первым, что попало под руку. Подвернулся отброшенный стрелком арбалет. Хороший, кстати, такой, окованный серебром.

Только потом подняла голову и посмотрел туда, откуда орал рыжий. Правда, сейчас он уже только хрипел. Веснушчатому паренюк достался самый щуплый противник. Но бедному карателю и этого хватило: сейчас его старательно душили, насев на него сверху.

Я не успела замахнуться своей находкой, как душителя смело волной сырой силы. Метнула взгляд в сторону — Ар стоял с занесенной для аркана рукой. А рядом с ним лежали два скованных заклинанием стазиса противника: маг-рenegат и стрелок.

Последний оглушенный заговорщик был связан в тот момент, когда в себя начал приходить один из жандармов.

Спустя час я могла сделать вывод: последняя ночь моей жизни удалась на славу и прошла с размахом. Но я так вымоталась, что даже не могла погордиться собой как следует. Ренегатов уже отвезли в отделение карателей на допрос. Пострадавших и жандармских грифонов — просто увезли. Рыжика отправили в лазарет — залечивать травмы физические и душевные. И я даже не знаю, каких было больше после гонки на кровати, к которой нагой парень оказался пристегнут. В общем, если рыжик выберется из всего этого и не раскиснет, из него может получиться каратель, которому уж точно будет наплевать на смущение и свою репутацию.

— Ну что, скоро рассвет, — подходя ко мне, устало произнес ворон. — Поехали.

Я не стала задавать вопросов, куда и зачем. Но когда магомобиль остановился у дома Ара, поняла: надо было.

Развороченная стена впечатляла.

— Ты собираешься спать тут? — уточнила я, глядя на дыру в кирпичной кладке.

— Гостевая спальня не пострадала, — невозмутимо выдал Ар.

М-да... логикой некоторых можно оглушить без всякого пульсара. Но мне тоже жутко хотелось прилечь. Пусть бы даже в гроб. Главное — прилечь. Хотя бы на пару минуточек. Глаза слипались.

Краем уха услышала распоряжение ворона: «Собрать все улики и заделать дыру, к ларховой матери». Мне было на это глубоко геометрично. В смысле — параллельно, перпендикулярно, сферично, пространственно и далее по списку. Главное, чтобы меня не трогали.

Посему я, не обращая внимания на суетившихся вокруг дома карателей, подхватила свой многострадальный желтый чемодан (да-да, я не смогла с ним расстаться и выудила багром из реки) и побрела искать гостевую спальню.

Знала ли я при этом, что поутру не рассыплюсь прахом, а обнаружу под боком ворона? Ни разу!

Я вообще планировала отойти в мир иной и сделать это хотя бы как полагается приличным людям: горизонтально. Желательно — лежа в постели. Но даже этого у меня не получилось. Вместо смерти я встретила рассвет.

ГЛАВА 4

Открыла я глаза от того, что луч солнца обосновался на моем носу. И как я ни смахивала его сонной рукой, он никуда не желал проваливаться, чесал сей важнейший орган каждой сплетницы. Я сонно открыла один глаз и...

У магов, с получением диплома, всегда появляется уверенность в безбедном будущем и завтрашнем дне. Но мое завтрашнее дно превзошло самые смелые ожидания. Может, это оттого, что я была еще адепткой, а не дипломированным специалистом? Мое персональное дно заключалось в практически голом мужском бедре, на котором каким-то чудом в стратегическом месте все же оказался угол одеяла. Конечность была закинута на меня. Столь же бессовестная рука покоилась на моей груди. А в районе макушки я почувствовала сопение. Самозабвенное такое, будто я была не иначе любимым плюшевым медвежонком, а не трупом сомнительной девицы.

Но, несмотря на пикантность ситуации, навряд ли ворон думал покушаться на честь девицы Тайрин Росс. Ар скорее уж предпочел бы подмять под себя постель и устроить оргию, полную сладостного сна с подушкой. Да и я была в платье, посему... сделаем вид, что этого момента в нашей совместной биографии просто не было. Вот сейчас я уползу из-под руки и ноги ворона и, так сказать, внесу правки в историю этой ночи.

Осторожно попыталась шевельнуться и тут же была сцапана, притянута к груди и ... Вот зря я подумала, что мне ничего не грозит. Ворон, выславшийся — в отличие от вчерашнего ворона, уставшего и злого, еще не открыл глаза, а уже как начал жить. И не просто жить, а еще и жаждал подарить жизнь.

Я это ощутила через платье, подал которого оказался как-то сразу быстро и высоко задран, а мужская длань под ним уже всюю исследовала мои кружевные панталоны.

— Что это на тебе? — недовольным сонным голосом, не открывая глаз, спросил ворон.

— Белье, — пропыхтела очевидное я, упирая руки в его грудь, дабы отодвинуться. И если раньше эти попытки точно бы провалились, то сейчас мне, как и истинной нежити, сие было вполне по силам.

А сонный ворон, еще не подозревая о том, что его через секунду ждет падение с ложа, в лучших традициях дознавателя продолжил. Видимо, машинально:

— Интересно, какое? — в голосе мне послышались мурлыкающие нотки.

— Обыкновенное! Семьдесят процентов хлопка и тридцать — льна, — отчеканила я, приготовившись отпихнуть наглое любвеобильное тело от себя подальше. Не успела. Меня поцеловали.

Его губы вжались в мои, замерли на миг. Словно пробуя на вкус. Язык Ара скользнул по нижней губе, чуть прикусив ее, заставив меня ахнуть, приоткрыть рот, в который тут же вторглись, сметая, покоряя, углубляя поцелуй.

Его ладонь уже беззастенчиво скользила по моему обнаженному бедру, задирая кружево панталон все выше, надавливая, сминая. И от этих прикосновений, как круги по воде от брошенного в нее камня, расходились волны, рождавшие дрожь, заставившие все волоски на моем теле встать дыбом.

Это были странные ощущения. Новые.

Его прикосновения. Губы. Дыхание. Я не могла чувствовать ароматов в полной мере. Мне теперешней достаточно было пары глотков воздуха в минуту, но... на миг почудилось, что в коротких прядях ворона затерялся запах осени: спелого боярышника, золотых кленовых листьев, утреннего воздуха с его кристальной, звенящей чистотой. Но это мне наверняка показалось.

В чем же я точно была уверена: прикосновения Ара не вызывали у меня отторжения. Даже больше. Они были мне... приятны. Причем настолько, что я, забывшись, отвечала. И как только я поняла это, то испугалась. Себя. Дернулась, вкладывая всю силу. Ар, рефлекторно прижал меня к себе сильнее, и... гостевая кровать была не широкой. Совсем. И край у нее оказался как-то уж очень близко.

Мы упали с грохотом. Зато ворон проснулся сразу же. Вмиг. Еще бы не проснуться при полете с кровати. Тут два выхода: либо очнешься окончательно, либо отрубись основательно. ?ру выпало первое, и он обнаружил себя голым, лежащим на полу и прикрытым вместо одеяла зомбиобразной мной.

— Учти, я к тебе не приставала. Ты сам! — первое, что заявила я. Правда, с учетом положения тел (и дел) утверждение было спорным.

Рука, оглаживающая мои панталоны, медленно разжалась. Ар отнял ее.

Зато его взгляд... Он приковывал. Ворон смотрел на меня своими разными глазами. Но что в зелени, что в синеве застыло одинаковое выражение — муки. Знать бы только какой: совести или сожаления?

Он сглотнул, словно ему враз стало мало кислорода в спальне. Грудь подо мной поднялась. Рваный вдох и такой же выдох. И молчание, колющее меня своей неловкостью.

Ладонь, чуть шершавая, жесткая, с сухими мозолями, которые без слов говорили, что хозяин привык тренироваться не только с писчим пером, коснулась моей щеки. Я замерла.

— Подозреваю, что между нами возникло недообнимание, — Ар произнес это столь светским тоном, что мне показалось, я ослышалась.

— Ты хотел сказать недопонимание? — все же нашлась я.

— Я что хотел, то и сказал, — ворон усмехнулся. — Судя по всему, моя сила откликнулась на тебя, и... я, кажется, слегка забылся. Признаться, такого со мной со времен студенчества не бывало.

— Еще бы ей не откликаться, с учетом того, что позaproшлой ночью я застряла в тебе, — припомнила то, как привидением протаранила ворона. — Тогда твой огонь и распробовал мою тьму.

— А сегодня утром он к ней потянулся, — ничтоже сумняшеся, словно он тут вовсе ни при чем, возвестил ворон.

— Угу. Только почему-то потянулся твоими руками! — возмущенно припечатала я тоном благопристойного и целомудренного зомби, которого нагло пытались совратить.

А затем, пока Ар ещё чего не заявил и не вывернул все так, словно это я к нему в любовницы всю ночь набивалась, решила откланяться. В смысле скатиться с груди ворона.

Но едва оказалась на полу на четвереньках, как услышала в глубине дома весьма характерные звуки: кто-то отпер дверь и сейчас целенаправленно стучал каблуками в сторону нашей комнаты.

— Кто это? — шепотом, словно была гимназисткой, которую библиотекарь вот-вот застукает за чтением сильно откровенного любовного романа, спросила я у ворона.

Тот на миг замер, будто идентифицируя визитера по походке, и скривился.

— Тысяча демонов! Лив.

— Кто? — не поняла я.

— Моя любовница, Ливрин Кортес, — подрываясь с пола, ответил ворон.

И вроде бы всего четыре слова. Но сколько в них было... матерных интонаций! Именно его, будто сейчас по дому карателя шла не любимая женщина, а кандалы всей его жизни. Я же зашипела проклятия сквозь зубы. Ну почему именно эйра Кортес? Почему ворона угораздило связаться с одной из лучших охотниц на нежить в империи?

Между прочим, в пятнадцать лет я мечтала быть на нее похожей. У меня даже плакат Ливрин на стене в комнате висел. Воображалось, что поступлю в академию и стану такой же, как она. Нет, не в смысле рыжей эйрой с репутацией красотки, которая разбивает мужские сердца своими острыми каблуками, а в смысле некроманткой, способной в одиночку уложить орду восставшей на кладбище нежити.

И вот я была готова поспорить на все восемь форинтов, которые была должна Клаусу, что вспылчивая архимаг Кортес, узрев меня, нежить, в спальне своего любовника, сначала запустит развеивающим заклинанием, а потом будет спрашивать у ворона: какого арха?

— Тай, останься здесь, я разберусь, — меж тем бросил Ар, цапнул с пола свои подштанники и, впрыгнув в них, поспешил к двери.

Я осталась. Злая, раздосадованная и лихорадочно соображающая: куда спрятаться? Шкаф, который испокон веков был самым комфортабельным пристанищем любовников, в гостевой не водился. Только комод. Кровать, к моему глубокому сожалению, была такой, что забраться под нее могла разве что мышь, и то не слишком упитанная: короткие ножки заканчивались на расстоянии пары пальцев от пола, а дальше шел сплошной бортик. Да чтоб тебя!

Взгляд упал на портьеры. Но солнце било прямо в окно, и сомневаюсь, что при таком освещении мой силуэт останется незамеченным. А потом я увидела свой чемодан! То, как я оказалась в нем, —

отдельная история, вспоминать которую могло, но жутко не хотелось. Ибо стыдно. Но я запихнула себя в это желтое недоразумение ровно в тот момент, когда дверь бухнула о стену и рядом раздалось гневное:

— Я примчалась к тебе, как только узнала о случившемся. Думала, что ты при смерти, беспокоилась...

— Для столь стремительных сборов у тебя замечательная прическа из салона и безукоризненный туалет, — холодом в голосе ворона можно было заморозить небольшое анклавное государство цвергов, которое граничило на юге с песчаными пустынями империи.

— Не пытайся за язвительностью спрятать девку, с которой провел ночь! Я чувствую на тебе ее запах!

Меня, сидевшую в чемодане рядом со входом, эти слова задели. Неужели от меня так разит? Даже повела носом, что бы проверить, и только потом вспомнила, что ничего не чувствую.

— Мы расстались, так что твоя сцена ревности слегка запоздала. Я волен проводить и ночи, и дни, и даже всю оставшуюся жизнь с тем, с кем мне заблагорассудится... — он оборвал сам себя удивленно.

Видимо, вошел в спальню и увидел, что она — пуста.

Мне же, свернувшейся в чемодане, как цыпленок в яйце, только и оставалось, что внимать беседе. Ну, и обдумывать услышанное. Судя по всему, вышло, что бывшая любовница решила: покушение — отличный предлог, чтобы восстановить отношения. Ничем не хуже, чем случайная встреча в ресторане или на скачках... или где там еще аристократам принято как бы невзначай вталкиваться? Вот только она не ожидала, что Ар будет не один, и в срочном порядке решила разыграть ревность.

Кортес меж тем воспользовалась паузой:

— Расстались? Что за вздор? — звуки шагов и провокационно мурлычущее: — Это были лишь временные разногласия. Я изменила тебе с Робом, ты сегодня отомстил мне. Теперь мы квиты, — в ее голосе послышалось тщательно скрываемое раздражение. А когда она произнесла следующую фразу — ещё и превосходство:

— К тому же только я могу выносить твой огонь. Выносить не одну ночь, а месяцы. Так что мне даже жаль ту, которая сегодня делила с тобой ложе. Сколько недель, а может и лет (если она не маг) теперь этой бедняжке придется поправлять свое здоровье...

От сочувствия Кортес разило фальшью сильнее, чем трупной вонью от полуразложившегося покойника.

— А чтобы ты меня не забывал впредь, я оставлю на твоих губах и руках воспоминание... — и женский вздох сменился шуршанием сминаемой ткани.

Мое воображение тут же нарисовало картину, как ворон целует огненно-рыжую красавицу, которая будто ступила из плаката, висевшего в моей комнате, прямоком в спальню Ара. А ведь недавно этот негодяй проделал сей милый трюк, придуманный природой, чтобы остановить разговор, когда слова уже не нужны, со мной. Четверть часа назад. Причем в постели. Неужели представлял, что делит ложе с Лив?

От исключительно женской обиды я рефлекторно вскинула голову, которая тут же стукнулась о стенку чемодана. Желтый монстр лежал рядом с кроватью, нашпигованный мной, и не выдержал удара судьбы в лице (точнее — неразумной головушке) одной зомби. Замок щелкнул, крышка откинулась, и миру явилась собственно я.

— Здрасти! — выдала первое пришедшее на ум и восстала из чемодана, как стригой из гроба. Правда, не столь эпично, но произвела тот же эффект, как выяснилось, на совершенно не целующихся ворона и Лив. О последнем свидетельствовало хотя бы то, что прикасаться губами к губам, стоя на расстоянии вытянутой руки, слегка проблематично.

Мое появление произошло ровно в тот момент, когда ворону, как я поняла, предложили лицезреть женские прелести без парчовых излишеств платья. Впрочем, как и льняных, и хлопковых... Вообще — без любых. На бывшей любовнице ворона ныне обретались только ожерелье и туфли. Парчовое платье рыжеволосой (кстати, не такой уж и красавицы: магографии ей безбожно льстили!) лежало у ее ног, и она готовилась перешагнуть через него.

Сам же Ар стоял, скрестив руки на груди и ничуть не смущаясь своего почти обнаженного вида. И, судя по выражению его лица, готовился к чему угодно: убивать каменных троллей, истреблять

ренегатов оптом и в розницу, сражаться с полчищами чудовищ — но никак не целовать бывшую любовницу.

Впрочем, Тишина после моего появления продлилась долю мига. Кортес все же не зря считалась одной из лучших охотниц: сплести смертельный аркан она смогла за долю секунды. В меня полетела огненная плеть.

Да чтоб тебя! Такого резвого старта с места, по — моему, не ожидал никто: ни ворон, бросивший наперерез аркану пульсар, ни Кортес, пополнившая свой послужной список эпизодом промаха с трех шагов, ни я, прыгнувшая на такую высоту, что оказалась на люстре. Оказалась сразу вся. Целиком.

Зависла на плафоне на манер летучей мыши вверх тормашками, так что моя юбка превратилась в своеобразный абажур для головы, а руки и ноги обхватили ажурный светильник. Дорогой, к слову, такой, старинный, где в гнездах были магические фонарики. Не то что у нас дома: дешевые и порою чадающие газовые рожки, которым и магия-то для работы не нужна, только пара медек в городскую казну. Правда, и свет от них был не столь ровным и ярким.

— Не смей! — рявкнул Ар на замахнувшуюся вновь некромантку.

Ее первую плеть он отбил. И лишился второй своей кровати за последние сутки. Ложе было располовинено огненным арканом. В воздухе теперь витал гусиный пух, запахи паленого пера и скандала.

— Я не любовница, — крикнула я Кортес, которая была занята пристальной игрой в гляделки с вороном. — Я рабочий материал!

Судя по всему, некромантка задалась целью испепелить взглядом Арнсгара. Правда, оный ни в какую не превращался в кучку золы, несмотря на все усилия эйры Кортес.

Глядя на этих двоих, я вдруг подумала, что всем карателям наверняка при поступлении в отдел вместе со служебным значком выдавали еще и сверхспособности: огнестойкость, взглядоупорность, непотопляемость и тяжелолюбиваемость. Или просто это мне такой выдающийся экземпляр попался?

Меж тем «мой экземпляр» на такое заявление, взятое с потолка и изреченное оттуда же, холодно отчеканил:

— Тай, слезь с люстры. Лив, опусти аркан.

Надо ли говорить, что ни одна из нас и не подумала подчиниться. Я ещё сильнее вцепилась в крепление, которое опасно закачалось. Огненная плеть в руке Кортес затрещала, рассыпая искры по начавшему тлеть ковру.

— Так, считаю до трех. Либо вы подчиняетесь, либо пеняйте на себя. Раз... — в ладони ворона вспыхнула воронка с пронзительно синими рваными лепестками по краям.

Я сглотнула, мигом опознав «Поцелуй небес» — заклинание с романтичным названием, которое самым приземленным образом обездвживало противника. Спротивляться ему невозможно, если твоя сила меньше потока. Да даже и с высшим уровнем дара проблематично. Тебя просто оглушало, как кувалдой по темечку. Минус чар — малый радиус действия. Но с учетом того, что до меня Ар при желании мог дотронуться и рукой — только подпрыгни, — сомневаться, что и его заклинание дотянется, не приходилось.

— Хор-р-рошо, — протянула Кортес таким тоном, что ее согласие не радовало, а скорее пугало, и медленно стала втягивать в ладонь аркан.

Мне же судьба не предоставила возможности что-то озвучить: крепление люстры затрещало, и я шлепнулась с потолка. Предстала аккурат пред очи разгневанной красавицы. И ладно бы просто упала. Так нет же! Припудренная побелкой и с выломанным рожком от люстры в руке.

— Арнс, ты променял меня на это... недоразумение? — сказала, как выплюнула, Кортес, смерив меня уничижительным взглядом.

Я могла бы заверить, что ни на кого ворон ее не менял. Он разве что, как и каждый мужчина, немножко перепутал... Но что-то мне подсказывало, что подобная фраза от нежити доведет рыжеволосую красавицу до состояния «убью и не замечу». Причем никакие предостережения ворона ее не остановят. И будет мое посмертие прожито не напрасно, но без толку.

— Эйра Кортес, — с эмоциональностью каменной статуи произнес ворон, — мы, кажется, уже выяснили, что наши отношения закончились ровно в тот момент, когда я увидел своими глазами вашу измену...

— Так это месть? — перебила его уязвленная красавица.

— Это констатация факта. А сейчас будьте добры покинуть мою спальню. И советую воспользоваться возможностью сделать это самостоятельно, в подобающем виде и без моей помощи. — Он выразительно посмотрел на платье, которое лежало у ног Кортес.

Кортес повела себя как истинная эйра, которая, даже проигрывая, делает это если не элегантно, то как минимум соблазнительно. Она чуть наклонилась, прогнувшись в спине, позволяя оценить ее точеные формы, идеальную сливочную кожу в поцелуях веснушек, рассыпанных по плечам, чуть повернула голову, отчего волосы упали огненной волной. И все это медленно, чтобы зрители смогли оценить и восхититься. Не знаю, прельстился ли ворон. Я бы на его месте — очень даже. Потому как лично я ничего не умела делать элегантно: даже носить недостатки своего характера.

Уходила она, покачивая бедрами. При этом осанка у бывшей любовницы была настолько величественной, что у меня создалось ощущение: я как минимум на приеме в императорском дворце. Парчовое платье, которое Ливрин перекинула через плечо, удерживая на одном пальце, волочилось за ней шлейфом. Спустя несколько минут хлопнула входная дверь. И все время до этого момента я прислушивалась к стуку каблуков, затем — шуршанию ткани, пока незваная гостья надевала платье, и после — к скрипу замка.

Когда Кортес ушла, в комнате воцарилось молчание. И я поняла, что нет звука громче, чем тишина.

— У меня только один вопрос, — голос ворона заставил меня вскинуть голову. — Почему в чемодан?

— Потому, что я, пусть и мертвая, но жить хотела! — запальчиво выкрикнула я, подскакивая с места. — У меня этот новый день — как нечаянный подарок судьбы. Я, может, думала, что не проснусь сегодня. А когда поняла, что еще существую, мне как-то не захотелось превращаться в прах, попав под заклинание охотницы за нежитью.

Сама не заметила, что, пока произносила тираду, оказалась нос к носу с вороном. При этом наши глаза были на одном уровне. Почему так, я поняла с запозданием, глянув, что стою не просто на цыпочках. Нет. На одних больших пальцах ног, которые вертикально упирались в пол. Полосатые чулки, не слишком чистые, после ночного «променада» на пуанты не тянули ни разу. Да и я балериной не была, отчего мое нынешнее положение было весьма шатким. Причем и фигурально тоже, потому как от такой отповеди ворон вскипел:

— А ты знаешь, что я подумал, зайдя в комнату и тебя не обнаружив?! Я решил, что ты ушла за грань. — Куда только подевался холодный истукан? Его голос звенел. И мне показалось, что не от злости, а от... тревоги. — Неужели ты могла подумать, что я дам тебя убить вот так, у себя на глазах? — а вот сейчас послышалась обида. Самая натуральная. Будто я усомнилась в его профессионализме.

— Конечно! Именно поэтому я едва ушла от ее аркана.

— Я его отбил, — тоном «я контролировал в комнате все, даже численность микробов» произнес ворон.

Эта его непогрешимая уверенность меня взбесила. Я качнулась вперед и сквозь зубы предостерегающе процедила:

— Не зли меня... не буди во мне некромантку!

— А ты не буди во мне инквизитора! — тут же отзеркалил Ар.

Возможно, еще миг — и воздух бы между нами вспыхнул. Искры так точно проскакивали, но... случилось мое очередное фиаско: я качнулась еще сильнее и непроизвольно пошла в лобовую атаку на ворона, и машинально, что бы не потерять равновесия, вцепилась ему в плечи. Отросшими за ночь острыми когтями истинной нежити вцепилась, располозовав кожу до крови.

Когда я все-таки окончательно уйду за грань, то, встретив в загробном мире тех же ренегатов, я смогу с гордостью заявить, что сумела сделать им оказавшееся не под силу: пустила кровь венценосной особе. А если не уточнять, при каких обстоятельствах и где именно, то выйдет вообще героичненько.

— Тай! — прошипел ворон, когда я была возвращена в нормально вертикальное положение и к своему обычному росту — с пятками, стоящими на полу.

— Ну, я же не виновата, что у меня когти, — я сунула ему под нос руки, которыми ныне можно было безо всякого ножа отчекрыжить что-нибудь не сильно ценное и не очень большое. Вроде носа у бывшей любовницы одного типа.

— М-да уж, — зажав рукой порезы на плече, протянул Ар. — И как Лив с такими когтями не признала в тебе нечисть...

— Что-о-о? — перебила я возмущенно. Я, значит, тут трясусь, как заячий хвост, прячусь от охотницы на зомби, а она во мне не видит свой промысловый материал! Да ее за профнепригодность... Впрочем, и один разноглазый поутру не почуял во мне живой труп, вон как активно лобзаться полез.

Додумать сию мысль я не успела, поскольку ворон поспешил пояснить:

— Первый аркан, который она сплела, был рассчитан на живое существо, а не на мертвое. Плетение Уидер. Ты же некромантка, неужели не заметила?

— Было как-то не до разглядывания, и определителя под рукой, уж прости, не оказалось. Да и занята я была слегка другим: свое посмертие спасала! — тирада вышла длинной, и под конец я поняла, что воздуха не хватает. Посему замолчала, делая вдох. Если бы не это, я бы еще мно-о-ого чего ворону высказала.

А его высочество, паразит такой, воспользовавшись моим молчанием, тут же начал командовать:

— Пока посиди здесь. И лучше ничего не трогай.

Я восстанавливала дыхание и говорить пока не могла. Зато высказать взглядом все, что думаю, — это пожалуйста. Судя по всему, смотрела я на Арнсгара ну очень нецензурно. Настолько, что ворон, не выдержав, бросил:

— Тай, тебе никто не говорил, что у тебя бывает иногда взор из категории «я тебя внимательно скушаю»?

Я лишь прищурилась. Оценивающе. Сказал бы спасибо, что так я только смотрю на него. Другая нежить бы на моем месте уже пыталась сожрать.

Ар же и не думал уstrasиться, нет. Наоборот, весело усмехнулся и пошел «переодеваться». Хотя, как по мне, то точнее бы было просто «одеваться». Конечно, он и в панталонах смотрелся ничего так, но, думаю, подчиненные не оценят, если начальство зайвится в неглиже в оплот карателей.

Мои мысли с Ара перетекли на случившееся. Да уж... Меня едва не располовинили огненным арканом не как нечисть, а как любовницу. Банально — из ревности. И это было обидно вдвойне. Ведь нечистью я хотя бы успела побыть, а вот амантой ворона — и не собиралась даже!

Многострадальный чемодан лежал рядом с кроватью, скалясь на меня сломанным замком. С пустым нутром, он выглядел как-то сиротливо. Ну вот! Стоило только встретить ворона, как я лишилась и жизни, и будущего, и утюга со сковородкой.

Глядя на желтого монстра, я вдруг вспомнила, как нам твердили на лекциях, что зомби не имеют чувств. Три раза ха! Ибо сейчас меня терзали сразу два. И помимо печали от утраты, было ещё одно, весьма яркое — голод! Прямо нестерпимый.

Ну, я и решила, что какую бы ситуацию я ни имела на данный момент, лучшее, что я могу в ней сделать, — это пойти на кухню и что-нибудь приготовить. Вот так... едва не случившееся минут десять назад влюбийство сейчас имело все шансы закончиться омлетом. Ну, или что там у ворона в холодильнике сундуке найдется?

А под дверцей ларя обнаружилось всё: и яйца, и копченая курочка, и сыр, и молоко. У меня не только глаза разбежались, но и фантазия. Я решила: на кой мне презренный омлет, если можно сделать сырный суп!

Нашла кастрюлю, наполнила водой и поставила на нагревательный камень. И тут случилась первая накладка. Элементаль, что отвечал за разогрев, и не подумал накалять плоский булыжник, в который был заключен. На темном пористом базальтовом боку проявился рисунок, чем-то отдаленно напомилавший лицо, и мне прогудело:

— Не хозяин! Не положено! — И светлые очертания лика огненного духа исчезли.

Это был саботаж! Элементаль просто отказался мне подчиняться.

— Ах так! — Я отставила кастрюлю, засучила рукава платья и, поднатужившись, оторвала пудовую каменку от поверхности. Весила она, несмотря на свою обманчивую губчатость, изрядно. Видимо, виной тому были магические оковы, что сдерживали духа внутри.

— Поставь меня на место! — отринув всякий отстраненный тон, возопил элементаль.

— Ставят памятники. Посмертно. И то только тем, кто это заслужил, — мстительно пропыхтела я.

— Куда ты меня потащила? — взвился дух, почуяв, несмотря на отсутствие даже намека на нюхалку, тонкий флер крупных неприятностей.

— В воду, — изрекла я, прикидывая: в раковину или сразу в ванную?

Дубасить булыжник, взывая к его совести при помощи скалки и иного кухонного инвентаря, было бесполезно: только руки собьешь, да утварь сломаешь. А если расколешь — еще хуже. Огненный дух только рад будет этому: удерет сразу же, вырвавшись из заточения. А вот как следует подмочить пористый базальт... Это понял и огненный элементаль, который воду терпеть не мог.

— Верни меня! Согрею я твою кастрюлю!

— Ну, так бы сразу... — выдохнула я и водрузила его обратно.

Вода закипела вмиг. Еще быстрее в ней оказались порубленное куриное филе, овощи, натертый сыр... Я помешивала половником варево, добавляя зелень. Все же супчик был жидким. Ну не хватало ему густоты. То ли сыру недоложила, то ли воды много налила... Тут на глаза попалась мука... Решила ее обжарить и добавить для густоты. Потом вспомнила про соль. Увы, оной на столе у ворона не нашлось. Пришлось облазить шкафчики.

Но пока я это искала, камень, выполнив свою часть сделки, решил отомстить: он охладил суп до состояния «еще чуть-чуть — и кастрюля подернется ледком».

Воевать ещё и за подогрев было лень. Да и есть жутко хотелось. К тому же если хорошо поперчить, то даже холодная еда будет горячей. В общем, я и посолила, и поперчила. И только хотела налить в тарелку супчика, как на кухню вошел ворон. Судя по всему, с «переодеться» у него не заладилось, как у меня — с элементом. Во всяком случае, рубашки на Арнсгаре не наблюдалось как класса. Только штаны.

В одной руке каратель держал кристалл связи, отдавая по нему распоряжения. На плече ворона уже не было ни царапины. ?м... я знала только один эликсир, что мгновенно заживляет раны. Вот только от него ощущения такие, будто тебя свежуют заживо.

— О, ты приготовила завтрак! — закончив разговор, ?р узрел кастрюлю.

— Будешь? — уточнила я.

Хотя кто бы знал, каких душевных усилий мне это стоило: расстаться с целой тарелкой свежего супа, когда у самой в животе кишка кишке бьет по башке. Но я была великодушна и щедра.

Взяла половник с намерением зачерпнуть варева и тут случился первый конфуз: черпак в супе застрял. Намертво. Я попыталась незаметно вынуть его, но ничего не получилось. Результатом моего «незаметно» стала отломанная у кастрюли ручка. За оную я держала утварь, чтобы та не поднималась вслед за половником, который я тянула вверх.

Ворон с интересом наблюдал за происходящим. То ли был столь благороден, что «уступал место» даме, то ли попросту решил: нежить сильная — и сама справится. Я же поняла, что незаметно отделить половник от супа уже не получится.

Посмотрела на стоявшую на плите кастрюльную засаду и поняла, что если для всех нормальных людей любая проблема значит вероятность либо победы, либо нервного срыва, то у меня — исключительно позора. А потом (была не была) опустила утварь на пол, зажала между ног и потянула ручку половника на себя на манер репки.

Что могу сказать... Я его таки достала. Вместе с цилиндром из супа, который напоминал ныне хорошо замороженный холодец. Такой, который ещё немного — и можно не кусать, а только лизать. Ну или грызть, если зубы казенные и их не жалко.

— Хм... Интересная подача блюда... — только и прокомментировал ворон.

А затем, ничуть не смущаясь, прямо пальцем отковырял «супчика». Я тоже решила приобщиться к результатам своего антикулинарного таланта и даже в нынешнем зомби-облике ощутила: свой «шдывр» переперчила. И пересолила тоже. Точнее, соли в вареве не было вовсе, зато соды, которую я по ошибке приняла за соль, — прилично. Но больше всего мне не повезло с мукой: я перепутала ее с крахмалом. Судя по всему, ему варево и обязано своими уникальными склеивающими свойствами.

Хотя этому супчику было далеко до моего пирога с малиной, который я в том году испекла для семейного пикника. По твердокаменности он ничуть не уступал граниту. Его можно было метать

как боевой диск. Но это обнаружилось, уже когда мы всей семьей расположились на берегу реки. Я расстроилась. Братья же, пока я отвернулась, выкинули мой кулинарный подвиг в реку, заверив всех, что съели сдобу подчистую и она была хоть твердой, но вкусной. Они распробовали. Увлеклись... Я им поверила. И верила целую неделю, ровно до того момента, как узрела свой пирог, гуляя по столичной набережной.

Выпечка проплывала по Кейше, никем не только не тронутая, но и не утратившая своего первозданного облика. На нее не покусились ни рыбы, ни утки. Она не ушла на дно и даже не разбухла!

Именно тогда я окончательно осознала, что готовить — не мое. И хотя кулинарию я люблю, кулинария явно не любит меня. Даже омлеты у меня через раз выходили подгоревшими, пересоленными и напоминавшими что угодно, только не омлеты.

— В целом... неплохо, — выдал Ар, задумчиво глядя в потолок. — Во всяком случае, ядов нет.

Я вспомнила злополучный бутерброд из его сейфа и поняла, что ворон вообще из той породы едоков, которые считают, что, если в кастрюле что-то плавает, — это витамины, если тонет — минералы, а если дрыгается — протеины.

— Утешил, — фыркнула я.

— Тай, у нас сегодня уйма дел. Во-первых, завтрак... — с самым серьезным видом начал каратель и добавил: — И давай его приготовлю я.

— Хорошо, — вынужденно согласилась. — А можно тогда я воспользуюсь ванной?

Меня заверили, что она — в полном моем распоряжении. Вот только когда я зашла в комнату омовений и взглянула на себя в зеркало... Каюсь, чуть машинально не начала зачитывать слова из ритуала экзорцизма.

Вымывшись, завернувшись в чистый махровый халат, который обнаружился в шкафчике рядом с душевой кабиной, я почувствовала себя гораздо лучше. А когда передо мной поставили воздушный омлет — то и вовсе счастливой.

— Думаю, ты хочешь узнать о проклятии, из-за которого тебя убили? — орудуя вилкой, произнес ворон.

Меня интересовало не только оно, но и то, почему я ещё не превратилась в прах, сколько мне осталось и что имела в виду Кортес под словами «только я смогу тебя вынести долго»? Ведь наверняка не отвратительный характер ворона. Впрочем, произнесла совершенно другое:

— И ты мне расскажешь? — Я вскинула на него взгляд.

— Думаю, это будет справедливо. — Ар отложил вилку. — К тому же когда я рассуждаю вслух, мне лучше думается.

Вот ведь... каратель!.. одним словом. Практичный. Не удивлюсь, если он и мой супчик не выкинул, а куда-нибудь припрятал как уникальное биологическое оружие, склеивающее желудок врагов. Еще и запатентует оное, небось. И совесть его не будет при этом мучить. Потому как у таких, как ворон, она давно уже отмучилась и благополучно сдохла.

— Итак, что же такого уникального в этом проклятии? — Я оперлась локтями о стол и водрузила подбородок на ладони.

— Хотя бы то, что теперь у меня ровно четыре дня до дворцового переворота. Именно столько нужно заговорщикам, что бы вновь активировать магию мороев, пожертвовав жизнью еще одного своего мага.

Моя челюсть имела все шансы упасть на столешницу со стуком от известия о жертвоприношении, но благо ее заклинило при словах ворона о грядущем перевороте, а ладони, в которые упирался подбородок, вовремя поддержали.

М-да уж... Помнится, чуть больше трехсот лет назад, когда чернокнижники последний раз отнимали жизнь на алтаре, целый город на востоке империи сравнялся с землей. Ныне уличенный в подобном маг отделается в лучшем случае смертью. Впрочем, мое удивление длилось недолго.

— Одну минуту! — Я подняла указательный палец, призывая к молчанию не столько?ра, сколь свои суматошные мысли.

А после я и вовсе поступила как истинный узурпатор: прежде чем захватить мир, решила потренироваться на кофе и, встав, захватила с нагревательного камня джезву, над которой

поднималась пенка настоящего «эликсира», воскресившего с утра не одного засоню-некроманта.

Разлила напиток по чашкам и, пригубив черную тягучую жидкость, произнесла:

— А теперь в подробностях и по порядку.

Ворон задумчиво покрутил в руках чашку, добавил в нее чуть-чуть соли, каплю молотого перца и произнес:

— Несколько тысячелетий назад в нашем мире были драконы. — тоном заправского лектора начал высочество. — Но еще недавно считалось, что они все вымерли. А порою встречающиеся на просторах империи каменные статуи крылатых гигантов — не иначе как памятники (то ли могильные, то ли призванные сохранить память о сынах неба), дошедшие до нас из глубины веков. Вот только около десяти лет назад выяснилось, что исчезли драконы с лица земли не просто так: их расу поразил мор, при котором тело превращается в камень.

Выяснилось это, когда болезнь, изменившись, пришла к альвам, а затем — и к людям. Моя сестра-алхимик, работая над формулой спасительного эликсира, решила испытать экспериментальное зелье на статуе дракона, что украшала площадь столицы. Нари предположила, что это не просто монумент, а окаменевший ящер. И оказалась права. Правда, исцелившийся крылатый едва не разнес тогда половину Эйлы.

И с этого момента изменилось все. Можно сказать, начался обратный отсчет. Но громогласно об этом ни в новостных листках не сообщали, ни на площадях не кричали, ни официальных ленточек не перерезали. Посему ни простые имперцы, ни наши соседи — обычные альвы — ничего не заметили. Они жили прежней жизнью: радовались ясным дням и мокли под проливными дождями, плодились, влюблялись, очаровывались и разочаровывались, кто-то жил своим умом но за чужой счет, кто-то занимал место под солнцем и тем загораживал соседу свет...

Меж тем первый пробудившийся дракон, улетев на восток, нашел целую долину своих собратьев. И ныне, спустя десять наращивающие свою мощь день ото дня.

— Скоро им станет мало этой долины, а шириться будут куда? С одной стороны — взморье, с двух других — ледяные пики. Наши шпионы доложили, что через год-два можно ожидать вторжения. С огнем и магией в империю прилетят те, кому нечего терять.

— Это самое Проклятие Мороя должно было стать оружием в будущей войне? — догадалась я.

— Война — это большое болото, в которое легко влезть, но трудно выбраться. А если и выберешься, то будешь не только в грязи, но и шрамах. Поэтому задачей наших военных магов было не создать оружие, а предупредить удар.

— И как же?

— Что ты знаешь о времени? — Ар ответил в традициях истинных цвергов: вопросом на вопрос.

— Это поток, — выдала я не задумываясь. Ведь именно такой руной оно обозначалось во всех пентаграммах, такое определение ему давали на лекциях.

— И на что он похож? — Ворон изогнул бровь.

— На реку, наверное... — Я пожалала плечами, а у самой уже перед глазами был бурный водоворот, в котором кружат щепки человеческих судеб.

— Ты отчасти права. — Ворон наконец отхлебнул свой уже остывший странный кофе.

Подумалось, что это наверняка ведь гадость по вкусу несусветная? высочество еще и смаковал его. Словно он не пил кофе для того, что бы проснуться, а проснулся для того, чтобы выпить кофе. Арнсгар же, не подозревая о моих мыслях, продолжил:

— Но морои — дети ночи — считали время не потоком, а еще одной гранью реальности.

Видимо, на моем лице было написано изумление, поскольку ворон перешел от слов к демонстрации — вилочной.

— Смотри: это наша реальность. — На стол легла вилка. — Это мир Граней, где мы получаем свой дар и куда он возвращается после нашей смерти. — Параллельно ей легла вторая. Моя. Между прочим, с наколотым на зубцы кусочком омлета. — А между ними — время. — Его палец прошел по скатерти между двумя приборами.

— Ты хочешь сказать, что можно просто вот так, переходя в мир?раней, взять и провалиться во времени? — не поверила я. — Да если бы это было возможно, все бы уже об этом знали.

— Ты права, при обычных условиях это абсолютно невозможно. У юного мага, который еще не приобрел дара, пустота внутри похожа на... — он задумался, подбирая сравнение, — ...металлический диск. А дар — своего рода магнит, который притягивает к себе с невероятной силой. Но как только они соединяются — тебя тут же выплевывает из мира Граней, будто выстреливает сжатая пружина. Но древние морои нашли способ, как задержаться в мире Граней.

— Задержаться... — начала я, глядя в межмировое... тьфу, в межвилочное пространство.

— Если уже получивший дар маг, находясь в мире Граней, отдаст его, то, пока не приобретет новый, сможет находиться вот тут. — Он указал на вилку с частичкой омлета, которой выпала то ли честь, то ли участь олицетворять параллельный нашему мир. — И именно тогда можно использовать Проклятие Мороя, которое по сути не что иное, как стартовая площадка, оттолкнувшись от которой можно вписаться в течение времени.

— А почему это нельзя сделать из нашего мира? — Я нахмурилась, переваривая услышанное.

— Реальность нашего мира гораздо стабильнее, и, следовательно, барьер между ним и временным потоком крепче...

Я вспомнила, как причудлив порою мир Граней, где мостовая может завернуться морской волной — и дома окажутся у тебя над головой, а небо — под ногами, где, увязнув в блуждающих песках пустыни, ты провалишься в ледяную воду меж дрейфующих льдин. И все это порою — за доли секунды.

— Но цена такой прогулки — смерть. Для того чтобы пройти по потоку времени, маг без дара отдает большую часть своей жизненной силы. Если маг слабый — то всю. И умирает.

— Постой, а в чем тогда смысл?

— В том, что сильному чародею хватает жизненных сил, и он, прошивая временные пласты, способен вернуться на сутки назад. Может, чуть больше... Это уж зависит от самого мага. И, оказавшись в прошлом, повторно — параллельно со своим двойником — проживает это время. Ровно до того мига, когда вошел во временной поток, и ни секундой сверх. Дальше не даст Проклятие Мороя: оно не только вектор движения во временном русле, благодаря которому ты попадаешь в нужную точку выхода. Это — пентаграмма, которая становится поперек временного потока. От нее ты и отталкиваешься. И она же — заслон, который ты не сможешь обойти.

— Но сутки — это так мало... — произнесла я, прикинув, что это самое странное добровольное жертвоприношение из всех, о которых я когда-либо слышала. Отсроченное на двадцать четыре часа.

— Мало. Но вчера этого хватило, чтобы уничтожить всю агентурную сеть отдела карателей, похитить Патрика, привязать его к моей кровати и попытаться нас убить.

«Так вот как зовут рыжего», — подумала я отстраненно.

— Постой, значит, сейчас кто-то крадет список агентов... — начала я, осознавая.

— Демоны, Тай... а ведь ты права... Хотя... — ворон замер, словно в этот момент в его голове прокручивались тысячи вариантов развития событий. Он выдохнул: — Еще нет. Думаю, это произойдет через пару часов. Так что мне стоит поторопиться, если я хочу поймать того, кто это сделал. — С этими словами ворон поднялся из-за стола.

— Постой. — Я схватила его за руку. — Ты сказал, что мне тоже остались сутки, но я ещё жива. Может, с этим похитителем так же...

— Могу предположить, что ты жива потому, что вместе с силой забрала и часть моего огненного дара. Я ощущаю его в тебе. — Ар сделал шаг, оказавшись рядом. Его пальцы коснулись моей кожи, очертив абрис скул. — Именно поэтому меня, мою силу, тянет к тебе. И я ощущаю тебя живой, а не мертвой.

— И надолго этой части хватит?

— Чтобы сказать точно, нужны замеры: насколько уменьшился мой собственный уровень. Но, скорее всего, на сутки-двое еще хватит...

Ворон не успел договорить, но я уже услышала главное и перебила:

— А у тебе случаем в шкафу нет женского платья? — произнесла я.

И только услышав сказанное, я поняла, что в моем случае даже самые простые слова бывают похлеще любого строптивого заклинания: они срываются языка до того, как я успеваю его

прикусить, чтобы удержать глупые мысли в своей голове, а не выплюнуть в чужие уши. Вот как сейчас. Не хватало вдогонку к первому вопросу уточнить, не носит ли Ар юбку и чулки для полного и, так сказать, завуалированного оскорбления.

Нет, мужеложцы, предпочитающие дамский наряд мужскому, в империи водились, как, скажем, водятся медьки в чаше для подаваний у профессионального нищего: немного и на самом дне. Но такие извращенные наклонности в обществе, мягко говоря, не поощрялись. Скорее уж скрывались.

Возникла секундная пауза, во время которой я спинным мозгом прочувствовала, что молчание в ответ на злословие может означать что угодно: воспитанность собеседника, его мудрость, избирательную глухоту или затишье перед бурей. Последнего вот очень не хотелось.

И это было странным: ещё недавно я бы не только, не задумываясь, позубоскалила над караталем, но и была не прочь его придушить. А вот сейчас для меня стало важно его не обидеть. Посему я поспешила исправить ситуацию, затараторив:

— Я не хотела тебя уязвить и ничего такого не имела в виду. Просто мне нечего надеть. — Развела руками, указывая на мужской махровый халат.

От этого жеста запахнутые полы разошлись. Выразительно так. Отчего я стала враз обладательницей смелого декольте. И в его открывшейся глубине на миг утонул взгляд разноцветных глаз.

Всего на миг, в которой я вновь почувствовала себя немножко живой и даже чуточку привлекательной. Но потом вспомнила, что именно там меня прошили нити Изиды, оставив шрам, и поспешила спрятать его за тканью, опровергнув тем самым еще один постулат некромантии: зомби не внимательны к деталям. Считалось, что им на оные плевать. Впрочем, на важные вещи мертвяки порою тоже обращают внимания. Так, воскрешенные слуги могут даже умереть второй раз на проклятой работе и не заметить этого... А вот меня смутил какой-то там взгляд. Неправильное я умертвие, одним словом.

Я вскинула голову, поспешив за вопросом скрыть неловкость:

— Вдруг у тебя осталась униформа твоей служанки? Она ведь у тебя есть, служанка?

В ответ ворон лишь покачал головой. Ясно из слуг — одни духи обережники.

— Ну, или наряд какой-нибудь любовницы.... — Я попыталась изобразить на лице робкую надежду небесного посланника. Но, увы, зомби под херувимов маскируются плохо.

Ар же, видя мои потуги, невесело улыбнулся.

— Мне, конечно, лестно, что ты считаешь меня ловеласом, но вынужден разочаровать: полчищ содержанок, которые бы оставляли здесь свои наряды, у меня нет. И не предвидится. Сегодня был уникальный случай.

Я ничего не сказала, только с сомнением хмыкнула: чтобы за сильным, красивым, влиятельным эйром — да не охотились дамы? Даже двух из перечисленных мною качеств достаточно, чтобы не только свахи, но и дамы, готовые к любовным авантюрам, взяли его на прицел.

— Не веришь? — Мой скепсис не укрылся от ворона, и он пояснил: — С носителями первородной крови людям вообще тяжело находиться долго без вреда для здоровья. ? на мне ещё и печать верховного карателя, которая в разы усилила сию особенность. Так что вытерпеть меня в качестве любовника может только чародейка с уровнем дара поток.

М-да... «Повезло» ворону: если он влюбится, то не сможет быть со своей избранницей не из-за каких-то династических перипетий, а банально потому, что убьет ее своим присутствием?

— Но если влияние твоей крови так усилила печать карателя... Ты мог бы не принимать ее.

— Тогда бы я не стал верховным. — Жесткая усмешка на миг коснулась его губ. — Тай, я из того мира, где верность супругу хранится под проценты. Там нет места чувствам. Зато есть нерушимые клятвы: перед императором и народом. И они выше сомнительного семейного счастья договорного брака. К тому же он теперь мне точно не грозит, как и любой в принципе. Для политических союзов есть мои братья.

Почудилось, что в его последних словах сквозило скрытое ехидство.

— Значит, платя нет, — поняла я. — Ну, ничего, поеду с тобой в своем порванном и грязном наряде. Он хоть и не парадный мундир, но и в нем я могу отомстить за свою смерть этим ренегатам.

Я решительно встала. Вот только не учла, что, соскочив со стула, окажусь вплотную к ворону,

который стоял рядом. Расстояние между нашими лицами оказалось меньше ладони. Почудилось даже дыхание Ара на моем лице.

— Тай, ты можешь прожить оставшееся время, не ввязываясь в грязь интриг и заговоров, — он это говорил, а я чувствовала, как его взгляд, одновременно горячий и холодный, касался мои волос, скул, ресниц, губ. — Ты слишком чистая, светлая, живая, искренняя...

— Мои братцы, описывая Тайрин Росс, были не столь многословны. — Я чуть откинула голову. Зря. Тут же утонула в синеве и зелени. Но все же смогла договорить: — Они давали мне характеристику: «Кто успел — тот спрятался»...

Ворон не улыбнулся шутке. Вместо этого его руки легли мне на талию. Сильное, почти обнаженное горячее мужское тело с литыми пластинами груди, жгутами мышц под загорелой кожей было слишком близко. Непростительно. Преступно близко. Ар касался меня, вызывая дрожь в коленях. Горло враз пересохло, а сердце... я просто почувствовала, что оно бьется в моей груди, рождая новые ощущения, сильные, неизведанные, обещающие большее.

Захотелось, чтобы Ар накрыл мои губы своими. И целовал меня, пока я не забуду о том, что мертва, хотя бы на миг не забуду.

— Я видел много крови и боли в своей жизни. Душевного уродства, которое во сто крат страшнее любых шрамов на теле. И хочу сказать, Тай, ты прекрасна. Твоя душа прекрасна. И больше всего я жалею сейчас о том, что судьба не свела нас чуть раньше. Хотя бы на пару часов...

— Увы, но похоже, чтобы мы встретились, один из нас должен был умереть. Кстати, если бы я узнала твое имя на этот самый час раньше, то еще вопрос, кто из нас двоих стал бы трупом... — произнеси я это серьезно, мои слова звучали бы как угроза. Но я лишь подтрунивала над Аром.

— М-м... Звучит даже заманчиво, — каратель тут же включился в игру. — Мне вообще кажется, что порою единственный способ быть счастливым — это быть умертвием. Вот только никак не могу дожидаться толкового убийцу по мою душу... Всё какие-то дилетанты попадаются, — вернул мне подколку Ар, намекнув на удушье его высочества в магомобиле.

Причем произнес он это тоном эйра Гыргырницкого, которому досталась бездарная некромантка. Мне даже почудился скрипучий старческий голос, произносящий: «Вам, адептка, уже больше двадцати, а вы так и не оживили ни один труп... а часики-то тикают. Вы зачем сюда вообще поступали? Девиз нашего факультета — «Стань некромантом — подари жизнь», а вы не то что подарить — дать займы не можете...»

— Ну, я могу попытаться еще раз... Даже если не получится, у тебя будет в два раза больше воспоминаний о моих покушениях.

— Я бы хотел получить не покушение, а поцелуй. Подари мне его. — Ворон чуть наклонился и выдохнул мне в губы: — Он будет памятным событием для одного карателя, чья жизнь проходит в стенах одиночества.

— Я вообще-то воскрешенная, — напомнила Ару очевидное, упираясь ладонями в его твердую грудь, и почувствовала под пальцами его бешеный пульс. — Тебя это не смущает?

— Ничуть. К тому же, когда мы проснулись в постели, ты отвечала мне...

На губах ворона заиграла улыбка. Вот только взгляд при этом был серьезным. В нем танцевала вьюга. А еще в глубине зеленого и синего озер бесновалось что-то дикое, первобытное, опасное, безжалостное и... пронзительное. Этот взгляд был красноречивее любых слов.

Ворон поцеловал меня. Его губы. Жадные, горячие, властные. Они покоряли, присваивали, клеймили. Словно дикий огонь, что бежал по жилам ворона, вырвался наконец наружу. Это был Арнсгар, которого я еще не знала: не сдержанный, холодный и расчетливый. Нет. Яростный, как пламя, обжигающий, как пламя, опасный, как пламя, и... дарящий тепло, как пламя. Я ощущала его, согревалась им в заботливых и даже осторожных объятьях карателя. И этот странный контраст поцелуев-укусов и нежных прикосновений его рук что-то менял во мне. Заставлял отвечать.

Он пил меня, а я — его, жадными глотками, зарываясь в волосы, отдаваясь этому мгновению. Это был поцелуй-извержение, способный стряхнуть с небес и звезды, и обе луны. Это был поцелуй, от которого небесные посланники упали бы в обморок, а демоны бездны умерли от зависти. Жгучий, яростный, разрушительный, проникающий в самую суть души поцелуй, от которого земля едва не разверзлась под нашими ногами.

Ворон собрал мои волосы в кулак и потянул назад, заставляя откинуть голову, открыть шею. Его губы прикоснулись к коже — словно отточенная сталь едва дотронулась, обдав холодом железа, от которого бросает в жар.

— Тай, — в одном выдохе и признание, и клятва, и сожаление. — Прости, но так будет лучше.

После этих слов я почувствовала, как падаю на стул и мое тело сковывает... аркан! Он спеленал меня, не оставив возможности и пошевелиться.

Меж тем ворон сделал шаг назад, видимо — и разумно, — опасаясь моей реакции.

— Сволочь! Арх гребаный! — выкрикнула я, пытаюсь освободиться. Безрезультатно.

— Это операция, от которой зависит будущее миллионов мирных жителей. И я не намерен вводить в нее неучтенный фактор имени тебя. Не хочу рисковать империей. И тобой тоже. Тай, я вернусь через несколько часов и сниму плетение.

— Гад! — выплюнула я. — Значит, все это было лишь затем, чтобы усыпить мою бдительность?

У-у-у! Как же я его ненавидела в этот момент. А я ведь поверила Арнсгаду! Поверила, демоны меня раздери!

— Нет. Не всё, — с каменной мордой лица парировал этот паразит. И даже наклонился за ещё одним поцелуем. Бесстрашный. Разве не знает, что не стоит есть завтрак, если тот пытается удрать с тарелки, и уж точно не стоит целовать то, что может тебя укусить!

Мои зубы клацнули в дюйме от носа карателя. Жаль, что реакция у этого усгина сына оказалась отменной!

Он вышел в коридор. А через несколько минут хлопнула входная дверь, известив: каратель покинул дом. Я зашипела от злости. Ну погоди, высочество... вот выберусь — устрою тебе, как полагается у вас, аристократов, дуэль, только в духе цвергов: это когда оскорбленная сторона, прихватив ломик поувесистее и пару друзей-секундантов, подкарауливает обидчика в переулке. И там, с использованием мордобоя, втроем восстанавливает поруганную честь. А мне в этом деле и помощники были не нужны. Сама справлюсь. Вот только освобожусь. Правда, пока не знаю, как выберусь, но обязательно сделаю это!

Напрягла руки, пытаюсь разорвать аркан, и едва не зашипела: плетение врезалось в кожу. Демоны! Скорее я руки себе перережу этим заклятьем, чем разорву его. Ну ворон! Надо же, не просто ловчие чары сплел, а специально усиленные! Хорошо хоть не стягивающие, а просто оплетающие.

Я еще раз дернулась, но на этот раз не в попытке освободиться, а просто от злости. А потом, как и всякий связанный человек, начала усиленно думать о законах физической магии. Видимо, удерживающие арканы и активная умственная работа были связаны каким-то таинственным образом.

Сейчас я прикидывала: как быстро распадается заклинание под действием внешних факторов, сколько единиц силы нужно приложить, чтобы сломать ножки у стула. Ну, или свои. Хотя собственные было как-то жалко. Они у меня красивые, аккуратные, с тонкими лодыжками...

Конечно, нормальное умертвие вообще-то не должно было задумываться в такой ситуации об эстетике. Пойманные зомби могли себе с легкостью отгрызть руку, если та мешала освободиться. Но где я — и где норма? Меня даже смерть не исправила! Как была сплошной ходячей аномалией, так и осталась.

Думается, что если бы я решила писать книгу, то это была бы не научная монография, не роман о страстной любви и не биография отца о том, как он спился с пути. Нет. Это было бы практическое пособие в духе «Как сгладить неловкость, если засмеялся на похоронах, а они твои». Потому как ужасающе большое число неловких моментов, в которые я умудрилась попасть за свою жизнь, продолжает увеличиваться и после окончания оной.

Вывернула шею, стараясь осмотреться: рядом стол, позади, в паре футов, стена. Так, если правильно упасть, то я даже смогу сломать мебель и не сильно покалечить себя. Особенно ноги, которые мне еще пригодятся, чтобы догнать одного карателя.

Я попробовала оттолкнуться пятками от пола. Вот только, увы, слегка не рассчитала и... Если охарактеризовать ситуацию метафорично: я пыталась раскатать лодку, а пробила дно.

При толчке стул откинулся назад, но, на миг забалансировав на двух ножках, вернулся на исходную позицию. Потом я полетела носом вперед. Лоб ударился об пол с весьма характерным звуком. В ушах зазвенело, из глаз посыпались искры, и я стала ненавидеть ворона ещё сильнее.

Когда в мозгах прояснилось (если после такого сотрясения там вообще было чему проясняться), я попыталась разогнуться. Не скажу, что у меня это получилось. Зато роль улитки удалась отлично. Правда, вместо раковины был стул, воинственно щеривший в потолок свои ножки.

Мысль удариться если не в бега, то хотя бы обо что-то, да посильнее, чтобы сломать спинку стула, показалась здоровой. Боковым зрением я даже заприметила перспективный косяк. Но до него ещё было, как сонному некроманту до кружки с кофе: ползти и ползти.

Я вдохнула, выдохнула и подбодрила себя мыслью о том, что любые проблемы не только в жизни, но и в смерти даются нам для того, чтобы стать сильнее. И только. А не чтобы вляпаться в них лицом и заплакать.

Об этом я и думала всю дорогу до косяка. Правда, в разных выражениях, и не все из них были цензурными... И когда я добралась до заветной цели и, резко опрокинувшись набок, ударилась о косяк... Хруст получился знатный. Правда, сначала я даже не поняла, что именно сломалось: стул или я сама. Но когда почувствовала, что могу пошевелиться, поняла: все же первое.

Еще четверть часа ушла на то, чтобы окончательно освободиться от пут.

— «Вернусь через несколько часов», «сниму плетение», — передразнила я ворона, со злостью откидывая в сторону сломанную ножку стула и топчя пятками опавший аркан, который теперь лежал на полу дохлой змеей. — Не захлебнись в собственной гениальности, планировщик архов!

Я погрозила в пространство кулаком, представив, с каким наслаждением буду душить Арнсгара. Решил он всё. Сиди его и жди, связанная, гадай, рассыплешься прахом за эти пару часов или нет. А меж тем мои убийцы будут красть список. И я даже не буду иметь возможности с ними поквитаться за свою кончину.

— Нам не место с этим вороном ошипанным в одной вендетте. Однозначно — не место! — Я решительно запахнула халат и пошла в спальню одеваться.

И, глянув на платье, потом — на распахнутый шкаф, в котором висело несколько черных карательских кителей, я коварно улыбнулась. А спустя пару минут уже подворачивала рукава формы. И пусть та сидела на мне мешком... Ну хорошо, очень большим и объемным мешком, который смотрится на скрипке чехлом от контрабаса. Но всё же! Во-первых, это была одежда карателей — значит, издалека я, может, даже сойду за свою. Во-вторых, она была чистой.

Загвоздка вышла только с носками: я не смогла с ходу найти чистую пару. Зато у ворона обнаружили два разномастных: серый и, неожиданно, красный.

— Властью, данной мне, я нарекаю вас одной парой! — глядя на этих разномастных, возвестила я и натянула их на ноги.

Вскочила, нашла свои башмаки под кроватью и, обувшись, ринулась навстречу неприятностям. А то даже неудобно как-то: они наверняка меня заждались, а я тут такая, вся опаздывающая... Нехорошо, некультурно как-то даже.

Я резво бежала по улицам столицы, миновав кварталы Голубой Ягоды и Брокеров, свернула на улицу Ульмаха Лютого, чтобы срезать путь, нырнула в переулок Простодыр.

Было странно лететь стрелой, не чувствуя усталости, опережая магомобили, ползущие по запруженным в утренний час дорогам. словно я была выпущенным из арбалета болтом, мыслью, способной обогнать ветер, который запутался в моих волосах.

Сейчас я напоминала себе поднятого зомби как никогда. У меня была лишь одна цель. Одно желание. Один рывок. И один шанс, чтобы отомстить.

Я выскочила из подворотни сбоку от здания, в котором расположился отдел карателей. По инерции пролетела несколько шагов, замедляясь. А затем чинно зашагала вдоль чугунного забора, по которому нет-нет да и пробегали искры охранных чар. Через две дюжины ярдов я остановилась, планируя развернуться и прикидывая, как мне проникнуть внутрь.

Впереди уже маячили центральные ворота. Напротив них, через улицу, приветливо распахнули двери несколько магазинчиков. Легкий перезвон колокольчиков оповестил о том, что из одного как раз вышел покупатель: импозантный эйр держал в одной руке дипломат, в другой — пышный букет роз, перевитых алой лентой. Закрыв дверь, он поставил свой портфель на брусчатку, вскинул руку в характерном жесте, чтобы посмотреть на запястье. В луче утреннего солнца блеснули хроносы, показывая время. А затем эйр бодро зашагал вниз по улице, забыв у дверей цветочного магазинчика свой дипломат.

Глядя на него, я замерла. Каблуки, на которые был перенесен вес моего тела, готового повернуться, покачнулись. А я все стояла, пытаюсь вспомнить, где я могла видеть этого человека: что-то в нем мне показалось знакомым. Не лицо, не жесты, а... додумать я не успела. Грянул взрыв.

Ударная волна сбила меня с ног, воздух расцвел всполохами алого пламени и осколками стекла

витрины цветочного магазина. А в следующую секунду языки огня начали жадно пожирать раму, лизать полосатый тент с вывеской.

А для меня мир на миг потерял всякие звуки, словно мои уши намертво запечатали воском. А потом ещё и по затылку огрели для комплекта. Я поднялась, все еще ничего не слыша. Но я видела, как из ворот выбежали несколько карателей. Кто-то из них подхватил под мышки одного из тяжело раненных караульных, что еще недавно несли службу у ворот. Другой каратель, маг, запустил в полыхающее пламя заклинание Майри, тут же развернувшееся водной воронкой. Еще несколько пустились в погоню за вышедшим из цветочной лавки и успевшим скрыться до взрыва типом.

Суеты не было. Была слаженная работа профессионалов. А я стояла и держала голову руками так, словно та готова была развалиться на части, как треснувшая от крышки до дна фарфоровая супница.

Звуки возвращались медленно: придушенными криками, едва слышным шипением огня, словно тот был хищником, из чьей пасти вырвали законную добычу. Зато осознание, где я видела недавно вышедшего из магазинчика цветonoсца, прошла меня бешеным пульсаром. Погост. За миг до моей смерти. Это был он: тот самый тип, прошивший меня нитями Изида! Вернее, была его аура, которую я увидела. Правда, на взгляд зомби она казалась мне сильно потускневшей, едва различимой, но все же...

Желание рвануть за ним уже почти превратилось в действие, когда я боковым зрением увидела, как от дальнего угла здания карателей отделилась фигура и стремительно помчалась в сторону забора. И все бы ничего, если бы это была не та самая стенографистка: ее накануне арестовали в кабинете Арнсгара.

Я видела, как она несетя, лихорадочно оглядываясь. А в моей голове, словно прокручивалась задом наперед картина разбивающейся витрины цветочного магазинчика. Осколки, что брызнули во все стороны на мостовую, у меня возвращались на свои места, пламя съеживалось, а витрина фрагмент за фрагментом приобретала целостность.

Мой убийца. Взрыв. Побег. Стенографистка.

Ворон предположил, что список имен украдет кто-то из отдела, еще не обнаруживший себя. Шпион. А ведь похитить его могла и эта — память услужливо подсказала имя — Рунур. Что ей мешало по пути из камеры к свободе заглянуть в лист с именами погибших агентов? Ведь после смерти их фамилии, скорее всего, перестали быть тайной.

Эта мысль, как узор в бешеном калейдоскопе, сменилась другой: ее побег был организован, а это значит, что она наверняка ринется к своим сообщникам. Среди которых и мой убийца!

Мозаика из осколков событий сложилась за один миг. Действовала я и того быстрее — и уже неслась за стенографисткой.

Рунур же подбежала к ограде и просто проскочила через нее, как через марево тумана. Однако какая качественная была иллюзия! В другое время я бы восхитилась такой работой, но сейчас... тоже восхитилась, только матерно, обложив именами демонов талантливому иллюзорнику-ренегата.

Рунур уже была на мостовой, когда ее побег обнаружили и каратели. Завыла сирена, ударив мне по нервам, как по натянутым до предела струнам. Стенографистка сиганула с места с такой прытью, что сразу стало понятно: без стимулирующих эликсиров тут не обошлось.

Я рванула за ней.

Кто-то из карателей — за мной. Но кто именно — было рассматривать слегка недосуг. Я занималась догонятельным видом спорта. А стенографистка — убегательным. Мы обе неслись по улице, как живое доказательство того, что бег и бегство — это все-таки разные физические дисциплины, причем вторая намного прогрессивнее и увлекательнее первой.

ГЛАВА 5

Улица, по которой мы мчались, закончилась, врубившись волнорезом в проспект. На нем уже рассосался затор и магомобили неслись потоком.

Я, наивная, думала, что эта Рунур хотя бы притормозит. Три раза ха! Она выскочила на проезжую часть мостовой и с разбега прыгнула на капот одной из мчавшихся машин, которая тут же разразилась истерическим клаксоном. Еще один прыжок — и преступница сиганула на крышу другого магомобилия, оставив после себя вмятину, от которой элементарь, вращавший шестеренки и поршни мотора, негодуяще взревел: испортили его дом!

— Да чтоб тебе, ведьма драния, инквизитор попался! — выругалась я, взяв разбег.

Как выяснилось, зомби прыгают выше, зато приземляются фееричнее. Я не просто прогнула крышу одной из машин. Я ее проломила. Мой ботинок проделал аккуратную дырку как раз над лысой макушкой судорожно вцепившегося в руль водителя.

— Прошу прощения, — выдергивая ногу, мимоходом извинилась я.

— Даю, — донеслось ошарашенное в ответ.

Видимо, мужик еще не осознал случившегося и ответил мне из глубокого шока. М-да... Зато теперь, хотя бы после смерти, узнала, как выпрашивать у мужчин дорогие подарки: нужно их для этого сначала оглушить. Известием или дубиной... Хотя, по мне, второй вариант всё же надежнее.

Пока я отвлеклась на водителя, преступница, как истинное зло, которое и не думает дремать и вообще искренне считает, что сон и отдых — удел добра и слабаков, уже лихо приземлилась на брусчатку, перекатилась спиной через капот еще одной машины, грациозно махнув в воздухе ногами, и устремилась в мясную лавку, дверь которой была приветливо распахнута на другой стороне улицы.

— Ну почему у меня либо авантюра, либо опыт, тяжело совместимый не только с жизнью, но и со смертью! — фыркнула я, совершив очередной прыжок.

Очутилась на мостовой, в паре футов от тротуара. И именно в этот момент мне попался лихач, и не подумавший ударить по тормозам, когда прямо по курсу на его жизненном пути возникла я. Увы, столь же грациозно перекатиться по капоту, как преступнице, мне не удалось. Скорее я проехала носом вперед на животе. Раскрыв руки на манер крыльев для равновесия. А затем, перекувыркнувшись через голову, кубарем скатилась уже на пешеходную дорожку. Не была бы уже мертвой, точно бы от подобного трюка свернула себе шею.

Вскочила, отряхнулась, как собака, вылезшая из реки, узрела побледневшего парня за рулем и клацнула клыками. А потом развернулась и помчалась в лавку. Когда влетела в нее, то внутри уже никого не было. Зато в глубине послышался металлический звон. Перемахнув через прилавок, крадучись двинулась по темному коридору.

Путь был короткий и закончился тем, что меня приложило дверью. Она была распахнута и вела в разделочный цех. Но едва я ступила на порог, как она резко закрылась, чтобы в следующую секунду распахнуться вновь, явив передо мной тучного мужика в окровавленном фартуке и с топором в руках.

В ушах зазвенело, но я все же успела присесть. Именно в этот миг над головой просвистело лезвие. Врезалось в косяк и застряло в нем намертво.

Я, решив, что на такое горячее приветствие стоит ответить достойно. Не разгибаясь, врезала типу между ног, заставив сложиться пополам и сделать несколько шагов назад.

Отступая, он ударился спиной, а точнее, тем местом, где она заканчивает свое благородное название, о стол. Нож, который лежал на его краю, лязгнув, упал на пол.

Мясник (а кто ещё напялит на себя такой характерный фартук) тут же подхватил оружие.

— Ты! Сдохни гадина! — с таким рыком он пошел в атаку.

— Гады... Особенно змеи... — Я уклонилась, отступив по стеночке вправо. Потом еще и ещё раз. — Одни из самых умных животных!

С этими словами я уперлась плечом в другую стену и осознала, что очутилась в углу. И тут углядела висевшую рядом с собой разделочную доску.

Обманный маневр — и я поднырнула под руку нападавшему, схватила доску с крюка и выставила ее

на манер щита, правда, держа за два края руками. А потом меня натурально попытались насадить на нож, как мясо на шампур.

Выпад в район печени — и острое встретило дерево. Рывок назад — и мясник вытащил свое оружие, чтобы атаковать снова, теперь метя в сердце.

А я тем временем прицелилась и ударила его по лодыжке. Раздался хруст ломаемых костей, но я отвлеклась, и именно в этот момент противник нанес удар, метя под горло. Подставить доску, уклониться уже не успевала. Лишь чуть вывернуть плечо. В него-то и вонзилась сталь.

А затем сильная рука тут же схватила меня за горло и приподняла над полом. Я засучила в воздухе ногами.

— Я придушу тебя, имперская тварь! — стоя на одной ноге, преодолевая боль, прошипел заговорщик.

Хотелось бы возразить, что душить придется долго. Хотелось, но не могло. Вместо слов я полоснула его по руке когтями.

Хватка на миг ослабла.

— Да ты, стерва, нежить! — взревел мужик, словно именно это открытие оскорбило его до глубины черной заговорщицкой души.

Я же обеими ладонями обхватила душившую меня руку, а ногами уперлась мяснику в живот, пытаюсь отодрать его от своей шеи. Увы. Попытка отцепить его оказалась столь же эффективна, как и его — придушить меня.

А тип меж тем второй рукой слепо шарил вокруг. И на мою беду, ему попался тесак. Больше он не говорил. Лишь замахнулся.

Я уже мысленно представила, как моя голова слетает с плеч и катится по полу, как державший меня неожиданно сам разжал пальцы на моем горле, пошатнулся и начал заваливаться. Мои ноги наконец-то оказались на полу, когда мясник рухнул, на прощание прошептав:

— Гнилая кровь сдохнет. Мы освободим трон для... — он не договорил, из его рта полилась кровь. Это и не мудрено, когда боевое заклинание прошивает оба легких.

Я вскинула голову и увидела, что в дверях стоит... ворон.

— Тай, я же просил тебя побыть дома! — взревел он.

— Просил? Привязав к стулу? — в ответ огрызнулась я.

— По-другому тебя уговаривать было бесполезно, — рыкнул он и скомандовал: — Оставайся здесь. Я за ней.

Просить некромантку во второй раз? Ха! Да она и в первый-то не послушает! И я, выдернув из плеча нож, ринулась за Аром: от Тай еще никто не уходил! Во всяком случае — невредимым.

Мы выбежали в грязный узкий переулок и заозирались. Впереди раздался звон разбитого стекла, звук удара. Бросились туда и увидели, как лихо разворачивается магомобиль. Из его опущенного окна высовывается рука. Доля мига — и в нас уже летит град из ледяных игл, сметающий все на своем пути.

Ворон схватил меня за запястье, дернул назад и закинул себе за спину, а второй рукой — выставил щит, в котором, как в киселе, замедляли свой смертельный полет ледяные стилеты.

Я ведь не окажись я позади Ара, я бы была сейчас похожа на ежа. Абсолютно мертвого ежа с иголками изнутри. Потому что у всего есть предел. В том числе и у зомби.

Я стояла за его широкой спиной. За плечами того, кто мог бы меня не спасти сегодня. И все же спас. Дважды. И сейчас, оказавшись за вороном, я осознала, что мне в сотни раз надежнее здесь, чем где-либо.

Воздух задрожал от напряжения, от того, сколько в него в миг выплеснулось магии. Она искрила на кончиках пальцев ворона, трещала разрядами молний. Мои волосы наполнились этим электрическим, пряди начали подниматься, как щупальца медузы.

Порою бывают такие мгновения, которые потом пытаешься забыть всю жизнь. И не можешь. А сейчас случился тот миг, в который я забыла всю свою прожитую жизнь, да и смерть тоже.

Мы стояли в эпицентре одного из самых разрушительных заклинаний, того которое сорвавшись с поводка, не рассеется, пока не убьет. Я с запозданием узнала плетение Ллой. Его готовят заранее: не меньше дюжины магов вливают прорву сил. А напитавшуюся свернутую матрицу заклинания активируют, чтобы не просто уничтожить — стереть с лица земли. И применяют только на войне.

Если Арнсгар не удержит эту ледяную волну, то она сметет не только нас, но и несколько десятков домов за нашими спинами, унесет сотни жизней мирных горожан.

Кто-то позади меня кричал, истерично орали клаксоны, люди бежали в панике. Ворон стоял, держал заслон, хотя рука его дрожала от напряжения. Любой другой бы на его месте сдался, накрыл бы себя куполом, чтобы спастись самому. И ледяная волна пролетела бы над нами, обогнула бы, как течение реки огибает камень на дне, чтобы помчаться вперед, сметая сотни жизней на своем пути. Другой бы так и сделал. Но не Ар, который, казалось, держался лишь на одном упорстве.

Еще сегодня утром, выбегая из дома, я хотела его задушить. Он разозлил меня до черных мушек в глазах. А сейчас... Нет, гнев ещё кипел во мне. Но вместе с ним рождалось и что-то другое.

Несколько мгновений — это всё, что было у меня. У нас. До того, как силы карателя иссякнут. А у меня не было и капли дара, чтобы поделиться с ним. Остались только слова...

— Ты сможешь, — я сглотнула, положив руки ему на плечи. Едва касаясь, чтобы не отвлечь. Наверяд ли Ар разберет сказанное. Просто пусть знает: за его спиной стоит тот, кто в него верит. Ведь даже невозможное возможно, если тебя питает вера. А она — это все, что у меня было. — Ты сильнее, чем кажешься, храбрее, чем думают другие, и точно — благороднее. А еще — я всегда буду с тобой, на твоей стороне. Рядом. Даже если меня самой уже не будет. Потому что ты для меня... важен.

Не знаю, кому именно я произносила это признание: ему или себе. Но пока я говорила, он держал щит. В одиночку. И не опустил рук до того момента, пока не прибыло подкрепление. Через сколько это произошло? Я не знаю. Мне казалось — спустя вечность, хотя наверняка прошло не больше десяти минут: такую вспышку магии просто невозможно пропустить.

Лишь усилиями двух дюжин чародеев удалось не только удержать, но и свернуть Ллой: окружить его куполом, который медленно начали сжимать, накаляя изнутри, заставляя лед истаять.

Подчиненные смотрели на Арнсгара — смотрели с восхищением, уважением. Вездесущие репортеры, которые появились немногим позже карателей и жандармов, — с любопытством. А ворон... отдал распоряжение и, прошептав мне на ухо: «Уходим», — нырнул в толпу. Я едва поспела на ним, поражаясь, как за несколько секунд он смог исчезнуть из-под прицелов внимательных взглядов и чарокамер, вспышки которых заставляли жандармских грифонов нервно бить хвостами.

Я сама была разбита. Во мне несколько минут назад умерла надежда и родилась пустота. Мы упустили заговорщицу, а с ней и шанс изменить прошлое. Сутки. Раньше я думала, что это мало. Но, как оказалось, они могут перевернуть сотни, а может, и тысячи жизней.

Мы с вороном выбрались на соседнюю улицу, с другой стороны которой начинался городской парк. Она была непривычно безлюдной для такого часа. И там Ар, резко развернувшись, сгреб меня в объятья и прошептал на ухо:

— Спасибо! Я не сдался лишь потому, что ты стояла за моей спиной.

Признание. Неожиданное. От него по моей спине от макушки до пяток прокатилась волна. Я вскинула голову, чтобы встретиться взглядом с Арнсгаром. Он смотрел на меня не отрываясь, и создавалось ощущение, что ворон знает обо мне все, а я о нем — почти ничего.

Мы так и стояли, смотрели в глаза друг другу, словно хотели навеки остаться друг в друге. А в парке по соседству осеннее солнце выкрасило неспешно засыпавшие деревья в цвет светлой грусти.

Эйла жила. По ее венам-мостовым неслись магомобили. Торговцы, несмотря на случившееся в соседнем квартале, не спешили запираť двери магазинчиков и закрывать щитами витрины, а бесстрашно ждали новых покупателей. В небе плыли тучи. Про такие говорят — дескать, это такие облака, которые настолько недовольны погодой, что вот-вот разразятся возмущением. А демоново колесо в парке, из кабинки которого можно было обозреть всю столицу как на ладони, величественно вращалось.

Все это было вокруг нас с вороном. А еще была осень с ее умиротворением, спокойствием, с ощущением абсолютной нереальности происходящего. Будто все замерло, застыло в заклинании стазиса. Звуки, суета, беды, грядущий переворот и разрушения — все это вмиг опало осколками к нашим ногам. И воцарилась звенящая тишина, дарящая спокойствие душе. Или мне сейчас было так безмятежно оттого, что меня обнимал ворон. Будто своей рукой, как крылом, он отгородил меня от остального мира.

— Прости меня за то, — произнес он, все так же не отрывая от меня взгляда, — что решил все за тебя. За аркан.

Я была очарована?ром, как осень снами листопада, ровно до этих слов, напомнивших мне о том, что случилось утром.

— И это все? — произнесла я фирменным тоном нашей соседки Тамарин.

Как-то на эту почтенную троллиху поздним вечером в подворотне напал насильник (на его беду). Разглядев, кто именно стал жертвой планов его плотских утех, маньяк попытался сбежать. Но был отловлен за шкуру сильной женской рукой. В общем, в итоге мужик так и не смог произвести на шикарную даму нужного впечатления. И именно ее разочарованным вопросом «И это все?» закончилась их встреча, к вящему позору развратника. С тех пор заявлений в жандармерию о нападениях от эйр стало меньше, а гордости в Тамарин — больше: сею историю троллиха любила вспоминать при каждом удобном (да и неудобном — тоже) случае.

— Тай, скажи честно, ты бы осталась дома просто так, без аркана?

— Конечно нет! — возмутилась я, про себя добавив: «Но тогда бы ты не лишился стула». Впрочем, сказала совершенно другое: — Но ты... ты... — банальные эпитеты «лжец», «обманщик», «сволочь» были какими-то мелкими, плоскими, и я выпалила: — Знаешь, я сейчас скажу кто, и ты очень удивишься!

При этих словах я сделала шаг назад, высвободившись из объятий ворона, и ткнула в его грудь отросшим когтем, как стилетом. Арнсгара мой выпад ничуть не смутил.

— Знаешь, ты напомнила мне прокурора, который, зачитывая обвинение, пустился во все тяжкие, — невозмутимо парировал он. — Неужели так сложно было сказать «прощаю»?

— Некромантка — и «прощаю»? — Я вскинула бровь — Слушай, мы своих врагов из-под земли достать можем, чтобы отомстить, забыть и еще раз отомстить. А ты «прощаю»...

— М-да... чего это я, — усмехнулся ворон. — Хорошо, давай тогда так: что мне сделать, чтобы ты меня простила?..

«...и больше не путалась под ногами», — хотя он этого и не произнес, мне послышалось окончание.

Я призадумалась, даже голову набок склонила. Допустить до расследования? Да ворон мне сегодня явно так намекнул, чтобы я своего холодного носа в дело имперской важности не совала. И мстью портить важные государственные планы не смела.

А о чем еще просить той, у кого смерть не просто стоит на пороге, а уже зашла в дом, переобулась в тапочки и требует третью порцию чая, намекая, что у нее график, а я уже и так вопиюще подзадержалась на этом свете?

— Подари мне гроб! — выдала я. Ну а что мне, мертвой, ещё попросить?

— Хорошо, — покладисто согласился ворон. — Могу даже склеп.

— Давай склеп, — милостиво согласилась я и, не удержавшись от ехидства, добавила: — А я, так и быть, разрешу тебе в нем прятаться от умертвий. Вдруг твои бывшие враги окажутся гораздо злопамятнее, чем ты можешь предположить?

— Тай, — простонал ворон. — Ты невозможна!

— Да с тобой я почти святой стала! — возмутилась я. — Вот сейчас как с головы нимб сниму — и врежу тебе по лбу.

— Давай только ты это сделаешь попозже и в другом месте, — ворон стал серьезным и собранным. — Мне нужно посмотреть протоколы допросов вчерашних заговорщиков с причала, раз уж предотвратить утечку имен агентов мы не смогли и эта петля времени замкнулась.

А мне вдруг подумалось, что осень — это его время: пора, когда ветер срывает с деревьев листья, а главный каратель с ренегатов — личины.

— Это точно она? может, кто другой? — спросила я. Всё же в душе теплился призрак надежды, что список еще не украл.

— Да. Подозреваю, что Рунур уже шагнула за грань и провалилась в прошлое. И случившегося вчера — уже не изменить.

— И что теперь?

— Теперь мне нужно вычислить того, кто помог ей сбежать, и найти проклятие? ороя до того, как им воспользуются снова.

Ворон сжал губы.

— И ты знаешь, когда это произойдет? — удивилась я.

— Через четыре дня. Именно столько нужно, чтобы вновь активировать проклятие. Если попытаться раньше, то ещё не успокоившийся от предыдущего прыжка поток времени может сбить вектор. И тебя отбросит в случайную точку времени. Допустим, на минуту назад или на час...

Да уж... отдать свою жизнь, чтобы очутиться на час в прошлом, — перспектива так себе.

— Значит в запасе только четыре дня... — протянула я.

— Скорее даже три. В четвертый день маг совершит прыжок. И окажется в третьем, так что времени ещё меньше. Поэтому я в отделение. А ты — вернись ко мне домой.

— А можно с тобой? Я буду тихой как мышка. Честно-честно. Сяду у тебя в кабинете на диванчике и буду там сидеть, пока прахом не обращусь. Просто не хочу умирать в полном одиночестве... — я не договорила, просто подняла взгляд на Арнсгара.

Думала, что он сейчас ответит отказом или попытается вновь обмануть, как утром. Но нет.

— Хорошо.

Всего одно слово. Но я поняла: оно было для ворона как шаг через черту. Черту, которая отделяла то, как он обязан поступить, ведомый клятвой верности, долгом карателя, от его истинных желаний и чувств.

В отделе мы оказались спустя полчаса. За весь оставшийся путь ворон не произнес ни слова. Просто был мрачным, как гуча над нашими головами. Последняя, к слову, все же разродилась мелким противным дождем.

?р щелкнул пальцами, создавая над нами купол. И я невольно прижалась к нему, чтобы не промокнуть. Не то, чтобы сырая одежда доставляла умертвию неудобство... Но сухая я оставляю меньше следов на мягкой мебели и недоумения в глазах подчиненных ворона. К тому же так, под сводом заклинания, мы шли рядом с Аром плечом к плечу. А каратель, как ни странно, не торопился растянуть полусферу над нашими головами, только чуть сдвинул ее в мою сторону, чтобы я точно осталась сухой. Хотя при таком положении полога дождь капал как раз ему самому на плечо.

Вот так, в молчании, которое сближало нас сильнее любых задушевных разговоров, мы и добрались до отдела.

А там... Творившееся можно было охарактеризовать только двумя словами: упорядоченное напряжение. Деловая суета, царившая вокруг, магия поисковых и фиксирующих заклинаний, вспышки чарокамер, каратели, устранявшие последствия взрыва и побега, — вокруг было много всего. Не было лишь паники, которая бы при каждом вдохе острыми шипами впивалась в грудь, в сознание, отравляя всепоглощающим страхом.

На миг подумалось, что каратели похожи на бывалых воинов: наверняка те тоже, случись вражеский налет, не станут бестолково метаться, а будут выполнять то, что умеют лучше всего, — сражаться. Вот только солдатам место в бою, а не в центре мирного города. Но и смертельных заклятий на улицах Эйлы тоже не должно быть...

Только теперь я в полной мере осознала, что умерла, не просто угодив под раздачу при очередной дворцовой интриге. Нет. В империи шла война. Война не только за власть, но и за жизни мирных граждан. Она была невидима для простых людей, внимание которых отвлекали громкие заголовки новостных листков. Жителям империи интереснее было узнать о горящих заповедных лесах Кондора, увеличении цен на брюкву, новом манифесте суфражисток или светских сплетнях.

Мне захотелось спросить Арнсгара о многом: о том, зачем ренегатам нужен переворот? Кто за всем этим стоит? И главное — как предотвратить кровопролитие, которое почти всегда идет рука об руку с революцией?

Но я молчала. Просто следовала за ним тенью. Ворон говорил короткими, рублеными фразами: «Обстановка?», «мне нужны копии допросов задержанных вчера», «С кем контактировала эйра Рунур за последнюю неделю?..»

Оказавшись в кабинете, Ар сразу углубился в бумаги. А я... я выполняла свое обещание — помогала

тем, что не мешала. Только наблюдала, как всё мрачнее становится ворон, как морщины прорезают его лоб, а пальцы откладывают прочитанные листы. Я же все это время статуей сидела на краю дивана. Причем настолько неподвижно, что подчиненные Ара, заходя в кабинет с докладом, воспринимали меня не иначе как предмет интерьера.

Когда Ар закрыл очередную папку и выдохнул, в дверь постучали.

— Войдите! — бросил ворон.

Это был ещё один помощник Арнсгара, который принес ему полуобгорелую записку. Она была обнаружена в камере сбежавшей Рунур.

— «Тебя вызовят на рассвете. Уходя, заberi спис...» — процитировал он.

— Это инструкция? — Мой голос после долгого молчания получился каркающим. К тому же я так резко повернула голову, словно у меня были не шейные позвонки, а шестеренки.

Совершенно не ожидавший такого поворота докладчик, стоявший ко мне в профиль, вздрогнул и медленно обернулся ко мне всем корпусом.

Я же удостоилась осуждающего взгляда ворона и поняла, что до профессионального молчания, когда человек способен так выразительно разразиться тишиной, что гасит любые попытки общения в радиусе пары футов, мне еще тренироваться и тренироваться. Посему тут же приступила к самосовершенствованию. Причем так резво, что, когда докладчик обернулся, я вновь была точно статуя.

— Она жив... — вырвалось у визитера непроизвольно.

— Нет, — угадав ход мыслей докладчика, перебил Ар. — Оставьте записку и свободны.

Докладчик козырнул и отбыл. А я услышала в очередной раз свое имя:

— Тай... — протянул ворон то ли просто устало, то ли обреченно.

— Извини, просто я удивилась.

Ворон изогнул бровь, словно говоря «продолжай»... Ну я и пояснила свою мысль:

— Странно, что она не знала о своей конечной цели. Ну, о том, что нужно взять список.

— Нет, не странно, — огорошил меня Ар. — Это всего лишь доказывает, что сбежавшая была пешкой, марионеткой кукловода, который опережает нас во времени. И судя по всему, он где-то рядом.

Глаза ворона блеснули, и его рука потянулась к кристаллу связи.

Я же, решив размяться, встала и пошла к окну, повернувшись к ворону другим боком — не тем, которым сидела все то время, что он просматривал бумаги.

— Список всех, у кого был доступ к камере двадцать шесть, — отчеканил он в переговорный амулет. И тут его взгляд упал на мою руку, ту самую, в которую мясник всадил нож. Секундная заминка и... — И захвати иголку с ниткой и бинт.

Тот, кому ворон отдавал приказ, не переспросил, но могу поспорить на свой будущий склеп, что сильно удивился.

— Ты собрался штопать? — вырвалось у меня.

— Да, — ворон, не иначе исповедуя истину: слова мужчины тем ценнее, чем реже произносятся, был до неприличия краток. После неприличия, впрочем, тоже. Ибо и вовсе не стал пояснять ничего больше.

Я же, как и всякая женщина, даже после смерти была не прочь бы и поговорить. Ну или хотя бы кое-что уточнить.

— И кого же? — тоном «мне твоя жизнь дорога, но не настолько, чтоб не убить» с подозрением спросила я.

— Тебя. Ты ранена. — Он взглядом указал на плечо.

— Поверь, мне не больно. Я даже не чувствую, где порез, — поспешила я заверить ворона.

— Я знаю. Но всё же лучше зашить. И нитками, а не заклинанием, которое твое мертвое тело может

просто вобрать в себя, и из открывшейся раны кровь пусть и медленно, но будет сочиться. Так что не спорь, — он произнес это обыденно и... заботливо.

Хотя где холодный расчетливый ворон — и где забота? Об этом я думала, глядя на сидящего за столом Ара.

— Зачем тебе это? — Я вскинула голову.

— Не знаю, — честно ответил он. — Но я хочу, чтобы тебе от меня стало хотя бы немного лучше. От этого наложенного шва — до всего... — он резко оборвал сам себя, а потом, запустив пятерню в волосы на затылке, с отчаянием произнес: — Демоны! Никогда не чувствовал в себе таланта оратора. На это всегда были братья.

— Я поняла, — перебила я его и сделала шаг к столу, за которым сидел Ар. А затем накрыла своей ладонью другую его руку, сжатую в кулак.

Передо мной был ворон. Отточенный клинок, вся жизнь которого подчинена лишь одному — служению империи. И ради этого он готов был и убить, и умереть. А я — последняя идиотка, которой этот каратель почему-то стал не безразличен.

Вторая его рука, которой он не иначе пытался стимулировать работу мысли в районе затылка, медленно опустилась и накрыла уже мою ладонь.

— Спасиб... — начал было ворон, но потом случилось «но».

Такой редкий заповедный зверь, как благодарность от карателя, оказался изрядно осторожен. И едва раздался стук в дверь — он поспешил тут же исчезнуть. В общем, полноценного «спасибо, Тай, я так признателен...» и прочих словесных конструкций, что так приятны девичьим ушкам, я не услышала. А все потому, что некоторые подчиненные слишком рьяно исполняют свои обязанности. Ну нет, чтобы подзадержаться, постучать в дверь на пару секунд позже! Как же! Пылают рабочим рвением, не хуже, чем ведьмы темных веков на кострах. Так ведь и сгореть на работе недолго.

— Войдите! — сам себя перебил ворон, а я отошла в тень сейфа, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Не сказать, что я в ней совсем уж скрылась, но всё же. Отсюда я могла созерцать спину Ара, а лучше всего — его правое плечо.

Вошедшая, легким шагом, как истинная хищница, пересекла кабинет и недрогнувшей рукой положила на стол ворона список с именами всех, кто заходил в камеру бывшей стенографистки, и шкатулку. Ар взял лист в руку и вчитался в строки.

Подчиненная же застыла на миг, ожидая дальнейших распоряжений. Пришедшая эйра на первый взгляд была олицетворением непорочности. Но что-то мне подсказывало, что попади она в смертельную ловушку — точно не умрет. Потому что демоны за Гранью ее боятся и сделают все, даже спасут ей жизнь, дабы сия особо опасная особа не очутилась в их исконном ареале обитания.

Я скосила взгляд и оценила белокурые локоны, кроткий взгляд, застенчивую полуулыбку, а на пальцах... Один ее перстень сиял алыми всполохами, выдавая запечатанные в нем чары смертоносного заклинания, второй — массивный, вполне мог хранить в себе каплю яда, — такой вот милый шлейф из опасных тайн, что скрыт маской добродетели и красоты.

А затем я из любопытства вытянула шею, пытаюсь рассмотреть, что написано в листке, который держал ворон. И тут же поймала на себе насмешливый взгляд вошедшей. Он словно говорил без слов о ее превосходстве. Будто она знала то, что было неведомо только мне, да и вообще недоступно для моего понимания.

Ну а я... Я взгрустнула, что не могу стать зеркалом. Ведь именно у него лучше всего получается отражать такие торжествующие взгляды хищниц в юбках. Даже если на оных не юбки, а черная униформа, как сейчас.

В общем, я еще раз пожалела о том, что не нашлось на эту ведьму своего инквизитора! Очень пожалела. Даже мысленно пожелала сей эйре в самом ближайшем будущем встретить этого жаркого мужчину с огоньком в глазах, факелом в руках и пылким желанием сжечь — пардон — согреть черномундирную девицу путем столба и костра, да и вообще познакомиться с ней поближе... Чтобы от Ара эта подчиненная была подальше!

Поймала себя на этой мысли и прикусила губу. Это что же я... ревную? Ворона? Ведь еще недавно я при встрече с его любовницей о подобном даже не думала, а сейчас... может, потому что до этого я не стояла у него за спиной, пока он удерживал щит. Не позволял смертоносным ледяным кинжалам закончить свой полет, впившись в чье-то сердце. Или это не ревность, а меня просто так уязвила

эта... ведьма!

Ни тот, ни другой вариант объяснения моих эмоций меня не устраивал, но из двух зол я выбрала более понятную и решила: ворона я совершенно не ревную, это просто у белобрысой ведьмы взгляд бесячий. И точка!

Впрочем, это длилось всего несколько секунд. А потом в тишине кабинета прозвучал вопрос Арнсгара:

— Вы в курсе, лейтенант Майнок, что в этом списке из четырех имен есть и ваше?

— Да, — и столько спокойной уверенности было в одном этом ее слове.

— Тогда. Что. Вы. Делали. В камере. Сбежавшей. Рунур. Сегодня. Утром? — Каждое слово ворона — будто щелчок костяшек на счетах. — И в подробностях, Майнок.

Она на миг нахмурилась. Всего доля секунды — и вновь на лице очаровательная улыбка, которую подчиненная подняла, как рыцарь — щит. Хотя, может, именно красота и была ее главным оружием? Но то, как быстро она взяла себя в руки, говорило лишь об одном: лейтенант явно ждала этого вопроса, готовилась к нему, но давящей ауре Арнсгара сопротивляться ей было тяжело.

— Вчера я вела допрос подозреваемой Рунур. Она ничего не сказала, и эмоции тоже держала под контролем. Но мне всё же послышались некоторые их отголоски: отчаяние и сожаление. И я решила утром попробовать раскачать их. Беседой с глазу на глаз, в камере, пока подозреваемую не повели в допросную, где на нее будут давить палач и мастер печатей.

Она говорила четко, глядя ворону прямо в глаза, так, как это умеют только менталисты и эмпаты. А я поняла, что все же главное оружие этой Майнок вовсе не красота и даже не острый ум, который она пытается скрыть за очаровательными улыбками. Нет. Редкий дар тонкого эфира, позволяющий проникать в мысли и душу — вот ее щит и меч.

Я уже представила, как Ар после такого взгляда безоговорочно соглашается со всем, что бы ни сказала эта белобрысая Майнок...

— И что же вы выяснили из вашей милой женской беседы? — По тому, сколь щедро был сдобрен сарказмом вопрос ворона, даже я поняла: лейтенант старалась зря. Никакого расположения он к ней не ощутил.

— Все изложено в моем рапорте, — поджав губы, ответила лейтенант. — Если я являюсь подозреваемой в причастности к побегу заговорщицы, я готова принести кровную клятву верности...

— Пока в этом нет необходимости. Вы свободны.

Майнок вышла с прямой спиной, гордо вскинув голову, оставив после себя в кабинете молчание. Оно было из той тревожной породы, когда тишина сторожит тишину.

Ворон задумчивым немигающим взглядом смотрел на принесенную шкатулку. А я подумала, что все же подчиненная смогла воздействовать на него, притупить бдительность, затуманить разум. Но в следующую секунду раздался его чуть надтреснутый голос:

— Надо же, а ее сила растет, — ни к кому не обращаясь, в пространство заметил он.

— Почему ты не взял с нее клятвы? Отпустил? — совершенно невпопад спросила я.

— Чтобы потерять в перспективе лучшего эмпата империи? Клятвы крови резко понижают силу магов сознания. Это особенность их дара. Об этом, правда, не говорят на лекциях в академии.

Я вспомнила, что и вправду дарам эмпатии и ментальному у нас была посвящена всего одна лекция. Дескать, он настолько редок, что его носителей практически нет. Если у вернувшегося из мира Граней его обнаруживают, то такого мага берут под особый контроль. Он обучается отдельно. Единственное, что я знала: маги сознания могут воздействовать через прикосновения. В крайнем случае — через взгляды. Самые сильные — через сны.

— К тому же, пока вы так мило перемигивались с Майнок, я поставил на нее следящее заклинание. Так что, если она связана с заговорщиками, в ближайшее время мы это выясним.

— Значит, ты специально медитировал над этими четырьмя строчками? — тоном «придушу и не замечу» спросила я.

— И поэтому тоже... — в лучших традициях психологической пытки цвергов, которая именуется как «потом скажу», произнес ворон. — А сейчас садись ближе к окну, надо зашить тебе плечо, — с

этими словами он поставил свой стул рядом с подоконником.

Но я осталась на месте.

— А я тебе расскажу историю Майнок Клейсии и причины, по которым связь ее с ренегатами сомнительна, — пообещал он тем тоном, которым обычно родители обещают ребенку прочитать сказку перед сном.

Правда чадом я перестала быть этак фунтов сорок назад. Посему на сомнительный подкуп не поддавалась. Целых три секунды не поддавалась. А потом все же сделала шаг вперед.

Знала бы, на что согласилась, десять раз подумала бы, подставлять ли плечо. Нет. Ворон иглой орудовал споро, отвлекая меня меж тем повествованием о Майнок Клейсии, девице неаристократических кровей, несмотря на внешность истинной высокородной. Но я все равно чувствовала себя жутко неловко с полуспущенным с плеча черным кителем, когда Ар склонился надо мной.

Прикосновения его теплых рук, точные, аккуратные, заставляли задуматься: а сколько раз он вот так орудовал иглой? Латал ли других? Себя? Ведь не всегда можно воспользоваться магией для исцеления. При поражениях некоторыми заклинаниями применение любых целительских чар может не помочь, а навредить...

Движения ворона были скупы и точны, а голос — спокоен. И я честно старалась вслушиваться в смысл его слов:

— Старший брат Майнок был той еще сволочью. Он продал сестру за сто форинтов одному аристократу, когда ей едва исполнилось пятнадцать. Она еще только почувствовала тягу и не шагнула за Грань. Каратели накрыли особняк как раз в ту ночь, когда происходила сделка. Правда, повод для ареста эйра Сорсола был гораздо весомее, чем работорговля, — государственная измена.

— Значит, ты ее спас? — Я повернула голову, чтобы увидеть лицо ворона.

И тут же удостоилась строгого:

— Тай, не вертись! — И вроде бы его голос был серьезным, но я невольно улыбнулась уголками губ.

А затем Ар продолжил штопку моего плеча, а вместе с ней и рассказ:

— Не то чтобы спас, и если быть объективным — даже не я, а капитан Ортридж, командовавший той операцией...

— Но с обожанием смотрит она на тебя, — я не удержалась.

— Не с обожанием, а с расчетом, — поправил ворон. — Майнок считает, что статус моей любовницы поможет ей быстрее стать капитаном. Поскольку капитан руководит операциями по ликвидации и зачистке государственных преступников.

Всего несколько фраз, за которыми — целая жизнь. Изломанная предательством, отравленная ненавистью, подчиненная мести. Судя по всему, лейтенант была из тех, кто видит цель и не видит препятствий. Дальнейший рассказ ворона лишь подтвердил это.

Майнок поступила в отдел сразу после индивидуального обучения. Хотя могла бы выбрать службу при дворе: редкий дар позволил бы ей стать лучшей фрейлиной императрицы. Она бы оберегала Ее Величество от плохого настроения и кручины, — в общем, служила на благо империи и не рисковала жизнью ежечасно. Но Майнок хотела мстить. Таким, как тот, кто ее купил. Таким, как тот, кто ее продал.

— Теперь понимаешь, что у нее с ренегатами свои счеты? Для нее враги короны — ее личные враги.

Он говорил, а я ощущала прикосновения его теплых, сухих, чуть шершавых пальцев к своей холодной бледной, рассеченной ножом коже, которую хотелось прикрыть. Впервые я стеснялась себя. Того, что я такая.

— Значит, ее можно исключить? — уточнила я у ворона, который закончил шить и искал взглядом ножницы, чтобы перерезать нитку.

— Нет, — огорошил меня Ар. — Я не исключаю никого. Просто говорю о том, что у нее должен был быть очень веский повод, чтобы перейти на сторону преступников.

Ножниц на столе не было. Я уже хотела чиркнуть когтем — хоть какая-то польза от моего маникюра — но тут ворон наклонился и просто перекусил нитку зубами. Всего доля секунды, когда даже не его щека — дыхание прикоснулось к моему плечу. И вот странность: я не чувствовала боли, пока

игла протыкала меня, а вот этот миг... от этого прикосновения без касания побежали мурашки.

Забота ворона, такая простая, обыденная, позволила мне на несколько секунд почувствовать себя живой, абсолютно и совершенно живой.

— Спасибо, — я поспешила натянуть куртку, закрывая шов.

Ворон же, будто угадав, о чем я думаю, рукой накрыл мое плечо, не дав мне до конца поправить одежду.

— Тай. Поверь, ты красивая. Даже сейчас. — Он провел пальцем по моему подбородку, чуть его приподняв, мягко заставляя посмотреть ему прямо в глаза. — Поверь, я видел много красивых лиц, скрывавших уродства души. И привык к этому настолько, что стал считать это нормальным. Что в тебе видят не тебя самого, а положение, власть, деньги или угрозу. И сам перестал видеть в людях человеческое.

— Ну, я не совсем человек. Скорее просто очень активный и жизнерадостный труп, — попыталась я улыбнуться и добавила: — А нормы... Ее вообще не существует. Что естественно для коршуна, то кошмар и смерть для полевки, которую он закогтил. Если бы ты не научился видеть людей насквозь, то...

— Я бы не выжил, — закончил за меня ворон и, отстранившись, подошел к сейфу и открыл его дверцу. — Помнишь, я говорил тебе о черепе. Так вот. Это череп моего брата, Энора. его убили год назад. Он совершил ошибку, поверив, и поплатился.

— Постой! Как убили? — я вскочила с места. — О таком событии наверняка бы раструбили все новостные листки!

— Если бы репортеры узнали, то да. Но официально Энор отбыл с исследовательской экспедицией в долину Гейзеров.

— Зачем? — не поняла я.

А потом до меня дошло: император и его наследники — сильнейшие маги империи. На их крови зиждется закон и порядок. Считается, что их невозможно убить, как простых смертных. А если окажется, что это не так... сколько ещё тайных обществ, жаждущих захватить власть, появится только в одной Эйле? Вот и получается, что Его Высочество Энор ушел за Грань столь же тихо и безвестно, как подзаборный бродяга. Просто чтобы простые имперцы спали спокойно.

Все это время ворон молчал и следил за тем, как меняется выражение моего лица, пока я осознаю, что стоит за его словами.

— Мне жаль, — произнесла я до оскомины банальные слова.

И нормальный человек бы на этом остановился, но только не некромант! Для нас смерть — это просто ремесло. Особенно если эта смерть — не твоя собственная. В общем, у нас специфические взгляды и на загробие, и на саму жизнь. Которую мы, к слову, считаем великой ценностью. А посему, как и всякие кладоискатели, норовим ее откопать. Даже если она давно и прочно зарыта. Причем даже не нами.

Посему я не смогла удержаться от того, чтобы не приободрить ворона:

— Зато у меня для тебя есть и хорошая новость. Ты знал, что всякий, хранящий скелеты в шкафу, — слегка некромант? А у тебя их — что фигуральных, что реальных, — я кивком указала на череп, — презрительно.

— Вообще-то я храню «свои скелеты», как ты выразилась, не в шкафу, а в сейфе, — педантично поправил Ар.

— Ну да, — охотно согласилась я. — Такие тайны обычному шкафу и я бы не доверила.

— А касательно того, что я некромант... Тай, даже не надейся: в расследовании ты не участвуешь!

— Но я даже не заикнулась о том, что раз ты немножко маг смерти и я могу попросить тебя как коллега коллегу... — возмутилась я. Искренне так, негодуя. Потому как именно это я и собиралась сказать. — Ар, с тобой даже спорить неинтересно!

— Зато быстро, — тут же нашелся ворон.

— Ну а может всё же?.. — с надеждой уточнила я и выдвинула свой главный аргумент: — Да я просто не могу не участвовать. Я уже вляпалась по самую надгробную плиту! И это... Я же твой главный свидетель. Ну, или главное вещественное доказательство. Но главное же!

На мою пылкую речь ворон лишь вздохнул. Выдержал паузу, во время которой я закипела, как холодный чайник, и произнес:

— Тай, ты можешь быть тенью, я об этом говорил и от слов своих не отказываюсь. Но вмешиваться в ход этого дела я тебе, извини, не позволю.

— А в дамскую комнату ты мне позволишь сходить? — хотела произнести это спокойно. Но где Тай — и где это самое «спокойно»? Я ведь даже существую вопреки здравому смыслу. Посему получилось всё в точности да наоборот. Фраза прозвучала с вызовом.

— Пожалуйста. Третья дверь налево. И будь аккуратней, там в кране элементаль древний, с норовом.

Вот зря ворон сказал про аккуратность: накаркал.

Хотя поначалу все шло нормально. Я даже с первого раза попала в нужную дверь и, очутившись в уборной, привела себя в порядок: поправила мундир, причесала пальцами волосы, плеснула в лицо водой. И только умылась, проведя ладонями по щекам, подняла взгляд, как встретилась с отражением в зеркале. За моей спиной, сложив руки на груди, стояла Майнок.

Я оценила лейтенанта и невольно вспомнила поговорку: за каждой хорошей статьей дохода кроется плохой номер закона уголовного имперского кодекса. Вот так и за моей замечательной идеей удрать от ворона, дабы привести в порядок не только свой внешний вид, но и мысли, притаилась совсем не замечательная лейтенант. Причем выражение ее лица без слов говорило о том, что сейчас я узнаю о себе много нового.

Медленно повернулась к ней. Вода стекала с моего лица, наверняка капая на мундир. Но мне было недосуг проверять.

— Мы не успели познакомиться, — начала белобрысая, смотря на меня пристально, словно через прицел дальнобойного арбалета.

Мне даже стало любопытно, какие эмоции эта эйра пыталась мне сейчас внушить: страх, трепет, гнев? Сказать что ли ей, что я труп, а посему ничего мертвое мне не чуждо? В том числе и тонкое искусство гробового спокойствия. Майнок с таким же успехом могла пытаться гипнотизировать пустой чайник на кипящую безудержную страсть.

Она тарасилась на меня пару секунд, все сильнее хмурясь. А я смотрела в ответ, расплываясь в ехидной улыбке. Так и подмывало протянуть «сюрпри-и-из!», но я сдержалась.

— Да, познакомиться не успели, но можем успеть замечательно попрощаться, — и я решила подать пример: — Всего вам... недоброго.

Но, судя по всему, лейтенант была столь решительно нацелена разговор, что ее бы даже отсутствие собеседника огорчило, но не остановило. Сдается, такую устремленность к знакомству не проявляли даже моряки, после долгого плавания сошедшие на берег.

— Ладно... — многообещающе протянула белобрысая, — не хочешь по-хорошему, пигалица, будет по — плохому. Не знаю, в какой дыре тебя отрыли, но...

— Да меня еще и не закапывали! — тоном «я в общем-то не против, но ни разу не согласна!» срезала на подлете ее угрожающую и наверняка впечатляюще внушительную речь.

Вот зря! Сколько раз мне ещё в детстве твердили, что не стоит перебивать старших. Но если в школьные годы наказание ограничивалось подзатыльником, то сейчас... Майнок ударила. Причем не заклиниванием, а волной чистой силы. Я даже пошатнулась и сделала произвольный шаг назад, пытаюсь сохранить равновесие. Бедром ударилась о раковину и услышала, как за моей спиной зеркало осыпается крошкой.

Рука сама потянулась к одному из осколков, что упал в раковину. Миг — и я уже держала его перед собой, точно кинжал. Ждать, когда меня второй раз используют в качестве мишени, я не собиралась. Я прыгнула на нее сразу с места.

Ответить магией Майнок мне не успевала, а вот хуком — вполне. От ее кулака я едва уклонилась, чиркнув в ответ осколком ей по запястью. А дальше состоялась «милая девичья» беседа, по итогам которой в уборной единственным целым и не потасканным осталось только мое чувство собственного достоинства.

Майнок дышала, как загнанная хромота, уперев ладони в колени и согнувшись. Я стояла в нескольких шагах от нее, готовясь в любой момент как защищаться, так и атаковать.

Но вот чего я не ожидала, так это ее вопроса:

— На кого работаешь?

— Что? — сплюнув попавшую в рот штукатурную крошку, спросила я.

Гораздо уместнее из уст белобрысой бы прозвучало: «Он твой» или «Я сдаюсь».

— Как только ты начала крутиться рядом с верховным карателем, у нашей службы пошли провалы один за другим. Совпадение? Не думаю! — выпрямляясь, отчеканила лейтенант.

У меня от такого заявления дернулся глаз.

— Я — и шпионка ренегатов? Да меня из-за них убили! — сказала и почувствовала, как во рту стало тесно от клыков, а ногти на пальцах словно удлинились.

— Одно не исключает другое, — философски пожала плечами Майнок.

Заявлять такое рядом со злым зомби? Да она, похоже, бессмертная! Или как минимум застраховала себя на пару тысяч форинтов. Меж тем белобрысая, и не подозревая, что еще немного — и империя лишится весьма талантливого и перспективного эмбата, продолжала:

— К тому же ты выглядела в кабинете верховного весьма себе живой. Что в ночь своего появления, когда арестовали Рунур, что сегодня. Вот я и решила, что заговорщики смогли подсунуть под бок Верховного менталиста.

А я с запозданием вспомнила, где видела эту Майнок: это она заносила в кабинет ворона папки и выслушивала распоряжения о помощи семье погибшего карателя в то раннее утро, когда меня, уже убитую, Ар привез в отделение для допроса. И, видимо, решила, что я...

— Знаешь, тому, кто преподавал тебе нежителеведение и некромантию, голову стоит открутить. Не опознать во мне мертвые — это надо умудриться, — фыркнула я возмущенно.

— Я решила, что на тебе экранирующий амулет, — уличенная в профессиональном промахе, вспыхнула Майнок.

— Угу, амулет... Надгробная плита называется. Хочешь, и тебе такой подарю? Даже с дарственной надписью, проверяльщица архова!

— Мертвые недобитое, — тут же нашлась лейтенант. И в ее руке загорелся пульсар. Убить таким тяжело, но покалечить — запросто.

Я же пожалела, что в пылу драки выронила осколок, и приготовилась вцепиться в белобрысую когти, как тут без стука открылась дверь уборной. Ну как открылась... ее снесло с петель? на пороге обнаружился ворон собственной персоной.

Миг — и мы обе, и я, и Майнок, спрятали руки за спину. Одна — с когтями, которые ещё недавно неплохо так полоснули по стене, процарапав не только штукатурку, но и слегка — каменную кладку. Вторая — спрятав пульсар.

А еще и улыбнулись синхронно. Наверняка с учетом нашей потрепанности это выглядело слегка дико... Но мы старались быть милыми. Честно. А еще не хотели получить нагоняя. Я — за то, что едва не угробила ценный кадр и почти вмешалась в расследование. Майнок — за то, что действовала без приказа и усомнилась в начальстве.

Посему мы всем своим видом старались показать, что ворону не о чем беспокоиться, тут две барышни просто душевно беседуют о своем, женском: о заговорах и убийствах. Но, увы, наши старания пошли прахом. Причем в прямом смысле прахом: рухнула внешняя стена. Сначала по ней в наступившей тишине зазмеилась трещина. Она прошла расколом, уперлась в потолок, за пару секунд разрослась в бока ветками и... обвалилась. С ней треснул и водопроводный кран, из которого с криком «Свободен!» вырвался элементаль, и вода ударила вверх и в стороны фонтаном.

Я, поливаемая брызгами, удостоилась пристального взгляда ворона. словно это я в одиночку все тут разгромила. Причем взор карателя был настолько выразительным, что если бы Ар заговорил, то цензурным бы в его речи наверняка было лишь мое имя.

Мне стало обидно, причем за стену — особенно. Я ее даже не трогала. Почти.

— Она сама рухнула. Я тут ни при чем, — поспешила признаться в лучших традициях раскаявшегося преступника. Правда, в свете разгромленной уборной это выглядело сомнительно.

Но ворон был бы не ворон, если бы верил только словам.

Через четверть часа выяснилось, что тот, кто помог сбежавшей преступнице, напугал кладку заклиниванием. Дабы она рухнула вместе со взрывом. Но на этот раз для разнообразия не у нас, а у преступников что-то пошло не так...

ГЛАВА 6

Это было единственным утешением из всего случившегося. Остальное — полной печалью. Я узнала о себе не совсем новое, но, скажем так, то, что предпочла бы не вспоминать. Впрочем, лейтенант, сдается, тоже. Но в другом месте. И от своего непосредственного начальства, к которому перешла по приказу ворона.

Мое же «руководство» сверкало своими разномастными глазами, метавшими громы и молнии, и размеренным тоном вещало о стремительном упадке моей морали: еще несколько дней назад я намного изящнее строила каверзы, а врала — честнее.

Я же лишь развела руками и в свою защиту заявила:

— Ар, я, как умертвите, уже определилась со своей ролью. Мне глупо пытаться изображать из себя добрую крестную фею, если я топором орудую гораздо лучше, чем волшебной палочкой.

— Да ты и волшебной палочкой безо всяких заклинаний убить можешь, — в сердцах воскликнул ворон. — Просто ткнув ей противнику в глаз.

До этого момента я думала, что зомби не краснеют. Потому что им просто нечем. Кровь же у них не движется по жилам. А у меня, видимо, все же очень медленно, но циркулировала. Потому как щеки стали гореть. А я сама, стоя перед Аром, опустила глаза долу и даже шаркнула носком по паркету.

И как только он узнал о том случае? Он произошел в мою любимую пору, летом. Вообще, почти все некроманты любят, когда тепло. Не из романтических причин, когда зубы на свидании не лязгают, а губы при поцелуях не обветриваются враз. Нет. Маги смерти предпочитали жаркое время года из сугубо практических причин: не нужно заступом долбить мерзлую землю, добираясь до могилы.

Так вот, в одну из теплых летних ночей я откопала одного из своих первых умертвий. К слову, подозрительно хорошо сохранившееся. А то, похороненное не по правилам, возьми и оживи. И я... в общем, слегка разнервничалась. А поскольку сотворить заклинания не успевала, то использовала первый попавшийся предмет: палку. Которую и засадила нежити прямо в глаз.

— Зато ты можешь исключить Майнок из подозреваемых, — вскинувшись, произнесла я. А затем, шмыгнув носом, добавила: — Будь она из ренегатов, не стала бы пытаться меня устранить. Ведь, с ее слов, она заподозрила, что я — шпионка заговорщиков и по моей вине случаются все эти провалы.

— Главное во всем этом — «с ее слов». — Ар поднял палец.

— Думаешь, это могла быть уловка, чтобы отвести от себя подозрения? — поняла я.

— Все может быть. Пока нельзя исключать ничего и никого. Тем более оставшихся трех подозреваемых я еще не допрашивал.

— А когда будешь?

— Как только разберусь со случившимся во дворце, — нахмурившись, произнес ворон.

— А что там произошло? — спросила я, хотя интересовало меня совершенно другое: возьмет ли Ар меня с собой на допросы. До интриг в императорской резиденции мне дела не было. Моя задача — убить того, кто убил меня. А для этого нужно его еще найти.

— Пока ты мило беседовала с Майнок, громя стены, мне пришло известие, что на Ее Величество совершили покушение.

— Что?! — вырвалось у меня. И лишь после этого я запоздало отметила, как официально-отстраненно он назвал свою мать.

— Нападавший ликвидирован. Императрица не пострадала, — тоном «спешка желательна, но необязательна» пояснил ворон. — Но нужно выяснить: это дело рук ренегатов или одиночного фанатика. Сейчас один из моих лучших некромантов как раз беседует с трупом несостоявшегося убийцы.

— А что, кроме заговорщиков есть ещё кто-то, желающий смерти правителям?

— Гораздо больше, чем ты можешь предположить. Одни могут убить за идею. Такие, как фанатики древнего кровавого культа. Другие — из чувства справедливости. Это мстители, которые винят в своих бедах власть. А третьи — просто за десять форинтов.

— Десять форинтов? — не поверила я.

— Ну, хорошо, не за десять. Тут я слегка преуменьшил...

Я скептически посмотрела на Ара. Ага, слегка, раз в ...дцать. Но он в истинном духе матерых дипломатов предпочел это не заметить и невозмутимо продолжил:

— За голову особы королевской крови цена выше. В межрасовой гильдии убийц даже висят портреты членов моей семьи. Кстати, не только моей, но и правителей альвов, и глав кланов цвергов. Подозреваю, что под каждым приписка не только с именем и краткой характеристикой и, собственно, ценой, — и он, криво усмехнувшись, добавил, — но еще и списком коллег, которые брались за тот или иной заказ и не справились с ним.

Но что-то мне подсказывало, что под магографией ворона вместо этого была только одна фраза: «Лучше не связываться».

— А что мешало заговорщикам обратиться к этой гильдии? — задала я очевидный вопрос.

— А кто сказал, что они не обращались? — иронично, вопросом на вопрос, как истинный цверг, ответил ворон. — Просто идиот... исполнителей не нашлось.

Я поняла: точно, в гильдии убийц под портретиком?ра висит именно такая приписка. Может, даже не совсем цензурная, но смысл — тот же.

— Значит, ты сейчас во дворец? — я задала один вопрос, готовясь следом выстрелить и второй: возьмет ли он меня с собой? Но не успела.

Дверь без стука распахнулась.

Да что это такое! Не кабинет главы отдела карателей, а проходной двор какой-то! Я обернулась, чтобы увидеть, кто такой бесстрашный (или попросту дурак, который не знает, чего бояться) вломился сюда?

Но едва я оказалась лицом ко входу, как наткнулась на пристальный, изучающий взгляд.

Бывают взгляды, показывающие силу души. Бывают — передающие любовь как вирус: от человека к человеку. Порою взгляд подобен искре. А вот в данном конкретном случае — разрывному пульсару, который убивает без надежды на воскрешение.

Под таким хотелось, точно собаке, выбравшейся из воды на берег, как следует встряхнуться, чтоб он от тебя отстал.

Вошедший тип, будто почувствовав это, усмехнулся уголком губ.

— Вижу, братец, ты весь в делах и заботах... И сотрудники у тебя... — он сделал паузу, словно подбирая слова, — оригинальные.

Мне захотелось зарычать. Ну и что, что я умертвите! Обязательно этим в нос тыкать.

— Зато сильные, ловкие, активные... — парировал ворон.

«...едят мало, и платить им не нужно», — мысленно закончила я прямо-таки рекламную речь Ара, который, видимо, решил не вдаваться в подробности, почему в его кабинете оказалось умертвие в форме карателя, а согласиться с предположением брата.

К слову, высочество номер два ничем не походил на ворона: пшеничные волосы, обрамлявшие лицо с заостренными чертами, голубые глаза, узкие плечи... Да он в целом напоминал мне змею. Поджарую до сухопарости, но смертельно опасную.

— То, что они проворные, я не сомневаюсь. Других ты не удержишь. Но почему-то думал, что они... более живые.

— Поверь мне, Тай живее всех живых. Пусть и мертвая, — нахмурился Ар, которому был неприятен этот странный разговор. — С чем пожаловали, Ваше Высочество, Великий Князь Вильфред?

— Брось, Арнс, — произнес блондин, сморщившись, как от укуса, — к чему эти церемонии?

— К тому, что я в опале. И по приказу?го Величества до особого распоряжения отлучен от семьи. А значит, не имею в том числе и права фамильярного обращения к особам первородной крови.

Ого. А это новость! Я постаралась как можно незаметнее отойти к стене, в тень. Все же мне, скоромному зомби, не хотелось попасть меж молотом и наковальней. А меж этими двумя, несмотря на вежливые фразы, так и искрило.

— Отец уже почти не сердится на тебя за то, что ты тогда ему перечил на совете — в словах Вильфреда даже скользнула нарочитая забота о «непутевом» брате. — Признаться, мне и самому хотелось поддержать тебя.

— Однако проголосовал ты против.

Слова ворона напомнили мне о Клаусе, который, напортачив с заклинанием, всегда вовремя успевал совершить главное для любого адепта действие: с укором посмотреть на соседа. Судя по всему, старший братец недалеко ушел от моего одноклассника. Хотя масштаб тут посерьезнее: не погост, а целая империя. И хотя я понятия не имела, что за совет, да и не посвятит скромное умертвие ни один из высочеств во все детали... Но впечатление сложилось именно такое.

— Арнс, это все в прошлом. А сейчас же дела поважнее.

— Если ты о покушении на Ее Величество, то мне уже доложили. Через час у меня на руках будут допросные листы несостоявшегося убийцы.

— Отрадно знать, что твои каратели столь оперативны, — Вильфред произнес это странным, особым тоном, таким, который порою важнее смысла фразы. Вот только я не уловила его сути. — И ты все держишь под контролем.

— Ты пришел затем, чтобы сказать лишь это? — Ворон изогнул бровь.

— Вообще-то, нет. Скорее напомнить, что твой просчет может стоить дорого. И есть кому занять твое место.

И, развернувшись в наступившей тишине, он удалился. А ворон стоял, сжимая кулаки до хруста, до белых костяшек.

Я осторожно, крадучись, как кошачья тень, подошла к двери и закрыла ее.

— Знаешь, я порою задавалась вопросом, кто я по призванию: некромант, непревзойденный повар-ядовар, позор семьи... Но так и не смогла решить. Зато о твоём Вильфреде могу точно сказать: он по призванию — непревзойденная сволочь.

— За оскорбление особы королевской крови вообще-то — смертная казнь, — как-то машинально произнес ворон.

— Если ты не заметил, то мне виселицей грозить — что инкубу оргией... — Я сложила руки на груди.

— Пользуешься тем, что ты умертвие? — начал оттаивать он.

— Ну, должны же быть в моем положении какие-то плюсы, кроме креста над могилой?

— А почему ты решила, что мой га... брат, — Ар споткнулся, но все же в последний момент исправился, хотя слова и были отчасти созвучны. К тому же первое точнее отражало суть. Да и было короче. — Профессионал именно в этой области?

— У него гадостный взгляд.

— Ты же не смотрела Вильфреду в глаза. Как определила? — заинтересовался ворон.

— Да по его голосу все чувствовалось! — нашлась я.

— Оценивать взгляд по голосу... что-то новенькое, — улыбнулся Ар.

— Ты не девушка, не поймешь, — произнесла с чувством превосходства и добавила: — А что там за совет, с которого тебя выперли сразу в опалу?

Спросила и только потом подумала: а куда я лезу? И зачем, собственно? На кой мне эти интриги императорского двора? Да и ответит ли Ар о делах государственной важности?

Секунда тишины, за которую я успела пожалеть о своей вспыльчивости. И ведь сейчас я была как никогда хладнокровна!

— Месяц назад состоялся совет. Стоял вопрос о путях решения назревавшего конфликта с драконами.

— Ты про те самые пограничные территории? — догадалась я.

— Угу. Так вот. Я голосовал за дипломатические переговоры... И оказался в меньшинстве, — он

выдохнул: — Точнее, один. А когда попытался убедить всех, что военные действия только спровоцируют драконов...

А я подумала, что в таком свете разработка Проклятия Моря — меньшая из зол: что значит добровольная смерть одного мага по сравнению с открытой ратной битвой на восточной границе империи, в которой полягут сотни тысяч воинов? Вот только кто знал, что все пойдет не по плану и в дело вмешаются ренегаты?

Вспомнился тот трижды клятый погост, на котором меня убили. Я решительно тряхнула головой, словно таким нехитрым образом могла прогнать воскресшие образы. Смысл возвращаться в пусть и недалекое, но прошлое? Там ведь уже никого нет.

— Так какой у нас план? — после недолгого молчания спросила я.

— Для начала я попытаюсь отучить тебя от цветов самым верным способом.

— Что? Каким? — спросила я, сбита с толку.

— Я тебя на эти деньги накормлю, — не ведая ещё о своем коммерческом провале, отозвался ворон.

Он ещё не знал об аппетитах зомби. Это, может, живые девушки и предпочтут сытный обед веннику из ромашек. Но я была умертвием и думала на перспективу: это пока бифштекс с кровью — соблазнительно. А как перейду в навечно горизонтальное положение... котлетки на моей могиле будут смотреться ну о-о-очень оригинально. Посему отучаться от цветов я не планировала ни под каким соусом.

— К тому же я сам зверски хочу есть, — ни о чем не подозревая, признался Ар.

— Значит, обед? — многообещающе уточнила я.

— Он самый.

— Пирожками? — Я была сама наивность. Ну правда, что можно купить на пару медек, которые обычно просят за пучок ландышей или васильков? Только две булочки.

Но нет, ворон, судя по всему, решил отучать меня от дорогих, о-о-очень дорогих букетов, к которым я, к слову, даже не приучалась. Ибо попросту таких, стоимостью в дюжину золотых, Тайрин Росс ни разу не дарили. Но каратель, видимо, считал иначе. Поскольку повел меня в ресторацию.

В ней мы оказались спустя десять минут и один морок. Оный Ар накинул на меня, словно палантин, дабы одно зомби в глазах окружающих выглядело не только приличной, но и живой девушкой.

— А быстро перекусить без такой помпы тебе гордость не позволяет? — проворчала я, переступая порог заведения.

— Скорее положение, — едва слышно, почти не разжимая губ, ответил ворон, мимоходом приветственно кивая кому-то.

А едва мы сели за столик и расторопный официант, принесший меню, отбыл, ворон пояснил:

— Тай, видишь ли... Иногда я обязан демонстрировать спокойствие и невозмутимость. Так, словно ничего не происходит. Это ширма. Роль, если хочешь. Но играя ее, я громче всяких заявлений демонстрирую: в столице всё спокойно, всё под контролем.

Его слова заставили меня задуматься. Да, я обычно в новостных листках никогда не смотрела колонку светской хроники. А вот, помнится, моя школьная подруга Милли, ныне уже вышедшая замуж и родившая первенца, зачитывалась именно такого рода статьями. Где какой аристократ отобедал, во что была одета на приеме такая-то герцогиня. У кого из знати с кем тайный роман. Для нее все эти пустяки были гарантом стабильности мира, свидетельствующими: в Эйле, да и в империи в целом, всё спокойно. И она наверняка встрепенулась бы, узнав, что, скажем, один из наследников ведет себя не так, как подобает его статусу. Ведь это значит, что произошло что-то экстраординарное.

— А как же взрыв в цветочной лавке? — спросила я о событии, которое, на мой взгляд, тяжело было утаить от нахвостников-репортеров.

— Взрыв бытового газа. Утечка в розжке освещения, — иронично парировала ворон, беря меню.

— А сегодняшняя погоня, едва не закончившаяся взрывом, если бы не твой щит? — не унималась я, уже понимая, КАК нужно было читать статьи.

— Тут потяжелее, но, уверен, офицер, отвечающий за связь с репортерами, уже подготовил

«тайную» утечку информации, что это все — результат ревности моей бывшей возлюбленной. Она решила устранить соперницу. То есть тебя.

— Что-о-о?! — Мой вопрос был бы криком, если бы ворон не щелкнул пальцами ровно в тот момент, как я издала первый звук возмущения. А так — онемела. И почувствовала себя несчастным, бесправным маленьким зомби, которого всякий маг обидеть норовит. О том, что после этого не каждый чародей сможет уйти живым и невредимым, я, как всякая обиженная девушка, предпочла не думать.

— И пока в тебе зреет желание меня убить, поясню, — невозмутимо продолжил ворон. — Тай, извини, что я решил воспользоваться ситуацией с Ливрин. Пусть лучше все обсуждают наш с ней разрыв и то, что я предпочел ей другую, чем судачат о заговорщиках и покушении.

И я остыла. Враз. Вот как это так у ворона получается? Как он находит те самые слова, после которых мне если и хочется его придушить, то как-то так, для проформы что ли, без огонька... А потом я почувствовала, как спадает заклинание.

— Но я же скоро исчезну, — «умру» говорить как-то не хотелось. Но меня интересовал вопрос: что будет после? Арнсгар найдет мне замену? Или изберет роль одиночки, которого бросила ветренная возлюбленная?

— Я знаю. Как и то, что мне будет тебя не хватать, — это прозвучало абсолютно серьезно. Искренне. С затаенной... скорбью. Той, которую сильный Арнсгар, верховный каратель, сын императора, просто не позволит себе показать.

Но все его чувства отразились во взгляде, в том, как он взял мою руку, в том, как наши пальцы переплелись. Ворон смотрел на меня. Его взгляд, оголенный, пронзительный и сильный, как удар колокола, проникал в мою суть. Да он весь словно забрался под мою кожу, в мысли.

И я поняла: мне, моей душе, тоже его будет не хватать. Там, за Гранью.

Ну почему? Почему из сотен тысяч мужчин именно он? Тот, кого я встретила слишком поздно, а лучше бы — и вовсе никогда не встречала.

— Тай, нам осталось не так много... — Ворон сглотнул, словно слова давались ему с невероятным трудом. — Но я хочу, чтобы ты знала, что стала дорога мне. И я, кажется, впервые в жизни...

Я поняла, что он сейчас скажет. И это станет моей чертой, за которой не будет возврата. Ко мне прежней.

— Значит, это не обед, а выгул в свет? — перебив его, попыталась сменить тему, взяв светский тон.

Ворон замер на несколько секунд. А я почувствовала, как он сжал мои пальцы. Прикосновения и взгляды. Это все, что могло быть у нашей нечаянной влюбленности. И мы оба это понимали.

— Спасибо, — поблагодарил меня?р, словно он оступился, а я, протянув руку, не дала ему упасть. И включился в мою игру: — Я предпочитаю совмещать и то, и другое. Кстати, нас снимают через стекло, — не поворачивая головы, сообщил Ар.

Я, в отличие от него, тут же обернулась и увидела вспышку чарокамеры. А после этого жандармский свисток разрезал звуки полуденной уличной суеты. Репортеры, тут же отпрянув от окна ресторации, больше напоминавшего по размерам витрину магазина, припустили во все лопатки.

— А если на чарографии я буду выглядеть, как умертвие? — спросила и поймала себя на мысли, что есть вопросы, которые волнуют всех женщин даже после смерти: во что я буду одета, лежа в гробу, и как при этом получусь на посмертных снимках.

— Поверь, через это стекло и я на них смотрюсь в новостных листках сущим стригоем. — И Ар улыбнулся, как истинный упырь из древних легенд. — Но не будем о репортерах. Ты уже определилась, что будешь есть?

И ворон с нарочитым вниманием посмотрел в меню. Мне же вычурные названия ровным счетом ни о чем не говорили. Что «конфи из эмана со специями», что «кордон блю», что «крок-эйр и крок-эйра»... Посему я поступила просто. Выбрала посетителя с самым счастливым выражением лица (надеюсь, что оное было от вкуса здешних блюд) и кивком указала на него, сидевшего за соседним столиком, сообщила ворону:

— Я бы заказала то же, что и вон тот эйр у окна.

— Столетнего бурборна? — со скорбью всего цвергского народа в голосе, будто его собрались

огрابتить на цельный годовой бюджет, уточнил ворон. И добавил: — Барон Лурц ныне заказал исключительно его.

— Нет, — насупилась я, поняв, что вышла промашка. И в отместку заказала и «блю», и «крок», и «конфи», оказавшимися на поверку пюрешечкой с кроликом, мясом в панировке и тостами, у которых вместо масла сверху была глазунья.

А вот ворон... Я смотрела на тарелку, которую поставил перед ним официант, и понимала: травить карателей действительно очень тяжело. Да что там, практически невозможно. Одного — так точно. Ибо кто ел пять минут назад живых морских гадов, тот бутерброда с белладонной не испугается.

Ар заказал себе какую-то трудно произносимую и жутко дорогую гадость, которая вызывала у меня стойкие ассоциации с моим учебным материалом: такая же склизкая, зеленоватая, сомнительно пахнущая. И по цене пяти форинтов за тарелку.

— Слушай, зачем тебе платить столько денег за такое?! Это же грабеж! Дай мне лопату, и я на болоте наловлю тебе тины не хуже, — вырвалось у меня непроизвольно. — И пиявки там пожирнее будут.

— Тай, — мужественно прожевав очередной кусок сырой то ли рыбы, то ли морского гада, произнес ворон, — не мешай мне проявлять дипломатию.

Какую именно, Ар пояснил, как только закончил с сомнительной зеленью и перешел к нормальной отбивной. Оказалось, что демонстративное поедание морепродуктов — это своего рода рекламная акция. Великие князья подавали пример своим подданным скорее даже не что есть, а показывая расположение к морским соседям.

А я поняла, что политика и дипломатия — это дело жутко тонкое, прямо как пленка мыльного пузыря. И порою значение имеет все, вплоть до цвета шейного платка или блюд.

— М-да, все же мне повезло родиться не в семье императора! — вырвалось у меня. — Я хотя бы могу есть что хочу, делать что люблю и жить как считаю нужным. Даже после смерти!

— Только не говори об этом громко, а то половина здешнего зала начнет тебе завидовать, — лукаво усмехнулся ворон. — Эти почтенный эйры обречены даже быть похороненными в костюмы по регламенту: фраки, мундиры и вечерние туалеты. Кстати, случись массовое поднятие центрального столичного кладбища, сдастся мне, оно будет выглядеть ну очень официальным мероприятием.

Я едва сдержала смешок. Но вот комментарий, увы, не смогла:

— Ворон, нет, ты точно некромант. В самой глубокой глубине своей души.

— Почему? — делано удивился он.

— Ты мертвыми интересуешься больше, чем живыми.

— Во-первых, не всеми мертвыми, а только одной.

— А во-вторых?

— Эта одна — ты. — Он все же это сказал. И, обратив внимание на то, как я его назвала, добавил: — Значит, я для тебя — ворон?

— Как будто ты мысленно меня никак не окрестил! — фыркнула я, пряча за этим свое смущение.

— Конечно окрестил, — покладисто согласился Ар, — но ты этого, надеюсь, не узнаешь...

Это был вызов. Однозначно! Чтобы некромант, пусть и бывший, до чего-то да не докопался?

А ворон, словно чувствуя это, быстренько свернул «демонстрационный обед истинной невозмутимости». Я даже третий десерт доесть не успела! Посему в лучших традициях рачительной хозяйки попросила завернуть его с собой. Всё бы ничего, но это было мороженое. Впрочем, официант не ударил в грязь лицом, а в креманку — замораживающим заклинанием. Нет, с истинно альвийским спокойствием унес и вернул через минуту с пожеланиями приятного аппетита: повар с помощью заклинания превратил содержимое креманки в брикет на палочке.

Я оценила. Ворон поджал губы. Думала — позавидовал, оказалось — пытался сдержать улыбку.

— Я полагал, зомби едят мало, — полушутя, не упрекая, а лишь подначивая меня, произнес он, когда мы уже вышли из ресторации.

— Угу, — откусывая от брикета, отозвалась я. — Потому что в основном зомби предпочитают мозги.

А их... в общем, не у всех людей оные имеются. Так что это вынужденная диета. К тому же никто просто не предлагал умертвию вкусного обеда из лучшего столичного ресторана. Так что вполне может статься, что ты — первооткрыватель метода приручения зомби без использования заклинаний. Просто вкусной едой.

На меня посмотрели взглядом, говорившим, что Ар стал бы еще и первооткрывателем этой незапатентованной технологии. Ибо она была дорогостоящей. А кошельки — они не резиновые. Даже у императоров.

Едва мы вернулись в отдел, оказалось, что нас там уже поджидали в засаде. Дела. Срочные. Много. Это был и отчет о допросе некроманта, беседовавшего с несостоявшимся убийцей императрицы, и один из стражников по делу о сбежавшей стенографистке (правда он ждал допроса удаленно, в лазарете) и казначей со сметой. И из всего, как по мне, самую большую опасность представлял последний. Потому что по его бородатому лицу было видно: этот тип точно знал не только откуда деньги приходят, но и в какие ручейки утекают. И мог среди ночи перечислить все эти водотоки, даже самые захардяшные, в капельку, поименно. В общем, этот тип был иллюстрацией того, что из цверга счетовода сделать легко и просто, а из счетовода обратно обычного цверга — никогда. Потому как он срастается с абаком, проникает всеми фибрами души в счет-фактуры и даже в храме вместо молитвенника у него в руках — книга прихода.

— Господин Верховный каратель, мне бы расходный лист подписать... — начал тоном профессионального кровопийцы этот низкорослый обстоятельный цверг. И даром, что он был ростом мне чуть выше пояса. Я селезенкой чуяла: неприятностями сей сын подгорного народа может нагрузить даже выше головы ворона.

— На что? — страдальчески нахмурившись, словно муж, проснувшийся с похмелья и не помнящий, что вчера творил, произнес ворон.

— Рухнувшая стена. На нее смета: вот на камни, на цемент, на известку, шпаклевку, опять же оплата рабочим, — не сбившись ни разу, счетовод споро выкладывал бумаги из своей папки, как шулер карты. — А это — на оплату новостникам, чтобы убрать заметки о взрыве, компенсация «за испуг» — свидетелям того, как вы щит изволили держать в переулке Прохвостов...

— Как-то слишком сильно наши горожане испугались. С их сметой за этот самый испуг я либо поседею, либо разорю казну, либо умру.

— Умирать вам никак нельзя, — огладив свою густую рыжую бороду, словно набираясь храбрости, заявил цверг. — Пока счета не подпишете — ни в коем разе...

— Вот видишь, Тай. — Ар, сидевший за столом, оторвал от бумаг взгляд и посмотрел на меня, будто призывая в свидетели. — Верховному карателю по должности даже умирать не положено!

А судя по взгляду ворона — ему сейчас этого ой как хотелось. А что? Я даже его понимала. Гроб — это же тихо, спокойно. Опять же выспаться как следует можно, на работу с утра пораньше спешить не надо. К тому же деревянный бушлат — это дешево, подальше от родственников и даже если в кредит, тебе это уже все равно. Единственное — тесновато. Но должен же быть у такого шикарного места хоть один недостаток?

— Ар, не переживай. Когда-нибудь это все равно закончится. Ты же не бессмертный стригой, — решила я приободрить ворона.

— Уважаемое умертвие! — подняв палец, возмущенно воскликнул счетовод. — Что вы такое говорите! Побойтесь преисподней! Как это мой начальник умрет. Сплюньте!

И столько негодования было в его голосе, что мне невольно захотелось действительно по старому народному поверью плюнуть себе под ноги и растереть подметкой башмака. Будто сей нехитрый обряд поможет вылетевшим словам печататься в землю, чтобы уши демонов их не подхватили. Но я была магом. С половинчатовысшим образованием. Почти специалистом. И верить в какие-то приметы, не подтвержденные чародейской наукой, мне было... ну, не солидно, что ли.

Цверг же, как истинный сын подгорного народа, чтивший заветы предков, неодобрительно крикнул и уже себе под нос, верно, думая, что никто его не услышит, пробубнил:

— Ну, ничего, даже если его эта чернявая дохляга сглазила, и верховный таки помрет, у нас в отделе — лучшие некроманты империи. За премию — поднимут, чтоб мне годовой отчет подписать...

Правда, голос у цверга был раскатистый, зычный. Таким не то что свою точку зрения до каменного тролля доносить — шпалы укладывать можно. Посему и бубнеж вышел знатный.

Ворон опять вперил взгляд в бумаги, поморщившись. А цверг, обойдя стол, начал тыкать пальцем в

какие-то строки. Я же от нечего делать пристроилась на диванчике в ожидании. Оное затягивалось. Я даже успела пожалеть, что под рукой нет какого-нибудь необременительного чтыва. Даже обременительное с отягчающими бы подошло... И я начала поглядывать на папки. Одна, синенькая такая, с завязочками, лежала на самом краю стола.

Ну, и взяла ее. Тихонечко так, думая, что ни ворон, ни счетовод ни обратят внимания. Это оказались сыскные листы. Убористый четкий почерк.

Из протокола допроса неудачливого убийцы императрицы (а в руках у меня оказался именно он) выходило, что действовал ныне покойный Норхорд Шобс под влиянием приступа сумасшествия. Этот бывший оружейник, увидев в новостном листке чарографию императрицы, уверовал, что?е Величество — его бывшая возлюбленная, Франциска Ворка, с соседней улицы. Эта дочь лавочника, к которой Шобс воспылал страстью (как показала магическая экспертиза, не без помощи приворотного зелья), планировала выйти за оружейника замуж. И чтобы точно все вышло в соответствии с задуманным, а будущий супруг и не думал гульнуть налево, подстраховалась, прикупив на черном рынке запрещенного зелья. Но случилось так, что перед самой свадьбой она упала на рельсы самодвижущегося городского вагончика.

Шобс боролся. Со своим отчаянием, горем. И проиграл. Возможно, он бы сохранил рассудок, если бы не зелье. А так... Шобс начал потихоньку проваливаться в безумие. А увидев оживший портрет императрицы, которая была весьма похожа на Франциску, оружейник решил, что это и есть его невеста с соседней улицы. И она бросила его ради императора. А ведь любила всей душой. И оружейник решил ей отомстить.

Чем дальше я читала, тем больше поражалась тому, на что способен обезумевший фанатик. Одно то, как тщательно он маскировал свое сумасшествие под адекватность, говорило о многом. Раздобыть форму слуги, проникнуть во дворец с метательными кинжалами, зайти в сад поющих фонтанов, оказаться на расстоянии в три дюжины футов и уже откинуть руку для замаха, чтобы броском попасть в сердце императрицы, и быть остановленным в самый последний момент... — итог его безумства.

Я смотрела на чарографию покойного: сильный, молодой, с грубоватыми чертами лица. Словно боги подустали к моменту его создания и решили, что тонкость и изящество — это для мужчины баловство. Он, мужчина, должен быть брутален. Причем настолько, что когда теряет равновесие, то не падает, а совершает атаку на горизонтальную поверхность. Шобс, на снимке, когда его глаза были закрыты и не отвечивали безумием, и выглядел как наковальня: простым и надежным.

— Я вас услышал, — голос ворона, чуть резкий, усиленный, с интонацией между «благодарю» и «как же вы меня достали», вывел меня из состояния задумчивости.

— Но как же подписать лист с премиями и штрафами?! — воскликнул цверг, и в руках его возникла очередная бумажка.

Ей-боги. Он был столь бесстрашным, вопрошая подобное, будто перед тем, как войти в кабинет начальства, хлебнул эликсира бессмертия. Впрочем, я не только дивилась смелости счетовода, но и тихонько возвращала папку на место. Пока кое-кто не заметил.

— Напомните, мастер Биннодиттин, почему я вас все ещё не придушил? — потирая виски, спросил ворон.

— Потому что вы увели меня у вашего батюшки. И сделали это весьма лихо. Похлеще, чем иные крадут невесту перед алтарем у жениха из-под носа. А все потому, что я хороший счетовод. Мог бы Хозяином Форинтов быть, но вот, решил, что тут я вам нужнее... — самодовольно, как истинный цверг, ответил собственно... цверг.

— Хор-р-рошо, — выдохнул ворон. — Оставляйте ваш список на столе — и свободны.

Коротышка аккуратно положил лист на стол и, усмехнувшись в бороду, ушел. А у меня на языке вертелся вопрос: что? Вот этот Биннодиттин и правда мог быть главным казначеем страны? И ушел к ворону в отдел карателей? Быть такого не может. Да чтоб цверг — и отказался от золота?! Ведь в имперской казне его знамо больше, чем в бюджете отдела карателей...

Зато теперь я поняла, почему у ворона с отцом столь натянутые отношения: мужчины могут простить друг другу даже отбитую подружку. Но тот, кто увел у тебя счетовода, способного сделать твою головную боль о приходе и расходе немножко своей... Да, определенно, этот мастер Биннодиттин гораздо ценнее любой самой симпатичной девицы. Ибо любовь приходит и уходит, а госбюджет остается. Я подобный финт Ару бы тоже припомнила... Вот только как ему удалось сманить этого цверга к себе?

Этому могло быть лишь одно объяснение: для подгорных жителей есть кое-что выше драгоценного металла — честь рода и долг крови. И, судя по всему, последний у этого коротышки перед вороном

был изрядным. Интересно, что их связывает? Этих двух? Но задать вопрос я не успела. Меня опередил встречный от Ара:

— Интересное чтение было? — Он кивнул на папку. А ведь я думала, что каратель не заметит. У-у-у, глазастый какой: всё у него под контролем. А сам контроль — под надзором, за надзором установлено круглосуточное наблюдение, а за последним — пригляд.

— Познавательное, — нашлась я и, уязвленная тем, что меня уличили, добавила: — Тебе понравится. Особенно у автора хорошо получились фабула, экспозиция и эпилог... Детективная линия так вообще десять из десяти. Так что советую.

— То же самое и тем же тоном мне братья говорили в семь лет и об имперском уголовном кодексе. Но даже тогда я не купился, — хмыкнул ворон. — Так что, злюка, этот укол мимо.

— Только лишь злюка? — фыркнула я. — Я тут, понимаете ли, стараюсь, черню свою репутацию, чтобы она была достойна некромантки, а он только лишь — «злюка». А как же иные мои прекрасные черты характера, такие как цинизм, упрямство, кощунственность и дьявольское очарование?

— И скромность, — в тон мне добавил Ар.

— Да, и она тоже. Причем в двойном размере, — согласилась я и... скромно прихватила стопку чистых листов у ворона.

А что? Пока он читает отчеты допросов, я успею настрочить пару писем «с того света». Поставлю даты из будущего, и пусть их отправят от моего имени родным.

С содержимым синенькой папочки ворон ознакомился не в пример быстрее меня, написавшей лишь одно коротенькое письмо домашним.

— Так, с покушением все ясно, — откладывая сыскные листы и беря кристалл связи, произнес ворон. — А теперь — в лазарет, к офицеру Торосу Бруму, нашему второму подозреваемому.

Распоряжения по переговорному амулету он отдавал уже на ходу. А я следовала за вороном по коридорам отдела тенью. Кровожадной, жаждущей мести тенью.

Вот только когда мы очутились в лазарете карателей, я поняла, что с вендеттой слегка подзапоздала. И не важно, был ли этот самый Торос Брум виновен или нет, но кара таки его настигла. Причем в лице того, кто должен жизни вроде как спасти, а не наоборот.

А все дело в том, что местный лекарь куда больше был похож на некроманта, чем на целителя. Во всяком случае, ко мне, мертвой, он тут же проявил больший интерес, чем к своему живому пациенту, заматанному в бинты так, что создавалось ощущение: он скорее одет в них, чем ими перевязан.

М-да, статья, с таким отношением штатного мага жизни к своей профессии карателям стоит опасаться того, как бы не угодить за Грань при непосредственном участии этого самого лекаря.

— Какой интересный экземплярчик умертвия... — обходя меня по кругу и сложив ладони шалашиком так, что пальцы касались друг друга лишь кончиками, заинтересованно протянул этот остроносый тип в зеленой хламиде. — Поток сил почти нет, жизненные структуры нарушены, но тем не менее...

Целитель бубнил, кажется, совершенно позабыв и о вороне, и о том, что у него в палате вроде как раненый. И неважно, что последнему помощь уже оказана. По недовольной косматой роже пациента видно, что оказана. Но он же раненый. И живой. А я — уже слегка нет. И мне внимание целителя — что покойнику врачевание язвы на серных источниках: уже без надобности.

— Господин Верховный каратель, не сочтите за наглость, но можно просьбу? — и не дожидаясь ответа ворона, зеленохламидный добавил: — Как вы с ней закончите, можно мне ее в прозекторскую? Я бы исследо...

— Нет! — обрубил ворон, так что я даже вздрогнула. Словно речь шла не обо мне, скромной зомби, а минимум об императорском венце.

Лишь потом, глядя на искренне опечаленное лицо целителя, я с запозданием поняла: и угораздило же меня нарваться на лекаря, для которого болезнь была вызовом. Причем не только и не столько вызовом в плане излечения, сколько изучения. И чем недуг был заковыристее, сложнее, как ребус, — тем для него интереснее.

Я же и вовсе могла показаться для этого лекаря головоломкой.

— Магистр Ломирус, пожалуйста, покиньте палату, — меж тем отчеканил ворон, сверкнув глазами.

— Какая большая жалость, — вздохнул остроносый. — Скажите хоть, ради любопытства, сколько магических единиц ушло на такую филигранную работу: не просто поднять, но и максимально восстановить токи силы? А как они реагируют на вливание? А насколько быстрый идет распад?

— Я неясно выразился? — Всего одна фраза Ара, но даже мне показалось: в палате наступила зима. При том, что за окном кружила в вальсе опадающих кленовых листьев золотая осень.

— Всё-всё, исчез... — подняв руки, словно сдаваясь, произнес целитель и удалился.

А я наконец смогла как следует разглядеть второго подозреваемого. Страж, дежуривший в это утро у дверей камеры сбежавшей стенографистки, был высок, грузен и волосат. И на лекарской кушетке смотрелся столь же органично, как криолин на буйволе.

Сразу становилось понятно: будь его воля, он бы, как всякий уважающий себя истинный мужчина, отсюда удрал. Прямо сразу. С бинтами и в одних портках. Но приказ есть приказ, и суровый каратель оному подчиняется. Всегда. Везде. И даже готов мужественно глотать противные несладкие эликсиры вместо завтрака, обеда и ужина, если начальство велит.

Начальство же пока, наоборот, молчало и испытующе смотрело на пострадавшего. Наконец, когда секундная пауза, обычно являющаяся передышкой в беседе, начала плавно перерастать в полноценный отпуск, ворон каркн... заговорил:

— Офицер Брум, расскажите, что произошло, начиная с того момента, как вы сегодня утром заступили на пост.

Вдох, шумный выдох. Насупленные густые брови раненого офицера — и он наконец, собравшись с мыслями, начал рассказывать.

Повествование не заняло и пяти минут. Пришел как обычно. Ровно в шесть утра. Спустился на нижний уровень, миновал комнату надзирателя, прошел по переходу и остановился перед решеткой, за которой была ниша для стражника и собственно коридор с дверями камер. Обнажил запястье с магической татуировкой, подтверждавшей принадлежность к карателям, и всунул руку в «Уста верности». Этот артефакт в виде каменного лика с открытым ртом мог запросто оттяпать, раздробить кости обманщику, решившему надеть личину карателя и проникнуть в тюрьму.

Принял смену, замкнул охранные чары на себя. И охранял камеры ровно до того момента, как сначала снаружи раздался взрыв, а потом из камеры номер двадцать шесть вынесло дверь. Брума волной силы раскатало по полу, его ребра треснули. Последнее, что он увидел, — это дымку высвободившегося элементаля.

— Кто-нибудь заходил в камеру двадцать шесть во время вашего дежурства?

— Никак нет. — Офицер даже косматой головой мотнул.

— Офицер Брум, — Ворон был серьезен и, кажется, готов ко всему: от мирного диалога до того, что сейчас в него швырнут смертельным проклятьем, — вы готовы поклясться на крови в правдивости сказанного?

Страж на миг прикрыл глаза, его скулы побелели, а потом он четко, на одном дыхании произнес:

— Я, Торос Брум, сын вервольфа Брума, маг земли, клянусь своим даром, жизнью и душой, что ни помыслами, ни деянием, ни бездействием не помогал пленнице, эйре Рунур, бежать из камеры.

Его тело тут же окутали потоки черного песка, в которых проскакивали разряды. Длилось это всего пару секунд. А потом — исчезло без следа, будто и не было.

После слов зарока офицер покачнулся и упал на подушку. Увы, это была не мгновенная кара для клятвоступника (эх, если бы так просто было вычислить пособника ренегатов!), а банальное магическое истощение.

«Не он», — только и успела я подумать, как Ар, круто развернувшись, произнес:

— Тай, пошли. Нужно допросить еще одного стражника.

Вот так, без сантиментов. Четко и по-деловому. Передо мной был вновь тот ворон, которого я впервые увидела на погосте. Вот только теперь я знала, что это — маска. Почти сросшаяся с лицом, но маска.

Третий же подозреваемый на первый взгляд никаких личин не носил, да и вообще был легкоранимым человеком. Ну как легко... Средней степени тяжести ранимым. Он стоял с

перебинтованной рукой напротив двери кабинета ворона. Причем как стоял: спина — точно натянутая струна. Меж нею и стеной — расстояние меньше пальца. И неизвестно, кто еще прямее — сведенные лопатки карателя или оштукатуренная каменная кладка.

Черномундирный был мне не то чтобы смутно знаком, но в его чертах сквозило что-то... словно мы встречались когда-то. Мимолетно. Наверное, в прошлой жизни. Сейчас он смотрел прямо перед собой. «Точно зомби или механическая кукла», — подумалось мне. Даже промелькнула надежда: вот он, пособник ренегатов. И искать больше не надо, и спрашивать. Ну не может невинный ТАК... быть, существовать, находиться. ?т этого же офицера прямо фоново напряжением, таким, от которого либо сдают нервы и развязывается язык, либо все внутри замирает до могильного окоченения.

— Стефан Бозли? — вместо приветствия на ходу бросил ворон ожидавшему его карателю.

Тот козырнул — правда, с перебинтованной рукой жест вышел странным — и отчеканил:

— Так точно.

— Тогда пройдемте.

И Ар открыл дверь, пропустив первой, как ни странно, меня.

Вроде бы простой жест, но он давал мне ощущение того, что я жива, что я все еще девушка, а не умертвие. Ведь с поднятым незачем этикетничать и пропускать его вперед.

Войдя, я тут же уселась на уже облюбованный мною диван. В самый темный и неприметный угол. Подумала: не поставить ли еще и фикус перед собой для маскировки? Дабы не отвлекать ворона и офицера? Но потом решила, что, если потащу по полу кадку, вес которой навскидку больше моего собственного раза в два, это привлечет куда больше внимания, чем просто тихо сидящее на диванчике зомби. Посему просто замерла и обратилась в слух. И узнала кое-что интересное.

Именно у Стефана Бозли — лейтенанта, несшего караул на нижнем этаже отдела ночью, — вервольф-полукровка и принял дежурство в шесть утра. А спустя несколько часов случился побег преступницы. А за время его смены камеру посетили двое: Майнок и Эйроу. И если с белобрысой я успела познакомиться, и весьма... горячо, я бы даже сказала — в тесном контакте — пообщаться, то имя второго не значило для меня ровным счетом ничего.

— Значит, офицер Эйроу пришел в камеру в пять утра?

— Так точно, — отчеканил офицер, лицо которого было даже не белым — серым. И сдается мне, не только от потери крови.

— И сколько времени он там провел? — меж тем продолжал допрос ворон.

— Три с половиной минуты.

— Заметили что-то необычное в поведении офицера Эйроу?

— Никак нет. — Раненый вытянулся во фронт. — В пять ноль два он подошел к дверной решетке, что отделяет переход от ниши стражника и коридора с камерами заключенных. После чего офицер Эйроу вложил руку в «уста верности». Как только чары подтвердили метку карателя, запирающее заклинание отомкнулось. Решетка открылась, и офицер Эйроу вошел в коридор. При моем сопровождении проследовал до камеры номер двадцать шесть. Я открыл ему дверь.

Раненый говорил рублеными фразами. Выстреливал ими, будто очередью из многоствольного органа: равные, вымеренные промежутки.

— Бозли... — голос ворона стал вкрадчивым, словно он задавал вопрос ребенку или собаке, — а вы сами отлучались с поста?

— Никак нет. Это запрещено под страхом смертной казни.

— А вы сами входили в камеру к заключенной Рунур?

— Никак нет, — раздалось в ответ.

У меня от таких его ответов уже звенело в ушах. Тем удивительнее была прозвучавшая следом фраза:

— Разрешите обратиться, господин Верховый каратель? — И взгляд. Отчаянный, словно Бозли собрался сигануть с обрыва.

— Разрешаю, — отчеканил ворон.

— Я понимаю, что из всех подозреваемых я — главный.

— Поясните, — тоном «я все знаю, но хочу услышать это от вас» произнес Ар.

Я поняла: ворон не играл, он действительно был в курсе. Недаром внимательно читал отчеты, что лежали у него на столе. Верховный каратель, словно великий комбинатор, просчитал всю партию и, кажется, знал и все мотивы, и реплики наперед. Все, кроме ответа на один вопрос: кто из четырех подозреваемых помог заключенной бежать.

— Мой кузен... Его арестовали вчера ночью на пирсе. Он был среди напавших на вас заговорщиков. И Лим сейчас находится в одиночной камере в доме предварительного заключения.

При этих его словах мне вспомнился хлипкий пацан, что дрался с рыжим Патриком, так лихо вместе со мной гонявшим по ночному городу на кровати... Так вот кого мне напоминал этот Бозли! А я все гадала, где могла его увидеть.

— И? — всего один звук, но он был из тех, которые способны разрушить весь мир, проникнуть под кожу, разбить душу.

— Я должен был сразу же доложить об этом своему капитану.

— Но вы не сделали этого, — вместо Бозли закончил ворон.

Бозли вскинулся. Впервые за все время допроса его взгляд был живым. В нем плескалось отчаяние, готовность принять наказание и... надежда.

— Мой кузен — дурак. Мальчишка, который связался не с теми...

Для меня все стало ясно: как каратель, Бозли мог бы попытаться ему помочь, но если бы его отстранили...

«Разве вы бы поступили иначе?» — этого раненый офицер не сказал, но фраза отчетливо читалась в его взгляде, устремленном на верховного. Я еще я знала ответ ворона: нет, не так. И подтверждением тому был череп брата. Для Арнсгара долг перед родиной был превыше братской привязанности.

— Принесите кровную клятву, что вы не причастны к побегу заключенной Рунур, — отчеканил Ар. — А после этого — пройдите к штатному магу, чтобы запечатать метку карателя и ваш дар. На время расследования побега вы отстраняетесь от службы.

— Слушаюсь! — сказал, словно резанул ножом по живому, Бозли.

Прозвучали слова клятвы, окутавшие его тело сиянием.

А я поняла: не виновен. Оставался лишь этот офицер... как его? Густав Эйроу, кажется. Неужели он?

Меж тем раненый страж покинул кабинет.

— Что с ним будет? — задала я вопрос ворону в наступившей тягостной тишине.

За окном догорал вечерний закат, погружая комнату в тягучие чернильные сумерки, пропитанные призраками шорохов опадающей листвы.

— С ним случится выбор, — огорошил меня ворон и пояснил: — Бозли придется решить, что для него важнее: семейные узы или долг офицера. Если он выберет первое — то сам подаст рапорт об увольнении. Если второе — то из него выйдет настоящий каратель.

— Не знающий жалости?

— Скорее, не имеющий слабостей, — поправил меня ворон.

«Как ты сам», — едва не сорвалось с моего языка. Я едва, на самом кончике этого рабочего органа всех сплетниц, сумела удержать первый, уже зародившийся в горле звук. И в попытке скрыть заминку встала, поправив черную куртку, которая была явно широка мне в плечах.

— Остался всего один, — глядя вдаль, на демоново колесо, которое в парке медленно вращало свои кабинки над городской суетой Эйлы, произнесла я. — Как думаешь, это он?

На улицах столицы багровела, золотилась осень. Пора, в которую особенно остро чувствуешь, что

значит быть «здесь и сейчас». Сожалеть и... любить. Вопреки всему, всем законам, в том числе и законам природы.

— Это мы скоро узнаем. За тремя я уже установил наблюдение. Осталось допросить Густава, — мне почудилось, что в голосе ворона просквозила печать.

Я повернула голову, и оказалось, что ворон стоит прямо за моей спиной. Он подошел ко мне неслышно. И близко. Непростительно близко. Настолько, что между нами расстояние было не более двух ладоней.

— Это офицер, которого я знаю больше, чем служу карателем. Образцовый. Безупречный. Мальчишкой я равнялся на него... — он говорил, так же как и я глядя вдаль. Только что он там видел? Парковое колесо? Мосты через Кейшу или... кривую усмешку судьбы?

— Ты любишь осень? — Вопрос вырвался сам собой. От нестерпимо жгучего желания сменить тему. На какую-нибудь. Любую. Только чтобы выдернуть ворона из тьмы, которая будто окружила его плотным коконом.

— Да, — признание, короткое и неожиданное, произнесенное чуть хриплым голосом, от которого по спине у меня отчего-то пробежали мурашки. В нем звучали и страсть, и отчаяние, и сожаление. — Теперь, как ни странно, да. Я хочу запомнить ее. Именно эту осень. Ее вкус, запах, дыхание. Эту мятежную, печальную, зардевшуюся и объятую пламенем. А вместе с ней — тебя.

— Не стоит произносить подобные признания. Я могу и влюбиться. — Я обернулась и теперь смотрела прямо на него. А он — на меня. Хотелось признаться ему в ответ, что уже, кажется, и влюбилась. Но я, как и он, понимала: если нам с Аром что-то и светит, то только погребальный костер. Мой. Посему произнесла другое: — А что может быть хуже, чем влюбленное умертвие? Вот развеюсь прахом, превращусь в привидение и испорчу тебе всю личную жизнь. Стану являться призраком в спальню в самый неподходящий момент, когда ты будешь с дамой, и начну-таки давать советы.

На это мое воинственное заявление Ар... запрокинул голову, засмеявшись.

— Тай! Ты невероятна!

— Да у меня вообще много положительных черт, — подхватила я с охотой. — Например, я приятно пахну и элегантно одета. А кто будет утверждать иное — получит в глаз.

— Вообще-то я думал, что под «элегантно» дамы имеют в виду маленькое черное платье, — подтрунивая, включился в игру Арнсгар.

— А у меня большая черная униформа. Но черная же!

— Я не спорю. — Уголки губ ворона дрогнули в улыбке. — И она тебе очень даже идет. — А потом ехидно добавил: — Когда не съезжает. С плеч.

И он нарочито поправил свой бывший мундир, который я нагло отвоевала у его гардероба.

— Но раз уж нам предстоит проехать по столице в гости к офицеру Эйроу, то думаю, что стоит выкроить четверть часа и заглянуть в магазин одежды — и подобрать тебе что-то более... по размеру.

— А чем тебя не устраивает иллюзия? — Я вскинула бровь.

— Знаешь, обычно этот вопрос задают эйры, когда их дамы намекают им, что пора бы обновить гардероб, оплатив оный из мужского бюджета.

ГЛАВА 7

— Но я не дама. Я умертвие! — возражение вырвалось само собой.

Ворон, уже отнявший руки от моих плеч, как раз подошел к столу. Выдвинув ящик, достал кошель.

— И от этого ты стала мальчиком? — столь нарочито серьезно произнес он, что захотелось его прибить.

А потом мой взгляд скользнул на его запястья. Ладонь, что держала кабзу, стянутую шнурком у горловины и позвякивающую изнутри монетами. Пальцы Ара. Сильные, надежные, умелые, талантливые, способные и нежно прикоснуться, и создать смертоносный пульсар. Его руки, которые были самой надежной в мире страховкой. И я решила: а почему это ворону можно меня дразнить, а мне его — нет?

— Ар, у тебя очень красивые руки... — с придыханием, копируя Алекс — лучшую подругу кузины и записную кокетку, — начала я. Судя по реакции карателя, чувств вложила даже с избытком.

Такого явного, таранного комплимента в лоб он от меня, похоже, не ожидал. Даже вдохом поперхнулся. Наверняка тут же вспомнил слова про влюбленное умертвие.

Я же выдержала паузу, чтобы Ар мог в воображении прокрутить все этапы традиционного соблазнения в стиле зомби: от последующей атакующей фразы в духе «да ты и весь целиком симпатичный» до прицельного прыжка на шею с криком «поцелуй меня, развратник!»

И лишь когда заметила, как напряглось его тело, готовое отразить нападение похотливого умертвия, в точности скопировав серьезный тон Ара, завершила фразу:

— ...они настолько красивые, что так и хочется сказать: положи кошель на место и задуши ими себя, не транжирь госбюджет!

— Уф... — с облегчением выдохнул Ар. — Я уже было испугался за тебя.

— Не за себя? — невинно уточнила я.

— За себя я бы порадовался: когда тебе на шею готова прыгнуть симпатичная девица — разве для эйра это повод для страха? — тут же нашелся этот невозможный... каратель, одним словом.

— Даже если эта девица не совсем живая?

— Тай, порою мне кажется, что ты хоть и мертвая, но живее всех живых.

Я подозрительно посмотрела на улыбнувшегося при этих словах ворона. У-у-у, оптимист. Позитива на него не хватает!

— Кстати, один-один, Тай. Ты растешь.

— Хорошо, что расту, а не прорастаю... — парировала я, вспомнив, как в ночь моей смерти, перед тем, как сесть в магомобиль, меня точно так же провоцировал ворон.

А ведь за эти пару дней, проведенных в компании карателя, я поднаторела в провокациях. Если так и дальше пойдет, то из меня получится ну очень язвительное привидение. А что? Поселюсь в каком-нибудь старинном замке или даже императорском дворце и буду по ночам доводить бродящих по коридорам полуночников: смелых — до комнаты, трусливых — до нервного тика. Причем не запугивая, а исключительно беседуя с ними и тем их беся.

— Тай, ты так загадочно улыбаешься, что я начинаю подозревать недоброе. Как минимум покушение или переворот. — Ворон прошелся по мне взглядом, словно почувствовав, о чем я думаю.

— Не переживай, я ещё не разу не осуществляла переворот, в этом деле у меня абсолютно нет опыта, — скромно ответила я, умолчав, что в покушениях на одного сына императора я уже практиковалась. Даже пару раз. — Моя улыбка — это просто улыбка.

— Женская улыбка порою подобна опасному оружию. — Ворон вскинул бровь.

— Ух ты, да значит, я тот еще охотник за головами! — сыронизировала в ответ.

— Из уст некромантки эта фраза звучит двояко...

Эти, казалось бы, невинные слова была произнесены тем особенным тоном, который не оставлял сомнений: со мной нагло флиртуют! Причем кто — гроза империи, верховный каратель.

— Зачем? — вырвалось невольное удивление.

Ару пояснений не требовалось.

— Мы не можем изменить прошлого, но в наших силах жить настоящим. Пусть мы и знаем, что радость эта мимолетна.

— Спасибо! — смутилась я.

А ещё я поняла, почему ворон выкроил эти пятнадцать минут: не для того, чтобы соблюсти какой-то там этикет. А чтобы я почувствовала себя живой. Хотя бы отчасти. Хотя бы на эти четверть часа.

— Поехали? — вместо банальных «не стоит благодарности» или «пожалуйста» произнес Ар.

Я лишь кивнула в ответ.

Спуск по лестнице, коридоры, ворота, урчание мотора — и вот магомобиль уже несет нас по вечерним улицам столицы. А там... суета Эйлы, переулки, в которых уже клубилась ночная тьма. Я посмотрела выше, для чего пришлось чуть нагнуться, сидя в пассажирском кресле, и увидела, как загорались огнями висячие мосты, что соединяли четыре башни храма Всех Богов. На холме устремил шпили в высь императорский дворец, словно пронзая облака.

Подумалось, что столица тем красивее, чем выше ты смотришь: под ногами серый камень мостовой, лужи, грязь. А в вышине — яркие огни, затмевающие звезды.

Магомобиль остановился рядом со скромной, но настолько элегантно-дорогой вывеской, что при виде нее у меня сжался кошелек. И неважно, что платила не я. Сжался. И точка!

— Прощу вас... — швейцар, что стоял на входе в модный салон, заученно приветствовавший посетителей, распахнул дверь, ничего не заподозрив.

А все потому, что на мне вновь была иллюзия. Ее перед выходом из отдела наложил ворон. Когда чары опускались мне на плечи, преображая мой вид, я поймала себя на мысли, что с каждым днем им придется скрывать все больше меня настоящей: это в первые сутки после смерти я была почти не отличима от живых. Но сейчас, когда начали отрастать острые когти, прорезаться клыки, а глаза наверняка светить красным... Да, с живой меня спутать становилось все сложнее.

Но очутившись внутри, я обо всем забыла: платья, стоившие целое состояние, шляпки, сапожки, ридикюли, броши — сверкающий рай для любой модницы. Здесь были светские доспехи на любой вкус: и откровенные, и утонченные. Женская броня, в которой эйра может смело идти в атаку: чтобы покорять мужчин или убеждать в своей добродетели.

У меня глаза разбежались. Правда, от ценников — еще и на лоб полезли. М-да... А потом я представила себе, как буду в длинной юбке с турнюром гоняться за преступниками и... решительно произнесла:

— Пойдем отсюда, — тихо прошептала ворону и передернула плечами: в салоне мы были не одни, и я то и дело ловила на себе заинтересованные, а порою и жгучие женские взгляды.

— Ты уверена?

Уже хотела прошипеть гадюкой решительное «да», как голос, раздавшийся за нашими спинами, заставил меня обернуться:

— Господин Верховный каратель? — чуть грассируя, произнесла эйра со столь широкой улыбкой, что искренности в ней очевидно не было ни унции: все силы ушли на растягивание губ, а на чувства — не осталось. — Ваша спутница — само очарование... Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Да, эйре Тайрин нужен наряд. Удобный, элегантный. У нас пятнадцать минут. Плачу тройную цену, — прозвучали четкие, рубленые фразы ворона.

Но если первые две модистка слушала дежурно улыбаясь, с прищуром из серии «мне на всё насрать», то последняя тут же преобразила эйру, прибавив ей враз десять единиц резвости и зоркости.

Она решительно тряхнула своими кудельками, подхватила меня под локоток и зашуршала юбками в направлении одного из стендов, таратора:

— Эйра Тайрин, как вам вот этот туалет? Или лучше муаровое платье? Или шелк? В этом сезоне в моде пастельный шелк...

— Мне такое, чтобы убежать было удобнее, — рассеянно произнесла я, сосредоточенная на

ощущении взгляда, который сверлил мне лопатки. Ворон остался позади изображать скучающего в дамском магазине мужчину.

— Простите? — Модистка даже сбилась с шага.

— Это вы меня простите. Ошиблась. Со мной такое бывает, когда не поем с утра, — я поспешила исправить ситуацию, правда, едва не испортила ее ещё больше. — Как говорится, ты не ты, когда холоден... Тьфу. Голоден, исключительно голоден!

— Может быть чашку горячего шоколада? — тут же изобразила заботу модистка, и ее накрашенные алой помадой губы расплылись в очередной улыбке.

Раздался звук дверного колокольчика, а после — исчезло свербящее ощущение меж лопаток, и я мысленно выдохнула и продолжила разговор:

— Не стоит. А у вас есть брюки? — я вернулась к теме одежды. — Я некромантка и...

Дальше объяснить я не успела. Дама вздернула наманикюренный пальчик вверх с фразой:

— Ни слова больше. Я вас поняла. — И утянула меня в угол. К манекену. Там, глядя на черные штаны тончайшей кожи, элегантные высокие сапоги со шнуровкой, корсет и блузу, я поняла: вот оно — платье моей мечты. И плевать, что это брюки!

— Только хочу сразу предупредить — шнуровка корсета очень жесткая. Если фигура чуть полноватая, то дышать может быть очень тяжело... Впрочем, это не про вас: с такой-то талией...

Я бы могла еще сказать, что кислород мне, как мертвию, не столь и нужен...

— И к этому комплекту могу предложить...

Тут же перед моим взором предстало то, что эйры носят на теле, а мужчины — в своих головах: комбинация. Легкомысленная, из тончайшего кружева. Она-то и притупила мою бдительность. Оглянуться не успела, как очутилась за ширмой в примерочном зале. В оном уже, как император на троне, в кресле со всем удобством расположился ворон. И пил шоколад. Дразнил, паразит!

Вот только когда я оказалась за раскладной перегородкой, то поняла, что корсет был рассчитан не просто на тонкую — а на прямо-таки осиную талию. По идее нужно было позвать помощницу, чтобы его затянуть. Для этого на столике даже имелся специальный колокольчик, но... морок мороком, а почувствовать на моем теле раны она могла. Поэтому я выглянула из-за ширмы:

— П-с-с, — словно подманивая кота, шикнула я на ворона, — нужна твоя помощь!

Ар, ждавший моего выхода, заинтересованно вскинул бровь и поднялся из кресла. Едва оказался в шаге от меня, стыдливо выглядывавшей из-за перегородки, как я поспешила пояснить:

— Я почти оделась, но нужно затянуть корсет. Шнуровка на спине. Поможешь?

Вместо ответа он шагнул за ширму. Вот только спустя минуту ворон обычный превратился в ворона ворчащего:

— Все же развязывать куда проще.

— Тяни сильнее, — шипела я, вставая как можно устойчивее: мне хотелось быть стройной и красивой. А женщина на пути к красоте может перенести такие муки, которые воину на поле брани и не снились.

— Если я дерну сильнее, то сломаю тебе ребра, — парировал каратель.

— А если не затянешь — сломаешь мою мечту. Я уже настроилась на этот корсет!

— Ладно, — сварливо, уже сожалея о том, что решил заглянуть в дамский салон, согласился ворон.

Он взялся за шнурки, я приготовилась к рывку и...

Ширма рухнула. Причем звук от грохнувшейся тонкой перегородки был ничуть не тише, чем от упавшей бы вдруг крышки саркофага. Каменного. Тут же сверкнула вспышка магокамеры, а зал наполнил густой туман от сгоревшего магния.

— Валим! — крик разлетелся по залу.

И следом за ним — еще один:

— Это будет сенсация!

— Репортеры, — выругался ворон, оставив шнуровку и на бегу создавая аркан.

— Тот, что с камерой, — мой!

Я и не подумала поступить, как приличествует даме в подобных случаях: присесть, обняв голову руками, и истерично, с испугом, завизжать. Именно этим, кстати, в основном и занимались другие клиентки модного салона.

Нет. Я, перепрыгнув упавшую ширму, устремилась за вороном.

Нам вдогонку полетел крик модистки:

— А заплатить?!

Ворон, не оборачиваясь, кинул кошель на звук. Уверенно так. Чувствуется, у него в подобных делах имелся уже немалый опыт, сноровка и тренировка...

Вслед ничего больше не кричали. Значит, точно. Попал. А в руки или в лоб, тем самым оглушив... Тут уж от ловкости самой хозяйки салона зависит.

Все это произошло за каких-то пару секунд, а затем мы очутились на улице. Вечерней, пропитанной суетой минувшего дня и еще не уснувшей. Народу было не то чтобы много, но и не мало. Ровно столько, чтобы репортерам оказалось удобно удирать. Я бы даже сказала, с комфортом: лавируя меж прохожих так, что ни пульсаром в них толком не запустишь, ни ловчей сетью. Обязательно кого-нибудь из горожан зацепишь.

Но проще уйти на тот свет, чем от карателя. А от некромантки — и подавно. Это мы и доказали, дружно припустив за новостниками. Вот только эти паразиты на ближайшем же перекрестке разделились. И если ворон помчался за плечистым малым в клетчатом кэпи, то мне достался ушлый и юркий голенастый пацан в невероятно широких и коротких бриджах, которые болтались на нем лишь на подтяжках и лживом слове. Именно лживом, поскольку честного у людей, чарографирующих эйру в неглиже, просто быть не могло!

И плевать, что я в момент съемки была почти одета! Сам факт!

В общем, я разозлилась. А пацан — оглянувшись и узрев эту мою злость — испугался.

Порою люди перед страхом смерти резко умнеют, кристально трезвеют, оказываются беременными кормящими матерями (причем — мужчины!), иногда — творят чудеса, а вот этот конкретный экземпляр — отрастил крылья. А я-то полагала, что оные у людей появляются только от любви, за спиной и эфемерно. А у этого репортера — от испуга, на пятках и весьма натурально.

На миг застыв на месте, словно выбирая, куда бежать, он развел каблуки башмаков в разные стороны, а потом с силой ударил ими друг об друга. Из-под подметок брызнул сноп искр, а пацан обзавелся двумя полупрозрачными небольшими винтовыми лопастями, которые напоминали сплетенные из мелких вихревых потоков жгуты. Взлететь в небеса на таких не взлетишь, но скорость можно набрать изрядную. Не хуже, чем на педальном бицикле, что был прошлым летом на пике моды.

В итоге репортер рванул с прытью, которой любой рысак бы на скачках позавидовал. Я неслась следом: улица, подворотня, проулок, закончившийся тупиковой стеной в два моих роста и горой мусора под ней. Вот только когда я добежала до одного места, то единственное, что увидела, — бриджи и крылатый ботинок, мелькнувшие на миг на краю каменной кладки.

— Да чтоб тебе стать после смерти учетным пособием у некромантов-первокурсников! — в сердцах пожелала я репортеру: пусть его каждую ночь поднимали бы, паразита. Мои новые сапоги. Новый костюм... И эта помойка. Но куда я денусь из пентаграммы? Догнать-то нужно!

Я взяла разбег, взлетела по мусорной куче и в прыжке ухватилась за край стены. Перемахнув ее, приземлилась кошкой. А когда встала, сдув со лба выбившуюся черную прядь, увидела пацана, ошарашено прижимавшего к груди чарограф. Видимо, он посчитал, что я не смогу преодолеть стену, и решил, что опасность миновала и можно перевести дух.

Новостник застыл на миг, тараша на меня изумленные глаза: ну да, благодаря мороку, внешне я выглядела почти приличной живой эйрой. Но двигалась-то как истинное умертвие. Причем очень голодное и кровожадное.

Его глаз нервно дернулся, руки вцепились в камеру с плафоном вспышки, а потом он развернулся и почесал от меня так, что только пятки с вихревыми потоками засверкали.

— Стоять! Бояться! — машинально выкрикнула я, вновь пускаясь в погоню. И ругая про себя этого

жизнелюбивого репортера. Еще одна улица, бульвар и... да этот паразит издевался!

Пацан, которого я стремительно нагоняла по прямой бульвара, завидев вывеску «Бестиарический парк», припустил к уже закрытым воротам и взлетел по чугунной ковке, точно обезьяна. Глядя на его кульбиты, я невольно подумала: интересно, зачарованные к полету ботинки выдали репортеру в редакции газеты или это его личное приобретение?

Впрочем, предаваться размышлениям было слегка некогда. Посему я и не подумала затормозить перед воротами — наоборот, прибавила скорости и второй раз за этот вечер занялась штурмом. Этак я скоро в деле покорения вертикальных поверхностей специалистом стану.

Вот только на самом вершине вышла накладка: зацепилась волосами за пику решетки. Капитально так. Настолько, что передо мной встал нелегкий выбор: оставить пацану несколько минут форы или свой скальп на воротах. И не то чтобы второе было для меня такой уж проблемой: дерни посильнее — и она решена. Но я же эйра! Посему ходить с настолько лысым черепом, что на нем нет не то что части волос, но даже кожи — это слегка неженственно.

Пришлось попрыгать, отцепляя локоны. Потом потратить еще пару секунд, выпрямляя ворота. Как выяснилось опытным путем, зомби, озабоченные своей внешностью, может слегка погнуть даже кованный штырь толщиной в палец.

А когда я очутилась среди вольеров, в которых квартировала нечисть всех мастей, то поняла: здесь хоть и много бестий, но гадов на одного больше! И этот один сейчас прячется где-то среди клеток и вечерних сумерек.

Словно прочтя мои мысли, подняла свои змеиные головы гидра и зашипела. Я ощерила клыки и цыкнула в ответ. Тварь аж подавилось своим «ш-ш-ш». Видимо, привыкла, что посетители парка ее боятся, а не пытаются взглядом завязать в узел. В итоге несколько дюжин ее голов раззявили пасти, в которых затрепетали раздвоенные языки, меня смерили взглядом больше полусотни вертикальных зрачков, и чешуйчатое тело медленно поползло прочь от прозрачной перегородки барьера, по которой нет-нет да и пробегали всполохи.

Я же двинулась дальше, пытаюсь среди теней найти затаившегося репортера. Ну, нет чтобы кинуть в меня своей чарокамерой и драпать дальше. Я бы отстала. Честно! Но пацану сенсация была, судя по всему, дороже жизни.

Я уже прошла почти все вольеры, перемежавшиеся живой изгородью. Впереди маячила стена, когда сбоку кусты затрещали. Успела вовремя обернуться, чтобы увидеть несущегося на меня гиппогрифа.

Тварь размером с лошадь, имевшая от той даже заднюю часть, с хвостом и подкованными копытами, остервенело щелкала клювом. Словно я была упитанной мышью, а она — полноценным, а не половинчатым грифоном, вознамерившимся сожрать полевку в моем лице.

Изображать тореро, размахивавшего тряпкой перед мордой твари, не то чтобы не хотелось, скорее не моглось: не было ни плаща, ни золотых эполет, ни, главное, места, чтобы нам разминуться. Да и «буйвол» имел неплохие шансы закогтить меня передними лапами.

Я оказалась зажата в угол: за спиной клином сошлись вертикальная стена высотой в четыре моих роста и стенка вольера. Впереди — разъяренный гиппогриф.

Гадать, кого нужно благодарить за выпущенную на волю бестию, не приходилось: в проломанном телом гиппогрифа дыре кустов мелькнули короткие ярко-желтые бриджи. Ну, паразит мелкий! Разберусь я с тобой. Вот только с этой крылато-копытной заразой пообщаюсь — и сразу же к тебе.

А средство для переговоров я выбрала самое верное. Лопату. Совковую. Она стояла прислоненной к кирпичной стене, рядом с мерцающим охранным амулетом вольера. Видимо, ее оставил уборщик. И благоухала она тем ароматом, который мил душе каждого садовода.

В итоге, едва клюв твари оказался от меня на расстоянии пары футов, я тут же потрогала ее морду лопатой. Нежно так, но от души. Черен не выдержал силы наших с гиппогрифом чувств. Правда, оные у бестии были гастрономического плана, а у меня — мстительного...

Совок лопаты на бреющем полете просвистел над кустами, а в меня взглядом вперились два налитых кровью глаза, без слов говорящих, насколько оскорбился гиппогриф. Глядя в его горящие алым зенки, успела подумать: кто сказал, что со смертью все проблемы заканчиваются? Врут, бессовестно врут! У меня именно после кончины начались мои самые большие неприятности! И одна из них сейчас готова меня сожрать!

Клюв щелкнул в какой-то ладони от моего носа. Благо, успела вставить меж раззявленной пасти осиротевший черен. Его гиппогриф перекусил спустя секунду.

Крак! И палок стало уже две. Не клюв, а капкан какой-то! Я увернулась раз, второй, а на третий поднырнула под эту пакость. Под самое брюхо, туда, где птичьи перья переходили в шерсть. И проскочила бы, но тут бестия вздумала загарцевать. Да как! Так и норовила, паразитка, раздавить меня своими здоровенными копытами или сцапать когтями.

А я... Я, чтобы не быть растоптанной, не придумала ничего умнее, как вцепиться в перья руками, а ногами сжать бока бестии. В итоге я оказалась висящим вниз головой умертвием под самым брюхом гиппогрифа, будто пляшущего джигу. Эта бестия не жалела сил, чтобы сбросить такой увесистый репей, прицепившийся к ней снизу, и скакала, то вскидывая зад, то поднимаясь на дыбы.

Мои волосы мели аллею, зубы стучали, а я про себя материла всех подряд: и бестию, и газетчика, и модистку, и ворона. Ворона — особенно. И все это — пытаюсь не упасть под копыта взбесившейся твари.

И если бы на этом мой позор кончился, то это был бы не позор — мелочь. Но Тайрин Росс и при жизни если уж садилась в лужу, то обязательно в самую большую. Даже если она была и не моя, а чужая.

Вот и сейчас... Гиппогриф поначалу бесновался, прыгая, припадая на лапы и в целом всячески показывая, что он не объезженная тихая скотинка, а дикий, свирепый — и вообще бестия! А под конец и вовсе эта тварь взмахнула крыльями, оторвалась от земли и начала взлетать. Именно в этот момент я вспомнила, что хорошо испуганная эйра — опаснее любого умертвия. И для начала как следует испугалась. Руки сами собой вцепились в пук перьев на груди твари с намерением не удержаться, а выдрать оные (причем вместе с ребрами бестии). Ноги сжались сильнее, чем тиски самого безжалостного корсета.

Еще миг назад это была злобная и неукротимая зверюга. А сейчас она взвыла так, словно ее свежевали заживо, заполошно захлопала крыльями и тяжело приземлилась на аллею. И... застыла как вкопанная.

А до меня с запозданием дошло, что такое поведение может значить только одно: я ее объездила! Не совсем традиционным, скорее уж — совсем нетрадиционным, способом. И в тот момент, когда мои руки и ноги разжались, вспышка полыхнула второй раз.

А я-то до этого думала, что позорнее чарографии, чем ворон, шнурующей умертвию корсет, придумать сложно. Ха! Да я была наивная, аки юная ведьма, которая думала тихо пройти мимо инквизиторского костра, но спалилась.

Впрочем, я не только думала, но и действовала: миг — и перекатом выбралась из-под гиппогрифа. Репортер, чье лицо торчало в дыре кустов, которую проделала бестия, едва успел отнять чарограф от лица, как я бросилась на него.

На этот раз погоня получилась недолгой: всего несколько футов, закончившихся провальным... пардон, повальным поражением противника. А все потому, что не нужно быть жадным на сенсации!

— Вы не имеете права! Это произвол! Я представитель свободной прессы! — вопил пацан, когда я отняла у него камеру.

Впрочем, как оказалось, шелкнувший рядом с вопящим лицом новостника клюв гиппогрифа действует столь же эффективно, как и заклинание немоты.

Я же откинула заднюю крышку чарографа и поняла: нарвалась на профессионала. Пусть это и был голенастый пацан в желтых бриджах. Умудриться снять нас с вороном в таком ракурсе — это талант. После одного лишь взгляда, брошенного на чарографию, у зрителя не могло остаться сомнений: мы заняты отнюдь не затягиванием корсета.

Я отчего-то слишком близко прижалась к ворону тем местом, на котором спокойные люди сидят, а активные — ищут на оное приключения. Каратель же в свою очередь стоял с запрокинутой головой. А его руки были на уровне моей талии.

Вспомнила, что Ар как раз в этот момент дернул завязки, затягивая корсет. Я пошатнулась. Этот-то миг и запечатлел новостник, отчего казалось, что наши тела дергаются на зацикленной чарографии. И вполне себе ритмично.

Но главное: морок на изображении развеялся. На снимке я была не милой живой эйрой, а умертвием. Умертвием, в котором Нарн наверняка узнает свою кузину, Тайрин Росс. Да и не только она.

Именно этого я испугалась больше, чем любой светской сплетни о личной жизни верховного карателя. И сейчас безжалостно рвала снимок на мелкие кусочки. Со вторым, на котором я апробирую новый метод укрощения гиппогрифов с риском вызвать вывих мозга у зрителей сего

процесса, поступила точно так же.

Все то время, пока я вершила цензуру, объезженная бестия стояла рядом с нами. Подозрительно преданно так стояла. Бдила, как бы репортер лишний раз не то что не шелохнулся — не вздохнул.

А когда закончила и протянула обиженному парню его камеру, то...

— Знаешь, такие таланты, как ты, думаю, пригодятся в отделе карателей.

— Чего? — Вылутился парень, а потом, приняв гордый и независимый вид, вздернул нос и отчеканил: — Свобода слова не продается!

— Не путай свободное слово с одичавшим, — парировала я. — Вторгаться с полпинка в личную жизнь — это дикость.

— Дикость для эйры — это губить результаты моих трудов...

Он не договорил, а я уцепилась за это его «эйра». Не умертвие! Значит, он ещё не понял, кто перед ним. Может, у него возникли подозрения, но я для него была все же живая, а не мертвая. Я перебила пацана:

— Прежде чем губить, я оценила. — Вскинула бровь. — Именно поэтому предлагаю тебе и твоему таланту достойное применение. И не в бульварном новостном листке.

Развернулась и, более не говоря ни слова, пошла прочь. А за моей спиной слышался цокот. Вот ведь настырный гиппогриф. Увязался следом!

Впрочем, дойти до ворот я не успела. Они медленно открылись, повинувшись пассу ворона, стоявшего за кованой оградой. Каратель оказался рядом как-то невероятно быстро. И вроде не бежал навстречу, а все же... Глазом моргнуть не успела — и он рядом.

— Далеко же тебя занесло. Ты его догнала?

На эти два вопроса я ответила в истинно цвергской манере: задав третий.

— Как ты меня нашел?

— Следилка. И да, того молодчика-репортера я и догнал, и успел с ним побеседовать. Нахвостникам кто-то из посетителей салона услужливо сообщил о том, в каком салоне я покупаю этим вечером платье своей новой любовнице.

Мне при его словах вспомнился прожигавший спину взгляд. Не зря меж лопаток свербело. Ар же с подозрением скосил глаза на переминавшегося с ноги на ногу рядом гиппогрифа.

— Я тоже и догнала, и пообщалась, и пригласила к тебе в отдел поработать...

— Прости? — Ворон после последних моих слов даже чуть сбавил шаг.

— Он оказался до жути талантливым малым... К нему стоит присмотреться.

Пришлось пояснить, в чем именно талант пацана. Ну, кроме удирательного. И как только я закончила свою речь, то подумала, что начинаю мыслить, как Арнсгар, который дарованиями не разбрасывается.

Ворон словно понял меня без слов. Просто сделал шаг, оказавшись непростительно близко, и положил руку мне на плечо, приобнимая. И тут же сбоку послышалось шипение гиппогрифа.

— Тай, я все понимаю, — глядя не на меня — на эту бестию, начал ворон. — Но я выпустил тебя из поля зрения всего на каких-то десять минут. Как ты за это время умудрилась приручить реликтового дикого Нолькинского гиппогрифа?

— Я испугалась и... нечаянно его объездила....

— Так это ты с испуга укротила зверя, который, считалось, приручению не поддается? — подозрительно уточнил Ар.

— Да я же говорю, что не нарочно!

— Тай, я даже боюсь представить, что ты можешь сотворить не нечаянно, а специально, — с самым серьезным видом заявил каратель.

Мы с гиппогрифом синхронно фыркнули.

— Знаешь, не хочу быть сирином, принесшим дурную весть, но ему придется остаться тут.

Зверь возмущенно заклекотал.

— Будешь вести себя хорошо, она завтра тебя навестит, — строго, будто учитель в школе, произнес ворон, обращаясь к бестии. — А сейчас нам с Тай стоит все же наведаться по очень важному делу к офицеру Эйроу, пока не наступила глубокая ночь.

Удивительно, но мне показалось, что гиппогриф все понял. И даже величественно развернулся, показал нам свою корму и потрусил в сторону вольеров. Туда, где остался газетчик.

Впрочем, ворон не был бы вороном, если бы по — альвийски тихо и, не прощаясь ни с кем, ушел из бестиарического парка, оставив тот с открытыми воротами, гарцующим меж аллея гиппогрифом и не оплатившим вход репортером. Нет. Каратель привык наводить порядок.

Сдается, Арнсгар даже собственные роды держал под личным контролем, повитух — в нервном напряжении и вообще начал отдавать распоряжения, еще не появившись на свет!

Вот и сейчас каратель достал кристалл связи и по — военному отчеканил приказы касательно репортеров и парка. И лишь после того, как закончил, обратился ко мне, подставляя локоть:

— Прошу.

Я изогнула бровь в светской манере, поддерживая игру.

— Благодарю вас, господин каратель, — ответила я ворону в лучших традициях архитектора-окулиста: строя глазки и хитро улыбаясь. А затем добавила: — Итак, после того как инцидент со снимками исчерпан, можно ехать к Эйроу?

— Тай, не стоит забегать вперед: арбалетному болту легче всего вписаться как раз меж лопаток.

— Что ты имеешь в виду? — сбилась я с тона утонченной воспитанности.

— Лишь то, что я бы перед тем, как заходить к последнему подозреваемому, спрятал в рукавах пару метательных звезд.

— Еще одну? — удивилась я, справедливо полагая, что ворон и так вооружен.

— А ты, оказывается, меня уже хорошо изучила, — он плутовски улыбнулся.

— Конечно! Мы же разделили с тобой ложе прошлой ночью, — тоном оскорбленной ведьмы возмутилась я.

— Скорее — разнесли вдребезги, — припомнил ворон то, как эпично в Кейше его кровать после ночной гонки брызнула щепками от пульсара ренегата.

— Как умею, так и делю постель, — ничтоже сумняшеся парировала я.

Именно в этот момент мы подошли к магомобилю, который так и стоял припаркованным у модного салона. Том, что четверть часа назад здесь произошел чарографический конфуз, не говорило ровным счетом ничего. Ну, кроме вытянувшегося лица швейцара, который при виде нас с вороном нервно дернул глазом.

Подозреваю, что, пропустив в модный салон репортеров, за эту свою оплошность он дорого поплатился: деньгами из жалования, нервными клетками из организма и красотой смазливой физиономии, на которой расцвел след от оплеухи.

Это я отметила машинально, садясь в магомобиль.

Замелькали улицы и проспекты района Голубой Ягоды. Моего любимого места в столице. Для меня это было сердце города. Не рыночная площадь и район Брокеров, не квартал Кристаллов, где царствовали журналисты и маги-искусники. Именно Ягода с ее зданиями прошлых столетий.

Тогда строили пусть и так же, за деньги, но при этом вкладывая душу. Даже жилые дома и мануфактуры. И это чувствовалось. В ныне старомодных и вычурных фасадах, стрельчатых окнах, резных вывесках.

Именно здесь и жил Густав Эйроу. Мы подошли к входной двери, рядом с которой висел латунный колокольчик — ещё одна деталь минувшей эпохи. Ворон уверенно дернул за шнурок, и за дверью послышались быстрые легкие шаги.

Минута — и дверь распахнулась, явив нам белокурое создание. Девушка, напоминавшая

фарфоровую статуэтку, стояла на пороге и приветливо улыбалась. Только улыбка эта была странной, хоть и доброй: почти бескровные губы на алебастровой коже, синяки под глазами — все, вкупе с болезненной худобой, наводило на мысли о недуге.

— Добрый вечер! Вы, верно, к папа? — сделала она ударение на последнем слоге на старинный манер.

— Добрый вечер, эйра Адель, если не ошибаюсь? — ворон сделал паузу, позволяя девушке подтвердить его догадку.

— Да, верно.

Она слегка растерялась и машинально прикрыла рукой и так целомудренное декольте домашнего батистового платья.

— Вы весьма проницательны, эйра Адель, я к вашему отцу. Вы позволите войти?

— Ах да, конечно, — она спохватилась и, посторонившись, пропустила нас в прихожую, а затем и в гостиную.

— Я сейчас позову отца.

Адель чуть склонила светлую голову. В отблесках магических светильников когна ее волнистых белокурых волос точно светилась, создавая как ореол вокруг ее лица. На миг меня посетила мысль, что именно с таких дев художники некогда рисовали лики богинь.

А затем зашуршала юбка ее платья, и девушка покинула нас, чтобы явиться уже с отцом, карателем Эйроу.

Офицер походил на дочь разве что фамилией. Высокий, мощный, не человек, а гора. С налысо выбритой макушкой и суровым взглядом.

— Господин Верховный каратель? — вместо приветствия произнес хозяин. И в этой одной фразе было столько эмоций...

— ?устав. Нам нужно поговорить. Наедине. — Ворон бросил выразительный взгляд в сторону девушки. — Я не хотел вызывать тебя в отдел, потому решил заглянуть лично.

— Да, конечно. — ?устав поджал губы и, накрыв пальцы одной руки, на которой что-то блеснуло, второй своей ладонью, обратился к дочери. Удивительно: его хриплый голос стал мягче, словно при взгляде на Адель он оттаял. — Солнышко, развлеки пока нашу гостью.

— Да, конечно, только подам чаю. — Она кротко улыбнулась отцу.

— Вы можете сделать это с Тай. Она отлично готовит.

«Яды», — мысленно закончила я за ворона. Впрочем, последнюю фразу он произнес столь невозмутимо, что незнающий не смог бы заподозрить его в том, что о последнем, и главном, слове? р бессовестно умолчал.

Делать нечего, пришлось идти следом за Адель на кухню, изображая живейший интерес — в точности с поговоркой: как хорошо, что эйра выразила согласие, потому что все равно пришлось бы. За неспешным пасьянсом печенья по тарелке, завариванием собственно чая и нарезкой сладостей я невзначай заметила:

— Отец, судя по всему, очень вас любит, эйра Адель.

— О да. Папенька души во мне не чает. После того, как умерла моя мама, он окружил меня заботой. — Ее руки на миг замерли над чайником, а затем она добавила, меняя тему: — Вы какой чай предпочитаете?

— Трын-травовый, — я решила поддержать Адель в ее уходе от щекотливой темы. — Это фирменный некромантский. Очень помогает перед практическими занятиями.

— Ни разу о таком не слышала. Он придает сил и энергии перед учебой? — Она повернулась ко мне. На ее лице было написано искреннее любопытство.

— Скорее не энергии, а здоровья. Выпьешь его, и все тебе становится трын-трава, а тело наполняется здоровым чувством пофигизма! И ты понимаешь, что зачет тебе как-то безразличен. Главное — выжить. Ну и, само собой, становится гораздо легче удирать от восставших мертвяков, если что-то пошло не так.

— Интересно. — Адель улыбнулась. — А из чего он состоит?

— Скорее из чего не должен. — Я назидательно подняла палец, припомнив собственный неудачный опыт: — Главное, не перепутать мяту и ромашку с разорви-травой... Ну, или иметь пару запасных заварочных чайников, — заключила философски.

Как выяснилось, у Адель имелись и запасные чайники, и энтузиазм. Последнего — с избытком. В итоге получился фирменный некромантский чай, в котором соседствовали мята, липовый цвет, гибискус, сушеная груша. А потом я вспомнила, что ворон пьет кофе с солью и перцем, и бросила в чайничек по щепотке и того, и другого. Ару должно понравиться.

Вот только когда Адель протянула руки, чтобы взять поднос, она на миг замерла, а ее лицо побледнело ещё больше, отдав откровенной покойницкой синевой, а потом девушка начала падать. Я едва успела ее подхватить. Хотела было ринуться, чтобы позвать Ара с хозяином дома, как Адель бескровными губами прошептала:

— Всё в порядке, не беспокойтесь. Это у меня обычный приступ.

Спустя пару минут она и вправду пришла в себя, словно ничего не было. И под моим пристальным взглядом пояснила:

— Проклятие трепетного сердца. От него умерла мама. Но оно досталось ей, когда она была беременна, так что и мне... перепало.

— А снять? — удивилась я.

— Оно из вечных. Не поддается. Целитель сказал, что я смогу с ним даже дожить до глубокой старости, главное — не волноваться. Поэтому я и стараюсь... — Она смущенно улыбнулась. — Но иногда бывает вот так, резко прихватит на секунду-другую и отпускает. Без видимых причин.

Адель сглотнула и встала со стула, на который я ее, смертельно бледную, посадила.

— Все уже прошло, не стоит беспокоиться, — постаралась заверить она меня. — Давайте лучше пойдем в гостиную. Чай наверняка уже заждались.

Мы вошли ровно в тот момент, когда тело Эйроу обвивали потоки магической клятвы. Зрелище было завораживающим. Жгуты огненного ветра переплетались змеями, распускались цветками пламени.

— Папа? — Адель замерла, так и не переступив порога комнаты.

— Дочка, всё в порядке, — поспешил успокоить ее отец, вскакивая. — Это обычная формальность.

— Не желаете ли чаю? — подхватила я его фразу, не давая упасть напряженной тишине и уводя девушку от тонкой, как первый лед, грани испуга.

— Да, с удовольствием, — закивал Густав, вокруг тела которого истаяли последние отблески силы.

А дальше было самое необычное из всех чаепитий, на которых мне доводилось бывать. Создавалось впечатление, что на обоих карателей разом накинута голод: один держал в каждой руке по конфете, второй — дольку яблока и печеньку. Так что взять в руки чашку ни Ар, ни Густав не могли. Но при этом оба нахваливали тонкий букет напитка.

Причем каратель Эйроу, видимо, не привыкший долго рассусоливать за трапезой, смакуя сдобу по крошке, то и дело прикладывался в вазочке с выпечкой. Его внушительная мозолистая длань периодически ныряла в нее. При этом блики от единственного кольца, которое красовалось на среднем пальце правой руки офицера, нет-нет да били мне в левый глаз. Я даже прищурилась, чтобы лучше разглядеть эту пакость.

Это была магическая печатка, на которой неизвестный мастер выгравировал профиль белого волка, скалящего пасть. Изображение искрилось заговоренным серебром в лучших традициях артефакта, предупреждая хозяина о том, что где-то поблизости обретается нежить.

Но Эйроу делал вид, что решительно этого не замечает: ну правда, не мог же начальник и друг притащить к нему в дом умертвие? А если и привел — значит, опасности от оного нет: оно наверняка подчиненное и вообще давно одомашненное и ручное. Но под конец хозяин все же не выдержал и повернул печать украшения к тыльной стороне ладони. И с удвоенным рвением стал нахваливать чай.

Зато?дель, не проронившая ни слова, порозовела. Ее алебастровая кожа на щеках расцвела румянцем. Вот что значит правильная заварка! Я же невозмутимо сделала очередной глоток теплого напитка, когда ворон произнес:

— Благодарю за чудесный чай, — при этих словах ворона хозяин дома отчего-то закашлялся, — но нам пора. Доброй ночи.

Эйроу, внезапно подхвативший чахотку, выпрямился и, проводив нас до дверей, попрощался.

Как только захлопнулась дверь, я выпалила:

— Он невиновен?

— Что было в чае? — синхронно со мной произнес Ар и внимательно посмотрел на меня.

— Мята, липовый цвет... — начала перечислять я и добавила в свою защиту: — И вообще, он приготовлен с душевным теплом! Так он невиновен?

— Да, он непричастен. — ответив на мой вопрос, ворон поджал губы и добавил: — А касательно заварки... Она по ощущениям не просто с теплом приготовлена, с горячностью. Такой, что даже ошпарить может. Интересно, в какой преисподней собирали эту мяту? Она жжется так же сильно, как само пламя бездны.

А я поняла, что, видимо, третья столовая ложка красного молотого перца на заварочник все же была лишней. А еще: если сердце у Адель и слабое, то выдержка — совсем наоборот. Оной может позавидовать даже матерый наемник.

В общем, как-то неудобно вышло. Опять.

— Так что получается? Если трое поклялись и оказались невиновны — значит, пособница Рунур — лейтенант Майнок?

— Не факт, — возразил ворон, пробуждая в недрах магомобилия элементаль. Мотор заурчал, и магомобиль плавно тронулся с места.

— И что теперь? — задала я вопрос, готовясь услышать что-то в духе «начнем всё с начала».

— Теперь — самое трудное. Ждать. На всех четверых я повесил следящее заклинание. Кто-то должен проколоться.

— Но если есть ещё кто-то? Пятый?

— Исключено, — уверенно ведя магомобиль по уже опустевшим улицам столицы, произнес ворон и подавил зевок.

А я подумала, что за те несколько дней, что я его знаю, Ар спал всего пару часов. И наверняка сейчас держится на одном своем упрямстве. Ни какой бодрящий эликсир столько не работает.

Ворон же, не подозревая о ходе моих мыслей, продолжил:

— «Уста верности» невозможно обойти.

— И что это тогда значит? — я недоумевала.

— Лишь то, что для того, чтобы витраж сложился, не хватает одного соколка. И я хочу понять — какого.

— Ар. — Я серьезно посмотрела на него. По лицу карателя пробежали тени от домов, фонарных столбов, мимо которых мы проезжали. — Иногда, дабы найти этот самый фрагмент, нужно просто чтобы глаза были не уставшими.

— Возможно, ты и права... — согласился ворон, резко вырубивая в сторону.

Элементаль под капотом недовольно заурчал, а мы помчали прочь от уже показавшегося впереди отдела карателей.

— Пару часов, думаю, стоит подремать.

— Вот это верная мысль! Не всё же работать на износ. Иногда стоит на износ и поспать! — причем последнее я заявила истинно в манере вороны: с абсолютно серьезной миной.

— Кстати, раз уж речь зашла о сне... Пока ты выбирала наряд, я позволил сделать себе подарок.

— И какой же? — любопытствовала я.

— Приедем — увидишь. Его должны скоро доставить. — Он хитро улыбнулся и загадочно замолчал, гад!

Надо ли говорить, что после такого заявления остаток пути я провела в нетерпении. Ну, прямо не взрослый приличный зомби, а ребенок в ожидании праздника рождения нового рода.

Когда же мы оказались дома, то я первым делом отправилась в ванную. Причем двигало мною желание не только и не столько принять душ, сколько посмотреть на себя в зеркало. Правда, перед этим был сеанс снятия корсета. По эпичности оный даже превзошел шнуровку. А все оттого, что ворон в спешке как-то сильно дернул ленты. Половинки корсета сошлись, активировались чары, закрепляющие шнуровку в таком положении, а сами ленты завязались в мудреный узел.

Его-то и попытался развязать ворон. Сначала просто руками, потом — заклинанием и под конец предложил его разрезать.

— Тай, знаешь, — пропыхтел он, пытаясь уже зубами растянуть узел, — в своей жизни я вязал разные узлы: морские, альпинистские, вязал преступников и даже лекарские швы. Но скажу так: все они не идут ни в какое сравнение с вот этим.

— Просто заклинание заело, — попыталась оправдаться я. — Зато теперь ты знаешь, какие чары накладывать, чтобы преступник точно не смог выпутаться из веревок....

— Угу, — пропыхтел ворон.

А потом я почувствовала, как в груди и талии становится свободнее.

— Всё! — с облегчением произнесла я, и я наконец-то смогла уединиться в ванной.

А когда глянула в зеркало, то... В общем, хорошо, что я вовремя покинула отчий дом. Изображать живую через несколько суток после смерти без морока я бы не смогла. Это точно. Хотя, кто же знал, что мое активное бессмертие так затянется?

Пока я принимала душ, услышала, как зазвонил колокольчик. Один раз, спустя некоторое время — сызнова. Завернувшись в белоснежный халат карателя, который доходил мне до щиколоток, я вернулась в гостевую спальню, где рядом с картонной коробкой стоял ворон.

— А вот и мой подарок... — хитро улыбнувшись, произнес он, указывая на коробку из модного салона. — И я, как приличный эйр, пожалуй, пойду к себе...

— А если ты неприличный? — с подозрением уточнила я, уже поняв: что-то с этим презентом не то.

— Как неприличный — тем более. Знаешь ли, я еще жить хочу, бессовестно долго: хотя бы еще лет десять, ну или до завтра. — Он выставил руки перед собой и быстро добавил: — Видишь ли, я выбрал для тебя тот наряд, который бы не оставил у светских сплетников сомнений в роде наших отношений.

И тут до меня дошло, что лежит в коробке.

— Ах ты... — Я схватила подушку и метко запустила ею в Ара.

Подлец виртуозно увернулся, словно всю жизнь тренировался, и ловко ускользнул за дверь. А я осталась в спальне, держа в руках второй «метательный снаряд». Первый разорвало об косяк, и вокруг кружили его перьевые осколки. А я вспомнила свое детство.

Когда мне было пять, в нашем доме появилась Нари. Она мне казалась тогда жутко серьезной. Но в один из дней, когда отец пришел вечером домой, кухня радостно заявила, что научила меня кидаться подушками. На закономерный вопрос папы «зачем?» она жизнерадостно пояснила: «Ну а что? Жизнь у Тай длинная, не раз пригодится!» Нари как в воду глядела. Вон, даже после смерти ее наука понадобилась.

Отложив уже бесполезную подушку, я все же подошла к коробке и открыла ее. Так и есть! Шелковая пижама, не оставлявшая ну никакого простора для воображения. Но самая пакость была в том, что вещица оказалась ну до безобразия красивой. Я таких никогда не носила. И что удивительно, по цвету она подходила к той комбинации, которую я сама выбрала в модном салоне.

Решено! Ворон не прощен, но снискал пощаду. Я отложила «вещдок для светских сплетниц» и выглянула в темный коридор. Там, в его глубине, виднелась полоска света из-под двери ванной. Судя по всему, я мылся. Что же, не буду мешать. Помилую позже.

Интересно, а его комнату уже отремонтировали или он будет ночевать в моей кровати, как и накануне? Сама я, как умертвие, дремать ну совсем не хотела, справедливо полагая, что выплюсь в гробу.

Задумавшись об этом, я вошла в еще более темную гостиную и... споткнулась на полном ходу. Полетела носом вперед бороздить просторы ковра.

Вот как так! Догонять преступников, преследовать репортеров, удирать от убийц, показывая чудеса ловкости, — и навернуться на ровном полу гостиной! Это может только Тайрин Росс!

На грохот из ванной комнаты тут же вылетел?р, в мыле, пене и полотенце. Хотя, как по мне, полотенце тут было лишним. И так в темноте толком ничего не видно.

— Сентар! — выкрикнул ворон, призывая заклинание света.

Гостиную тут же озарило мягкое сияние.

— Что произошло? — Ар озираясь по сторонам, словно ища убийц, притаившихся за шторами.

— Да ничего особенного, — фыркнула я, переворачиваясь на спину, и продекламировала фразу эйра Морриса, слегка ее подкорректировав: — Звезды могут загадывать желание. Я упала.

— Уф! — облегченно выдохнул ворон, помогая мне подняться.

А я все пыталась отвести взгляд от полотенчика. Чем-то оно меня заинтриговало. Наверняка рисунком. Да, точно! Исключительно рисунком. Когда же я наконец встала, узрела то, обо что споткнулась.

Это был гроб. Красивый такой, и цвет приятный, кремовый... «Как раз подойдет к комбинации и пижаме», — отметила я машинально.

— Вот, как и обещал! — Ар указал рукой на новый предмет интерьера гостиной.

— Обещал? — подозрительно уточнила я у ворона в пене. Во мне меж тем росло желание как следует намылить ему шею. И не в ванной. И даже не мочалкой! Я тут калечусь почему зря, а он радуется...

— Ну, я же утром пообещал тебе новую сковороду, чемодан и гроб, — напомнил он о разговоре, который, по моим ощущениям, состоялся не сегодня, а полторы тысячи лет назад. Причем полторы тысячи не современной эры, каменных драконов, а до нашей эры, когда ящеры еще не спали, а морои — активно плодились и размножались, а не вымерли. — И вот, как истинный эйр, сдержал слово.

— Мы остановились на склепе! И это было не обещание, а торги в лучших традициях цвергов — и с шантажом, и с подкупом. Разве что обошлось без тайной беременности и истерики. — Я обличительно ткнула перст в мокрую грудь. Жест вышел ну очень выразительным — словно я не перстом указала, а стилет приставила. А все из-за острого когтя, который за этот день отрос еще сильнее.

Ворон опустил голову, задумчиво глянув на острие. Повисла пауза, в которой был слышен отчетливый стук капель, стекавших с Ара и ударявшихся о паркет. Наконец ворон сглотнул. Дальнейшие его слова были произнесены отчего-то хриплым тоном:

— Я думал, что они не должны быть такими длинными. Это необычно. Весьма необычно, — с этими словами он начал рассматривать мои пальцы. Его не смущало ни то, что он скорее раздет, чем одет, ни гроб, лежащий рядом.

А я оценила, как?р виртуозно ушел от темы. Вырвала руку.

— Я вообще вся нетипичная. Ни для девушки, ни для умертвия! У меня, как выяснилось, случаются даже перепады настроения. То я злюсь, то падаю духом в не подходящих для этого местах... — Я выразительно обвела гостиную взглядом, остановившись на гробе.

— Тай, тогда скажи мне, раз у тебя такие перепады настроения, как мне сейчас лучше поступить: попытаться объяснить, что гробницу ещё строят, или просто не трогать тебя и тихо улизнуть обратно в ванную?

— Да, — буркнула я.

— Я так и знал, — тоном «понял то, что ни демона не понял» буркнул себе под нос ворон и выбрал третий вариант.

— Тай, мой гувернер меня учил, что перед девушкой стоит извиняться в двух случаях: если ты совершил ошибку и всегда. Поэтому — прости меня. На всякий случай, прости три раза.

И не дожидаясь моего ответа, тут же добавил:

— Но с ногтями — это действительно странно. Да и целителя в палате ты явно заинтересовала... Он увидел в тебе что-то необычное для зомби. Надо выяснить, что именно.

— Ар, у тебя прямо талант, — едко заметила я. — Ты так извиняешься, что хочется тебя убить. Хотя до покаяния такого желания почти не было.

— Талантливый человек талантлив во всем. В том числе и в умении бесить, — философски, признавая свою гениальность, согласился Ар.

— В этом ты не просто талантлив: тебе нет равных! — выпалила я в состоянии «еще немного — и в этой комнате будет два трупа, а не один».

— О да, а еще я отлично хмурюсь и достаю книги с верхних полок, — продолжил этот бессмертный.

— А я улыбаюсь и могу просто уронить стеллаж. Даже если он прибит к стене. Намек понятен? — Я выразительно изогнула бровь и оскалилась острыми клыками.

— Вполне, — незнамо чему улыбнулся Ар и, сменив тему разговора, добавил: — Кстати, мою спальню отремонтировали, так что гостевая комната в твоём полном, единоличном распоряжении.

— Спасибо, — я хмыкнула, вспомнив пух и перья от разорванной подушки, ныне устилавшие пол в гостевой.

— Спокойной ночи, — так и не поняв моего скепсиса, пожелал ворон и отправился в ванную. А я устала на гроб. Симпатичный такой, ровно под мои размеры. И мягкий к тому же... Ладно, соглашусь на него, если склеп, со слов ворона, не готов. Да и не нужна мне эта усыпальница особо. Так, скорее из принципа.

А когда я очутилась в своей комнате, то поразилась тому, насколько там прибрано. Судя по всему, в мое отсутствие сработало очищающее заклинание.

— Ну-с, посмотрим, что это за пижамка, — протянула я, беря в руки невесомый шелк и кружева. Спать не хотелось, но это же не повод не примерить изящную вещицу, пусть она и исключительно для сна? К тому же я в жизни таких ни разу не носила, так хоть в смерти надену.

Покрутилась в весьма фриловых шортиках перед постелью, а потом решила прилечь. Ну правда, что ещё делать в пижаме умертвию в полночь? Вот только едва я оказалась на краю кровати под одеялом и попыталась повернуться — тут же вцепилась в подушку, почувствовав себя гусем, очутившимся на льду и едущим демон знает куда!

А все потому, что это шелковое недоразумение на мне было не просто скользким, а жутко, невероятно, гадски скользким! Я не грохнулась на пол лишь благодаря ловкости, силе и мату. Последний вырвался произвольно, но, как по мне, сыграл в торможении шелковой пижамы о шелковую же простынь решающую роль.

Я замерла на самом краю постели, боясь шевельнуться. Зато теперь ритуал страстного срывания одежды, который так ярко описывают в дамских романах, виделся мне в слегка ином ключе. Я заподозрила, что мужчина, оказавшись с эйрой, облаченной в подобную пижамку, в одной постели, норовит побыстрее сорвать с дамы эти тряпки не от снедающих его чувств. Нет. Страсть тут ни при чем. Это просто тактика: чем меньше партнерша напоминает осклизлый обмылок, тем ее легче поймать, удержать и полюбить.

С такими мыслями я осторожно встала с кровати.

ГЛАВА 8

Дом спал, погруженный в тишину. Мне же хотелось узнать: каково это — лежать в постели в пижаме, которая стоит больше, чем сумма всех моих стипендий за пять лет учебы, при этом не рискуя ежесекундно грохнуться с кровати. Решение пришло неожиданно. Гроб!? что? У него бортики — не упаду. Опять же мягкий, уютный...

Спустя пару минут в тишине коридора раздался скрип. Не то чтобы громкий, но выразительный. Я пыхтела и тянула домовину по полу. Она оказалась тяжелой. Зверски. Словно создавшие его пытались сделать последнее ложе не столь красивым, сколь надежным. Чтобы тот, кто в него попал, точно не выбрался. Одна крышка весила как два мешка с алебастром, не меньше. Я вспомнила, как отец, затеявая новую статую, перемещал оный исключительно магией. Поскольку поднять то, что тяжелее тебя в три раза, — слегка проблематично. Скорее, если ты решишь закинуть на закорки такую тяжесть в одиночку, это она поднимет тебя. На небеса. Наверняка и ворон этот гроб левитировал в гостиную.

Но вот мне, скромному умертвию, магия была недоступна, поэтому я скрипела: и зубами от натуги, и домовиной о паркет. Да уж... когда я покину этот мир окончательно, то, чую, в последний путь меня будет провожать дюжина носильщиков, не меньше. И они как никто, будут на своих плечах ощущать тяжесть моей смерти.

Спустя каких-то полчаса я втащила свою новую кровать в комнату и смогла выдохнуть. А потом — и прилечь. И о чудо! Я наконец узнала, каково это — лежать в постели в шелковой пижаме. И пусть по периметру сего ложа были высечены руны беспробудного сна, изгнания бесов, отворота — в общем, сделано все, чтобы, даже если покойник и был при жизни тем еще упырем, пившим не кровь, а исключительно душевные силы, когда ему пришла бы эта дорогая крышка столичных мастеров, обратиться из-под оной он бы не смог. Но меня, некромантку, подобные мелочи не смущали.

Мне было мягко, удобно и... Сон подкрался как-то незаметно, сам собой. Я погрузилась в него, как в теплую ванну, наполненную пеной и источающую аромат жасмина. Казалось, только что смотрела на затейливый рисунок обоев комнаты и думала о вороне, ренегатах, своей семье да и обо всем, случившемся сегодня, а в следующий миг я, обнаженная, стояла по пояс в прозрачной озерной воде. Живая. Полная сил. Все чувствующая. Без отметин и шрамов, острых когтей и бледной кожи.

Я была свободна. Абсолютно. Безмерно. Могла позволить своему телу, мыслям делать все, что им заблагорассудится.

А ещё в моем сне был Ар. Из всех, о ком я думала, смежая веки, во сне почему-то оказался только он. Причем даже без полотенчика, которое мне так запомнилось. И даже пеной не прикрылся!

— Ты пришла, Тай. — Его чуть надтреснутый голос завораживал.

Ворон, стоявший, как и я, в озере, сделал шаг ко мне, отчего по водной глади пошла рябь.

Не хотелось думать ни о чем, просто прикоснуться к его влажной коже, ощутить его тепло под своими пальцами. Это же сон, всего лишь сон... И я потянулась к нему навстречу, глядя лишь в его разноцветные глаза, которые лихорадочно блестели.

Его ладонь легла на мое плечо, притягивая меня, не давая возможности отстраниться от его каменного тела. Мы пили эти мгновения, наслаждаясь ими, как самым дорогим вином, которое пьянит голову одним своим ароматом предвкушения, наполняет кровь жаром, что разносился по венам, проникая в легкие пламенем, опаляющим изнутри так, что нечем дышать.

Ар выдохнул, судорожно, словно сдерживаясь. В его взгляде за клубилась предгрозовая чернота, что манила меня. Она становилась все ближе, и я тянулась к ней до тех пор, пока наши губы не встретились.

Поцелуй ворона... он был таким, словно Ар ждал этого вечно и боялся, что этого никогда не случится вновь. Он пробовал меня. Осторожно, едва касаясь, словно боясь спугнуть. Не завоевывал языком, не пытался покорить.

Но именно от этой запредельной нежности меня словно прошило молнией.

— Тай... Удивительная, невероятная, нежная, моя... — его жаркий шепот коснулся лица, когда ворон на миг оторвался от моих губ.

Эти слова прокатились внутри меня. По горлу, упали вниз, чтобы превратиться в сладкий спазм, родившийся в животе и растекающийся еще ниже. Как и поцелуй Ара, который ласкал губами уже мою шею, плечи, впадинку меж ключиц.

Я чувствовала жар ворона, его напряженные мышцы, мозолистые ладони, что исследовали мое тело, познавая, даря ласку, заставляя меня цепляться за его плечи в поисках опоры, судорожно вдыхать и молить вышних, чтобы это никогда не прекратилось. Ноги меня не держали. Ар уже не целовал меня. Нет. Он словно писал губами на моем теле признание в любви. Говорил без слов, доказывая каждым прикосновением, что он — мой. А я — его.

Сильные руки подхватили меня, вынося из воды. А я чувствовала, как под моей ладонью, что лежала на его сильной рельефной груди, бешено бьется сердце.

— Тай... Тай... Тай... — он шептал мое имя, как заклинание, неотрывно глядя в глаза, укладывая меня на песок отмели, нависая надо мной.

А я приподнялась навстречу ему, поймала его губы своими и, дразня, прикусила. Ар сдавленно застонал, а потом обрушился на меня. Весом тела и поцелуем, далеким от целомудрия. Его язык проник в мой рот, завоевывая, заставляя желать покориться.

Мои руки блуждали по его сильным плечам, рельефным мышцам, литым пластинам груди, напряженной спине. Пальцы, чуть надавив, прошли по впадине позвоночника. И от этого ворон вздрогнул.

А потом взглянул особенно шальным взглядом и прошептал:

— Я хочу тебя. Всю, без остатка. До безумия хочу.

— И я теб...

— Тай! — Сильные руки ворона трягнули меня за плечи. Как следует трягнули.

Настолько, что я лязгнула зубами, а потом ударилась затылком о песок. Что за?..

— Очнись, моя девочка, очнись... — Голос, который еще пару секунд назад шептал откровенные признания, сейчас звенел от тревоги.

— Ар, какого демона? — простонала я, разлепляя веки.

— Ты меня напугала, — выдохнул ворон, склонившись надо мной. — Лежала недвижимая, и я подумал, что твоя душа ушла. И попытался тебя разбудить...

— Или добить, — мстительно припомнила я то, как Ар меня тряс, и присовокупила: — В гробу я видала такую побудку!

А затем попыталась вновь уплыть в дрему, накрывшись саваном.

— Тай. — Ар прикоснулся к моему плечу куда нежнее. — Ты уснула?

— Считаю, что формально — да, уже уснула, — буркнула я, пытаюсь вернуться к ворону-из-сна, который ласкал меня раскаленным взглядом, и отделаться от ворона-из-реальности, который все испортил.

— Знаешь, ходят разговоры, что ты симулируешь....

— Да, гуляет такая байка... Но это наглое вранье! — Я все же откинула саван и восстала из гроба. Частично. Своей верхней половиной.

— Доброе утро, — улыбнулся ворон.

— Доброе утро — это абсурд. Особенно если оно начинается с первыми лучами солнца, — парировала я ворчливым тоном столетнего призрака-полуночника.

— Ты не ушла за Грань, в империи за ночь не случилось переворота — это ли не повод для радости, — на последних словах ворон иронично изогнул бровь.

— Умеешь ты убеждать, — фыркнула я, вставая. — И раз уж ты разбудил злобную меня, то тебе и надлежит умилостивить восставшую нежить дарами.

— Кровавыми? — уточнил Ар.

— естественно, — с самым бесстрастным выражением лица, на которое было способно зомби, выдернутое из сна, произнесла я.

— Есть кровавая колбаса. Или могу поджарить бифштекс с кровью. Устроит?

— И томатный сок не забудь, — фыркнула я этому горе-жрецу культа имени меня.

— А после завтрака я опробую на тебе кое-что... Вчера, перед тем как лечь, я связался с магистром Ломирусом из лекарского крыла. Помнишь, он тобой весьма заинтересовался...

— Забудешь этого энтузиаста, как же, — вклинилась я в монолог Ара.

— Так вот, — ворон сделал вид, что не заметил моего комментария, — я связался с ним, и у меня касательно тебя возникла одна идея...

— Какая?

— Не хочу говорить раньше времени, чтобы не дарить надежду, которая может оказаться напрасной...

— Слушай, каратель, если не можешь подарить склеп — подари хоть надежду... Она и дешевле, и компактнее. А девушке приятно.

— И это говорит та, которая и так спит в моем презенте. — Его взгляд прошелся сначала по гробу, потом по пижамке.

— Знаешь, если бы твой первый дар не был столь скользким, я бы до второго и не добралась.

— Хм? — Ворон выглядел озадаченным, пришлось его просветить.

— Если бы я не была умертвием, убила бы к демонам в этой пижаме. Она шелковая. Простыни тоже. Мой торжественный съезд с кровати при попытке пошевелиться едва не услышал весь квартал. Хорошо, что нашелся вот этот... вольер с загородками.

— М-да, вольером гроб на моей памяти еще никто не называл.

— Ты просто мало общался с некромантами с утра пораньше. Когда мы не в духе от ранней побудки, то способны не то что окрестить новым названием — нам под силу даже переловить солнечных зайчиков, которые мешают спать, и оттаскать их за уши!

Я зыркнула на ворона, который ничуть не впечатлился моей тирадой и продолжал улыбаться.

— Так что там с надеждой?

— Ты ведь не успокоишься, пока не узнаешь?

— И даже не упокоюсь, — заверила я.

— Хорошо, — выдохнул каратель. — В ту ночь на кладбище, чтобы вернуть тебя из-за Грани, силу отдало несколько сильных магов. Именно чистую силу, не принявшую форму заклинания. И я подумал, что если добавить еще...

Вместо того чтобы продолжить, ворон поднял руку. И из его ладони заструился мягкий свет, который коснулся моей груди. И там разлилось тепло. Но было мягкое, нежное, словно я прикоснулась к самой жизни.

Опустила веки. Ворон подарил мне всего каплю тепла. Единственное, что мог. Но что для умертвия было большим, чем это? Я распахнула глаза и увидела: Ар упрямо держит руку, из которой сила льется широким ровным потоком, окутывая меня.

— Не надо. — Я поднесла свою ладонь к его раскрытой ладони. Наши пальцы соединились, словно мы были отражениями друг друга, не гася сияние, а будто закрывая его от всего мира, оставляя лишь нашей с вороном тайной. — Если бы так просто было воскресить усопших, то в этом мире бы люди и вовсе не умирали.

Взгляд ворона переместился мне на грудь. Там, где в вырезе виднелось начало раны со спекшейся кровью, пятнышко кожи размером со спелую вишню слегка порозовело и выглядело как у живой, но не более.

— Я знаю, но подумал, что ты не совсем обычное умертвие. Могло получиться...

— Сколько сил ты влил сейчас? — спросила я совершенно серьезно.

— Больше половины резерва, — ворон понял, к чему я клоню, и ответил прямо.

Он был магом с максимальным уровнем дара — потоком. Я вспомнила, как Ар держал заслон, не дав разнести ренегатам полквартала.

— Когда-то магистр смерти Норон фон Берг высказал теорию, что умершее тело, из которого еще не

ушла душа, можно исцелить. Он провел вычисления. Так вот... сила, которую необходимо для этого потратить, в несколько раз превосходила потенциал всех магов империи — современников магистра — вместе взятых. Это даже стали называть постулатом Норона: невозможность обратного хода смерти, — я говорила, словно перечитывала собственный конспект. Сухо, сжато. В горле был ком сожаления, который при последних словах упал куда-то вниз.

— Я знаю. Но ты... Тай, ты слишком живая, чтобы быть просто умертвием.

— Но слишком мертвая, чтобы быть живой.

Мы всё ещё держали наши ладони соединенными. И меж ними лился свет. Я почувствовала, как пальцы ворона сгибаются, сцепляя мои в замок.

А вторая его рука потянулась к моему лицу, чтобы дотронуться до его овала, спуститься к подбородку. И его пальцы прикоснулись к моим губам, словно целуя.

— Тай, я не хочу тебя отпускать. Настолько, что готов отдать свою жизнь и свой дар. И впервые — не за корону. За тебя.

— Обещай, что не сделаешь этого. — Моя холодная рука в ответ коснулась его лица, замерев на небритой с утра щеке. — Из нас двоих хотя бы один должен жить и быть счастливым.? я... буду ждать тебя за Гранью. И надеяться, что ты придешь как можно позже.

Ни он, ни я не сказали и слова о любви. Но услышали признания друг друга.

— Тай, я... — начал было ворон, но его перебил громкий стук в дверь.

Он замолчал, не отрывая от меня взгляда, не убирая руки.

— Возможно, это что-то срочное. Откроешь? — я дала возможность ворону во всех смыслах этого слова уйти от темы.

А он, как назло, не торопился это сделать.

— Похоже, я никудышный эйр. Не смог подарить девушке даже надежду. — Он грустно улыбнулся.

— Ты подарил гораздо больше. — Я улыбнулась в ответ, хотя только небеса видят, каких сил мне стоила эта улыбка.

Ворон нехотя расцепил наши пальцы и поднялся, чтобы открыть входную дверь. А я — перевести дух. Из коридора послышался звонкий мальчишеский голос:

— Ваши утренние новостные листки, эйр!

Я не видела мальчишку-газетчика, но могла живо себе представить широкую улыбку пацана: уж больно радостно он приветствовал хозяина дома. Звон монеток, «спасибо, господин!», щелчок закрывшегося дверного замка, шаги по коридору — за это время я успела лишь встать из гроба и завернуться в саван.

Впрочем, ворон не вернулся ко мне в комнату. Остановился у дверей и чуть громче, чтобы я точно услышала, произнес:

— Жду тебя к завтраку!

— Эй, так нечестно! Я сама хотела его приготовить! — возмутилась и сыронизировала над самой собой: — У меня еще парочка неопробованных рецептов есть из бабкиного гримуара.

— Так вот откуда суперклеящий суп и огненный чай. А я-то все думал: что же такое знакомое... Это зелья боевой магии! — подхватив мою игру, из-за двери крикнул ворон.

Я усмехнулась: как сложно в этом мире найти мужчину, с которым у вас одинаковое чувство юмора. Даже сложнее, чем хорошего супруга! Вот только проблема: влюбляешься в него моментально, безоглядно и насовсем.

Но в другой ситуации, с другой эйрой ворону, возможно, это ничем бы серьезным не грозило. Вот только я была Тайрин Росс! И, как говорится, с одной стороны все было хорошо, а с другой — я.

Посему тот, в кого я влюбилась, сразу попадал в зону риска для здоровья, психики и чувства собственного достоинства. Вероятность покалечить оные была абсолютной. Так, стараясь быть милой, я непременно отдавливала кавалеру ноги или могла ткнуть ему острым локтем в солнечное плетение, а выпрямившись, случайно разбить затылком нос... В общем, наилучшим выходом для меня было бы назначать свидания прямо в целительской! Хотя бы на наемном магомобиле можно

было сэкономить. И это ещё в то время, когда я была живой! А уж сейчас... В общем, если ворона не dokonает работа, то это сделаю я, причем нечаянно. Предупредить Ара, что ли...

Именно такие мысли бродили в моей голове, пока я одевалась. Корсет, правда, сама зашнуровать не смогла.

— Ара, если тебе не трудно, — с такими словами я зашла на кухню и повернулась к карателю спиной.

Ворон всё понял без слов. Сегодня шуровку он затягивал дольше, зато аккуратнее. Вот когда я села за стол и передо мной поставили восхитительные воздушные оладьи, то мой взгляд упал на новостные листки.

Рука сама потянулась к ним. И уже через несколько секунд я изучала статьи. И лишь когда дошла до последней строки, выдохнула. О моей фееричной примерке в них не было ни слова. Зато целый разворот — об отборе, который устраивала Ее Величество королева Ингрид Раннвейгская — мать ворона.

Как выяснилось, онья императрица проводила не с целью женить одного из сыновей, как намекал кричащий заголовок. По мне, так за-ради одного этого названия половина незамужних девиц в столице и свах уже скупили наверняка весь тираж. «Императрица начала присматривать девушек в невестки?» — значилось над колонкой. И только вопросительный знак, как незримая грань, отделяла автора от любимой птицы репортеров-желотогазетчиков — утки, а с ней — и судебных исков.

— Что тебя так заинтересовало? — вопрос ворона заставил меня на миг оторваться от листка.

Я зачитала заголовок. Без лишних слов он протянул руку к листку.

— Я ещё не дочитала, подожди. Может, я это... Планирую поучаствовать в отборе, — решила, если уж дразнить ворона, то до конца!

— Тай!.. — Ара рыкнул так, что у меня создалось впечатление: окончание его фразы было исключительно нецензурным, и ворон просто его не озвучил.

— Да, милый? — Я была сама невинность, прикрывшаяся новостным листком, как щитом, и выглянувшая из-за оно-го ровно по кончик носа.

— Там в конце стоит знак вопроса? — видимо, зная газетчиков как облупленных, уточнил ворон.

— Угу, — фыркнула я, раздосадованная, что так быстро открылась истина.

Услышав мой ответ, каратель утратил к листку интерес, а я смогла прочитать, как на место новой фрейлины в свите Ингрид Раннвейгской претендуют сразу несколько девиц из столичных аристократических семей и одна провинциалка. О последней имелось лишь упоминание, зато были размещены портреты других трех сиятельных кандидаток. Одна — русоволосая, с надменно-кислым выражением лица, кое бывает у девиц, питающихся исключительно уксусом. На завтрак, обед и ужин. Вторая улыбалась с чарографии, кивая то вправо, то влево, словно рекламировала услуги новомодного цирюльника. В ее глазах был космос. Точнее, наполнение оно-го — пустота. А вот третья, с волосами цвета первого снега и пронзительно-фиалковыми глазами, смотрела прямо на зрителя, чуть изогнув бровь с немимым вопросом: «Проклясть, смертный, или сам убьешься?».

— Если ты не хочешь оладушки, можно я их съем? — столь прозаическим вопросом отвлек меня от газеты Ара.

— Чего? Нет?!

Мой коготь и вилка ворона впились в несчастную оладушку на моей тарелке одновременно.

— Ну, ты так была увлечена пищей духовной, что я решил, что телесная тебе неинтересна. у меня первый раз в жизни получился такой вкусный завтрак. Не пропадать же добру... — ворон откровенно смеялся надо мной, ну и над собой тоже.

— Хор-рошо, — я решила подпитать мужской нерастущий организм, и мой коготь указательного пальца второй руки проскрежетал по тарелке, располосив оладушку.

Но насладиться ею ворону не дал активизировавшийся кристалл связи. Арнсгара вызывал во дворец император. Причем слыша холодный голос проекции, я поймала себя на мысли, что в нем нет и отзвука отцовских интонаций. Передо мной были лишь начальник и его подчиненный, которого в случае невыполнения приказа ждет не разжалование, а смерть.

Его величество требовал отчета. Причем не по поводу покушения на супругу, нет. Касательно исключительно проклятия.

— Мне нужно уехать на несколько часов, Тай. Пожалуйста, дождись меня и не разнеси нечаянно столицу.

— Я постараюсь, — ответила кристально честно.

А едва Ар ушел, как я задумалась, чем лучше заняться в эти пару часов: почитать или оставить о себе относительно добрую память, прибравшись в доме ворона? Решила совместить и то, и другое: прочитала нотацію элементарю воздуха, отвечавшему за чистоту в покоях карателя, и засела писать заготовки «посланий с того света» родным. В общем, старалась быть тихим скромным умертвием. Всеми силами и со всем прилежанием! Одним словом — ждала ворона. И даже дождалась, как и крупные неприятности, начавшиеся сразу после того, как Ар вернулся. Да как начались! Со столба пламени, который врезался в небо как раз в районе городка Зейнца, что практически слился с окраиной столицы.

Каратель, только-только преступивший порог дома, даже мундира с плеч скинуть не успел.

Огонь полыхнул заревом в осеннем небе, вот-вот готовом разразиться дождем. Туда же устремился и столб черного дыма.

— Во имя пульсара и пентаграммы, что за... — вглядываясь в начавший оседать после взрыва огонь, прошептала я.

— Мануфактуры, — напряженно произнес ворон и прикрыл глаза, словно вслушиваясь в себя.

Повисла тишина, звенящая осколками, натягивающая нервы, как струны, снедающая изнутри.

Я уже не верила в случайности. Особенно когда вот-вот должно было полыхнуть совершенно другое зарево — переворота. Только в голове бешено сменялись одно за другим четыре имени.

Кто?

Отчаянная Клейси? Внушительный, как матерый лесной медведь, Трум? Офицер Бозли, переживавший за дурня брата? Или Эйроу, у которого мы накануне пили чай? Я замерла. А вместе со мной, кажется, замедлилось и само время. Секундная стрелка четко шелкала через равные промежутки. Перемещаясь с единицы на двойку, тройку... Сейчас она отмеряла последние мгновения жизни кого-то из четверых. Ибо предателя ждет только одно — смертная казнь.

— Ни одна из четырех сингалок не сработала, — наконец выдохнул ворон. И в этой его фразе смешались и разочарование и... скрытое облегчение.

Ар все так же стоял закрытыми глазам, прямой, с напряженной спиной. Верховный каратель, которому наверняка не в первый раз приходилось выбирать между долгом и чувствами. Всегда — в пользу первого. И сейчас он был готов потерять одного из своих четырех верных людей. Но кто сказал, что это дается ему легко?

— Значит... — растерянно начала я.

— Значит, нам все равно нужно проверить, — закончил за меня ворон. — Только можно не мчаться сломя голову.

— Угу, только сломя руки, ноги и шейные позвонки, — пропыхтела я, вместе с вороном стремительно покидая дом.

Рядом с крыльцом нас ждал магомобиль с гербом имперского дома. Но главное — к авто прилагался водитель. Живой! Он как раз распахнул перед?ром заднюю дверцу. Видимо, на этой машине каратель и приехал после аудиенции с отцом-императором. А водитель ещё не успел, на свою беду, умчаться подальше.

— М-да, можно сказать, что, в отличие от жизни, моя смерть удалась... — протянула я, усаживаясь вслед за вороном в магомобиль.

— И почему же ты так решила? — иронично уточнил ворон и, уже обратившись в шоферу, приказал: — Зейнец, горящие мануфактуры. Быстро. Чтобы одно колесо — здесь, другое — там.

Вышколенный водитель ничего не ответил. Впрочем, он и при виде зомбичной меня не удивился. Зато элементарль под капотом недовольно фыркнул, видимо, выражая общее мнение об озвученном адресе. Ворон на это и бровью не повел. А вот мой ответ заставил его усмехнуться.

— Ну хотя бы потому, что, пусть и умерла, еду в магомобиле императорского дома, а не в стареньком и разбитом катафалке... — ответила ничтоже сумняшеся.

— Это намек на то, что склепа мало? — иронично уточнил он, и ему вторил гром, зародившийся в

недрах дождевых туч.

— Ну, кому-то мало нарядов и украшений... — тоном кокетки протянула я. Хотела улыбнуться, но раздумала: клыки за ночь еще подросли. И чувствую, я еще больше стала похожа на свой рабочий материал, нежели на человека.

— Понятно, девушки даже после смерти остаются девушками, — закончил за меня ворон, а в его разноцветных глазах при этом плясали демонята.

Жаль только, это был всего миг, после чего Ар стал вновь серьезным и собранным. Таким, каким и должен быть Верховный каратель, спешащий на место возможного преступления.

На оное мы прибыли весьма быстро. Настолько, что можно было бы и медленнее. Я, если бы не умерла, то наверняка бы поседела. Зато точно поняла смысл фразы «лечу, волосы назад». И это при закрытых окнах!

То, как мы неслись по улицам столицы, переплюнуло даже недавний эпохальный заезд на кровати по набережной.

А все от того, что шофер весьма буквально понял приказ про колеса. Одно из них, когда магомобиль пошел юзом при очередном резком повороте, действительно чуть не слетело со ступицы и не ускакало в эфемерное «там». Но, слава Некрономикону, удержалось. А вот водители других машин — нет. Наш магомобиль, неожиданно выскочивший на повороте, как мыло из подмышки в душе, рьяно обгудели клаксонами.

Зато к пожару мы и вправду добрались в рекордные сроки, щедро окатив из луж неудачливых прохожих. И пока мы ехали, а я пыталась не прикусить себе язык, вцепившись когтями в сиденье, ворон же умудрился связаться с отделом и вызвать отряд карателей.

А вот когда магомобиль остановился... Я поняла, что, если увижу человека, выходящего из авто, который при этом одновременно кричит и заикается, несет тарабарщину, смотрит выпученными глазами, его руки дрожат и вообще он изображает падающую, не стоит торопиться звать экзорциста. Возможно, ему просто попался проворный водитель. Такой как наш. Кстати, нужно бы имя его запомнить, чтобы в призрачном облике навестить как-нибудь ночью в полнолуние.

Я даже представила, как усядусь у его постели и начну декламировать захватывающую историю с сюжетом, который не то чтобы заставляет неотрывно следить за ним, но поражает разнообразием концовок. В общем, озвучу ему список штрафов за нарушение правил движения на мостовых империи.

— Ты так мило и загадочно улыбаешься, что мне становится страшно, — заметил ворон, походя накидывая на меня личину, дабы окружающие не заподозрили во мне зомби.

— Не бывает загадочных улыбок, бывают недогадливые каратели, — фыркнула я.

— Понял, Форесту труба, — тут же проявил невероятную сообразительность ворон.

А я еще коварнее улыбнулась. Форест... Так вот, значит, как зовут водителя из императорского дворца... Учтем-с. Это я успела подумать, спеша следом за Аром.

Каратель уже приблизился вплотную к пожарному расчету магов-водников, борющихся со стеной пламени. Они прямо-таки горели на работе. Ничуть не хуже, чем ведьмы минувших эпох на инквизиторских кострах. Даже огнеупорные мундиры их не очень-то спасали. Лишь заклинания.

— Господин Верховный каратель?! — тоном «какого демона вы здесь забыли?» пророкотало откуда-то сбоку.

— Господин главный огнеборец Эйлы? — иронично ответил?р, стремительно обернувшись к говорившему.

Я тоже невольно посмотрела на того, кто столь смело окликнул ворона. Фигура впечатляла. Не столько размерами, сколько сложением литых мышц, по которым упруго хлестали капли дождя. Водник держал над раскрытой ладонью водную сферу, готовясь метнуть ее в пожар, который, судя по всему, уже успел подзакусить его одеждой. Во всяком случае, на рубашке огнеборца красовалась дыра. Одна. Зато такая, что целым остался лишь ворот. Штаны оказались прочнее и зияли лишь плеядой мелких прожженных проплешин.

Оценив мой заинтересованный взгляд, водник усмехнулся, а затем, красуясь, запустил водную сферу, которая в полете увеличилась в разы. Врезавшись в пламя, она окатила горящую стену. Обуглившийся остов зашипел. Вот только голос огнеборца заставил меня обратить внимание вновь на него.

— Не знал, что в каратели берут таких симпатичных эйр... — Маг прошелся взглядом по моей фигуре, которую щедро поливал дождь. — Заглядывал бы к Арнсгару почаще.

— Доложите обстановку, — отчеканил ворон, не поддавшись на провокацию, но все же сделав шаг вперед, как бы невзначай оттесняя меня от шатена-водника.

— Пожар начался четверть часа назад. Со взрыва. Скорее всего, искра. Или старые газовые рожки. Винокурня же, пусть и заброшенная. Кругом пары спиртовых начал же. От них порою даже противопожарные чары бессильны, — теперь огнеборец уже не пытался поддеть ворона, отвечал по делу, но в тоне явно слышалось раздражение.

— Есть пострадавшие?

— Неизвестно. Стена огня искажает поисковые заклинания. А жар такой силы, что не пробиться. Будто дракон полыхнул.

— Нужна помощь?

— Какая помощь? У меня и так тут пять расчетов... За полчаса потушим.

— Значит, нужна, — заключил ворон, начиная засучивать рукава.

Я понимала Ара, у которого была каждая минута на счету: слишком уж удобным было это место для того, чтобы здесь могли собраться заговорщики.

— Арнс, тебе никто не говорил, как ты бесишь? — фыркнул огнеборец. Но по тону было понятно: скорее для проформы.

— Сегодня утром — уже два раза, — словно гордясь этим, озвучил?р. И уже мне: — Тай, отойди, чтобы тебя не зацепило.

Ну, я и отошла. На семь шагов назад? потом — на пять вперед. И без зазрения совести (ибо ее у умертви в принципе нет, посему она зомби ни грызть, ни укорять не может) начала подслушивать.

— Значит, подчиненная... — делая какие-то свои выводы, заключил водник.

— На всякий случай предупреждаю насчет Тай, — опять помрачнел ворон: — Она некромантка, так что над ней даже смерть не шутит. Бойтся. Мало ли...

— Интересный способ сообщать, что девушка уже занята... — фыркнул огнеборец.

Его слова совпали с ударной волной: сила, брызнувшая из ладоней ворона, когда он вытянул перед собой руки, была сродни штормовому порыву ветра.

Мои волосы отлетели назад, лицо обдало льдистым холодом. Осенняя мокрая рыжая листва за спиной разметалась.

Спустя миг я узнала плетение Урхо. О нем, подвластном не каждому магу высшего уровня дара, ходили легенды. Своенравная матрица заклинания была сколь непокорной, столь и коварной. Настолько, что любая ошибка в векторах могла стать для мага, рискнувшего им воспользоваться, смертью.

Меж тем с пальцев ворона сорвался аркан, развернувшийся в полете в воронку вымораживающего снежного шторма. Молния, в этот момент раскроившая небо от края до края, через миг отозвалась громом, и дождь ливанул стеной. Вот только капли, попавшие в снежный коловорот, тут же превращались в град.

— Тебя... Вас опасно злить, ваше высочество... — спустя несколько минут протяжно присвистнул огнеборец, плечи которого меж тем покрывались гусиной кожей, а губы бледнели от зверского холода.

Но, кажется, он этого не замечал, неотрывно глядя на ледяную колею, которая начиналась у ног Ара, а при приближении к винокурне расширялась воронкой. А там, где она врезалась в стену, пламени уже не было. Только лед. Он, словно панцирь, сковал все здание.

— Просто я не люблю, когда в моем городе беспорядки, — сухо бросил ворон, опуская руки.

Он был невозмутимым, но только я знала, чего Ару стоит выглядеть вот таким: всемогущим и безукоризненным. Не просто карателем — сыном императора, наследником первородной крови.

Дождь начал стихать. Вот только капли, ударявшиеся о мостовую, вмиг застывали, превращая всё вокруг в один сплошной каток. Да и в целом стало заметно холоднее. Мне-то это не доставляло

ровным счетом никаких неудобств, но, судя по тому, как у некоторых водников начали стучать зубы, ворон устроил локальный северный полюс в отдельно взятом районе пригорода столицы.

За нашими спинами затормозили (хорошо, что не один об другой) два магомобили карателей. С небес, с некоторым запозданием, спикировали жандармы на грифонах. Для полного комплекта не хватала только крылатой целительской повозки.

— Ну, посмотрим, случайный ли это пожар, — произнес Ар и, не оглядываясь, уверенно так зашагал прямо по льду на посрамление всем водникам, гипотетическим заговорщикам и силе гравитации заодно.

Я же попробовала сделать шаг и поняла: убьюсь к демонам. И не важно, что уже мертва. Посему последовала за Аром... ну, как смогла. Осторожненько, разведя руки в стороны для равновесия и мало заботясь о том, что мои ягодицы оттопырены ну совершенно вопиюще для приличной эйры, я скользила по льду бубнила под нос, будто уговаривая саму себя:

— Фигурное катание — это же, Тай, искусство, это даже не кулинария!

Мельком обернулась и увидела, как за мной точно так же, гуськом, семят каратели и водник. Видимо, и они посчитали, что пара красивых шагов могут обернуться еще более шикарным падением. А каратели и огнеборцы были парнями скромными, к шику не приученными.

А вот когда мы оказались внутри... Что же, могу сказать одно: чутье на неприятности у ворона отменное. И они даже отвечают ему взаимностью: здесь явно гнали не только крепленный цвергский самогон, но и пламенные речи о свержении режима императора.

Об этом нам поведало содержимое одного из сундуков, который не успел прогореть. Вряд ли честным цвергам-винокуриям нужны были проклятийные разрыв-амулеты, подорожные листки, охранные грамоты с имперскими печатями и альвийскими, мундиры карателей, жандармов и даже дворцовой охраны...

Я посмотрела на груды из разрыв-проклятий, она тускло светилась алым. Значит, пока не активированные. Но доберись до них пламя — рвануло бы так, что разнесло квартал. Точно такое пару дней назад мы обнаружили в спальне ворона....

— Они уходили в спешке и понадеялись, что пламя и взрыв уничтожат оставшиеся следы, — подтверждая мою догадку, произнес ворон, осматриваясь. — Интересно, почему они так торопились?

— Господин Арнсгар, — окликнул ворона каратель, рядом с которым стоял огнеборец. Два мага смотрели. — Кажется, вот отсюда начался поджар и... — он больше не произнес ни слова.

Но ворону, подошедшему ближе, слова уже и не были нужны. Он увидел в грудке пепла кольцо, которое светилось с каждым моим шагом все ярче. Знакомая печатка, с пластины которой снежный волк яростно скалил свою пасть.

— Эйроу... — выдохнул Ар, словно отрезая по живому.

Офицер, который был для него и другом, и наставником, и... предателем.

Хотелось подойти, положить ворону руки на плечи и произнести банальное «мне жаль». Но это было бы проявлением слабости. Роскоши, непозволительной сыну императора.

— Прикажете арестовать? — бесстрастно спросил ворона кто-то из подчиненных.

— Да. Я сам, лично, буду руководить операцией, — в его голосе звучала сталь.

Когда магомобиль затормозил в квартале Голубой Ягоды, внутри меня родилось нехорошее предчувствие. Хотя казалось: куда уж хуже? Но сейчас я ощутила, словно мы приблизились к черте, возврата от которой не будет.

Один из карателей уверенно постучал костяшками пальцев в дверь. Другие — оцетинились веером заклинаний, перекрывая не только основной, но и черный ход, а также взяв под контроль все окна.

Жандармский патруль на грифонах, как раз облетающий район, не мог не заметить оживления перед домом и пошел на снижение, закладывая круги, но, увидев знак ворона, застыл в воздухе в некотором отдалении.

Пара минут напряженной тишины, и дверь распахнулась, явив Адель. Сегодня она была бледнее, чем при предыдущей нашей встрече.

— Могу я увидеть Густава Эйроу? — спросил каратель, стоявший у крыльца.

Мы с вороном находились в паре футов от входа, сразу за углом дома, и слышали диалог.

— Да, он сейчас дома. Недавно вернулся. Входите, — растерянно произнесла девушка.

Ее неуверенные слова словно спустили с тетивы арбалета сразу дюжину болтов.

Каратели, оттеснив девушку, ворвались в дом. Послышались звуки борьбы.

И когда мы с вороном очутились в гостиной, Эйроу уже стоял на коленях, оплетенный сковывающим арканом.

— Какого демона? Что происходит? — гневно выкрикнул плененный, глядя лишь в глаза Арнсгару.

— Офицер Эйроу, вы задержаны в связи с подозрением в пособничестве врагам империи и заговорщикам... Это ведь ваше кольцо? — С этими словами ворон положил на гладкую поверхность стола печатьку Эйроу. И пусть она была в пепле и саже, но скалящегося волка нельзя было перепутать ни с чем другим.

— Отец... — раздалось тихое от входной двери.

Я не успела ничего сделать. Адель покачнулась и упала. Мертвой. Это я, как некромант, могла сказать точно. Проклятие трепетного сердца оборвало ее жизнь вмиг.

Каратель, очутившийся рядом с девушкой, склонился, пуская в ее грудь разряд, но... это был не обычный приступ, которому помогло бы вмешательство целителя.

— Нет!!! — Крик полный отчаяния и боли. Отец первым понял, что произошло, и рванул удерживающие его путы.

Это было страшно. Смотреть, как боль, родившаяся в глубине его души, разрешила пространство криком, волной жуткого отчаяния, из тех, что оставляют на сердце раны. Именно она, боль, а не плененный офицер, в порыве неистовой силы уничтожила арканы.

— Ты! — Гигантский огненный шар, появившийся в ладони вырвавшегося Эйроу, полетел в сторону ворона.

— Задержать! Живым! — За долю секунды?р не успевал выставить щит. Но ворон не был бы вороном, если бы, даже умирая, не отдал приказ.

Оный совпал со вспышкой, залившей нестерпимым светом все комнату. Хоть я и была умертвием, все равно на миг ослепла, хоть и зажмурилась, что уж говорить о живых. Шар врезался в цель, и я на миг увидела объятый пламенем знакомый до боли силуэт.

В ушах эхом звенел крик «Задержать!», а в душу уже рвалась злость. Гадский ворон! Это он должен был выполнить мою последнюю волю, а не я его. Но этот ушлый тип и тут меня обставил, умудрившись умереть первым!

Я разозлилась. На него, на ренегатов, на несправедливость судьбы, на все... разозлилась так, как это умею делать только я. У нормального человека вспышка гнева может вызвать сердечный приступ, паралич или, на худой конец, нервный тик.? моя злость способна вызвать демона. Даже пентаграмма не понадобится!

Личина, скрывавшая мою истинную зомбичную суть, пошла трещинами, чтобы в следующий миг разлетаться тысячей осколков, подтверждая: маг, наложивший его, утратил контроль над своими чарами. В случае с вороном это могло значить только одно... Раздался звук брызнувшего крошкой стекла.

Тело будто действовало само, отдельно от мозга, рванув к подоконнику, вслед за Эйроу, который собой выломал оконную раму и сиганул на улицу. Может, другой на его месте ринулся бы к дочери. Но он был не только отцом Адель, а еще и карателем, тем, кто умеет в критическую минуту принимать единственно верное решение. Как сейчас. Ему нужно было выжить. Любой ценой.

Я перемахнула через подоконник, головой вперед, словно в Кейшу с моста нырнула. Прикрыла руками затылок, сгруппировалась и, ударившись о мостовую, перекатилась на округлившейся, будто обод колеса, спине. Вскинулась, уже было готовая броситься в погоню, как пришлось вновь резко пригнуть голову. Над моей макушкой просвистел пульсар. Да чтоб этого недобитого карателя, оставшегося в оцеплении, который так тщательно целил в спину убегающего, что умудрился попасть в фонарный столб.

Увы, заклинания мне в теперешнем состоянии оказались недоступны, зато ноги ещё были при мне. И я припустила за Эйроу. Вот только, увы, не я одна. Кто бы знал, как могут помешать в погоне другие ее участники. Особенно тот, кого нужно догнать. А еще — жандармы на грифонах.

Нари, которая провела как-то ночь в участке этих бравых ребят в красных мундирах, жуть как их недолюбливала. А с сегодняшнего дня и у меня к ним имелась личная неприязнь.

А все потому, что один из этих олухов, патрулировавших район с воздуха, вздумал опуститься ниже и призвать убежавшего преступника к порядку. С тем же успехом можно было воззвать к совести ведьмы или к celibату инкуба.

Эйроу лишь на миг вскинул голову, оценил перспективы, а в следующую секунду в сторону крикуна полетел аркан. Петля обвила шею грифона. Тварь взвизгнула, инстинктивно устремившись ввысь и сбрасывая с себя седока. А Эйроу взмыл вверх, одной рукой удерживая аркан, а второй — круговой щит под ногами.

Второй жандарм патруля вместо того, чтобы атаковать преступника, ушел в крутое пике и почти у самой земли поймал своего напарника.

Грифон же стремительно уносил отца Адель в сторону набережной, как раз к обзорному колесу.

— Я тебя и на том свете достану, но сначала — на этом, — пообещала я Эйроу и побежала в сторону парка. По мостовой. Обгоняя магомобили и оставив далеко позади карателей.

Грифон в небе бесновался, офицер-предатель по аркану уже почти взобрался на его шею, когда прямо по курсу наконец-то показалось оно — демоново колесо, неспешно вращавшее свои прозрачные кабинки с досточтимыми горожанами.

Когда-то я мечтала прокатиться на нем вместе со смелым симпатичным парнем, пригласившим меня на свидание. Но на пути к исполнению этой мечты имелась малюсенькая проблема: у меня не было парня. Ну, а если бы и был, не факт, что у него нашлись бы деньги на сие весьма недешевое удовольствие.

Но вот сейчас, когда я была мертва, мое желание грозило исполниться. Причем бесплатно. И даже на роль спутника кандидат имелся: правда, не симпатичный и уже далеко не парень, а суровый мужик, зато однозначно смелый. А то, что он не жаждал встречи со мной... Ну, каких только казусов на свиданиях не бывает.

Посему я под аккомпанемент из многословных криков билетерши и охранника, цензурный смысл которых сводился к трем «Стой!» «Куда!» «Дура!», лихо вскарабкалась по одной из опор до центральной оси. И едва только ступила на нее — почувствовала, как внутри клокочат огненный и водный элементарии, ведя свой извечный бой и вращая эту махину. Замерла на миг, глянув вниз. Там уже начала собираться толпа зевак. Если упаду, то от меня в лучшем случае останется только мокрое место. А это непорядок! Я, может, мечтала бы оставить свой след в истории родной страны как спасительница императора, а не на брусчатке в парке развлечений!

Посему сжала зубы и, балансируя, полезла вверх, по медленно поднимающейся спице обзорного колеса. Грифон был уже совсем близко, остался последний рывок — и я, оттолкнувшись от верхней кабинки, смогу запрыгнуть на него. Именно в этот момент Эйроу меня увидел. И решил, что того, что я верчусь как белка в этом демоновом колесе, — недостаточно. Нужно его ещё и поджечь.

Сгусток огня ударил прямо в центральную ось. Раздался скрежет металла, треск то ли конструкций, то ли моих нервов, а затем гордость Эйлы, демоново колесо, венец инженерно-магической мысли, повело себя как самый плебейский маховик: медленно покатило. И я — как вишенка на торте этого безобразия — на самом верху, шустро перебирая ногами и балансируя раскинутыми в стороны руками на внешнем ободе. Подо мной, в пяти футах, на внутреннем ободе висела кабинка с истощно волящими пассажирами, которые, кажется, были недовольны, что обзор в их прозрачном, магически защищенном от ударов вагончике уж очень хороший. Сейчас они предпочли бы видеть чуть поменьше страху. Но поскольку «поменьше» не получалось, они судорожно пристегивались ремнями.

— М-да, кажется, не разнести город не получится, — резюмировала я, вспомнив утреннее наставление ворона

Впрочем, во всей этой минусовой арифметике жизни был один плюс: колесо покатило аккурат за грифоном.

Думаю, что это была самая невероятная погоня из всех, что случались на улицах столицы. Громкая, истеричная, со светящимися гирляндами на ободе колеса, которые зажглись в ранних осенних сумерках, угнанным жандармским грифоном, преступником-карателем и влюбленным умертвием.

Я балансировала на краю движущейся пропасти, балансировала, старясь не дать накрентиться машине подо мной. Ощущала себя каплей, упавшей в воду в одном конце океана, чтобы породить шторм на другом его краю. Вот только мне не было дела до того, что будет после. Меня волновало лишь происходящее сейчас. Вся реальность сузилась до широкой спины в черном кителе.

— Стой, иначе я тебя поймаю! — выкрикнула я в запале и только потом осознала, что именно.

Эйроу обернулся, стягиваю узду грифона, и взгляд его был таким... В общем, я поняла, что если и бросаться в такого мага словами, то только лишь в том случае, если оные написаны на булыжниках.

В этот момент с земли вверх выстрелили ленты арканов, с двух сторон оплели спицы колеса, заставляя его замереть на месте. Это пришли на помощь подоспевшие каратели.

Беглый офицер избрал для меня самый доходчивый из ответов. И это даже был не мат, смысл которого ясен и покойникам, заставляя порою тех воскреснуть. Правда, последнее — исключительно чтобы накостылять нецензурщику. Но... зато доходчивый же!

Увы для меня, но Эйроу был человеком дела. И он предпочел не размениваться на лишние слова, а сразу запустил в меня заклинание испепеляющей смерти. Сильное, простое в плетении. Оно было бы идеальным, если бы не одно «но»: его обычно не применяли на мертвых. Но то знали некроманты, а вот каратель, у которого, судя по мастерству, оно было отработано до автоматизма, этого не учел.

Я оттолкнулась от колеса и прыгнула вперед. С заклятием разминуться не удалось, оно зацепило мне плечо, которое тут же будто отсекли секирой: я перестала его чувствовать. Онемение начало пожирать всё тело.

И все-таки я достала Эйроу. Мои когти полоснули его спину, проскользнули вниз и остановились на седле грифона. Но, судя по тому, как взвизгнул крылатый летун, не только на седле, но и в теле.

Мы трое перекувыркнулись в воздухе, совершив немислимый кульбит, и полетели вниз.

«Я так и не смогла выполнить последнюю волю ворона — взять предателя живым», — промелькнула у меня в голове последняя мысль, перед тем как свет померк. Проклятие все же было ядреным. Когда я упала — то ничего не почувствовала.

И если в первый раз мою душу словно засасывало воронкой, то сейчас я просто стояла во тьме. Она клубилась туманом, жгла ноги холодом, пронизывала одиночеством. Я сделала шаг вперед, второй — и услышала голос Адель:

— Тебе еще рано.

Пространство передо мной стало светлеть, превращаясь в марь, что встает от пламени над пеплом в бранном поле.

И я увидела ее. Улыбающуюся, в легком светлом льняном платье.

— Так должно было случиться, этого не изменить, жаль, что отец этого ещё не знает... — ?на улыбнулась мне и истаяла в дымке, а меня вновь влажной ватой опутал туман. Казалось, я не могла пошевелиться. Вокруг зазвучала тысяча голосов. Одни — тише, другие — громче. И среди них я услышала тот, что звал меня по имени. Знакомый, родной, он шептал: «Тай». И я шла на него. В темноте. Пока под ногами не показалась тропинка, которая становилась все светлее и светлее, пока не превратилась в белый свет.

Правда, почему-то он был в мелкий рубчик двунитки... И только потом я поняла, что лежу с открытыми глазами. И их я не закрывала. Это просто так ко мне возвращалось зрение. А вместе с ним — и ощущение собственного тела.

Я резко села. Белая простыня, которой я была укрыта с головой, слетела, и прежде, чем я смогла рассмотреть обстановку, мне довелось оценить чьи-то вокальные данные:

— Труп ожил! — возопило лохматое создание в зеленой хламиде. Раздался лязг, хлопок двери — и стремительно удаляющийся топот.

— Да что же это такое! Умирала — орали. Воскресла — и снова вокруг орут, — с этими словами я, придерживая голову рукой, наконец-то огляделась.

Определенно я была в целительской: ее стерильные стены, кушетки, прикроватные тумбы спутать с чем-то было тяжело. Почему не в трупницкой, если я была накрыта, как покойник? И почему, в конце концов, мне не дают спокойно отбыть за?рань уже второй раз? И сколько, арх подери, я тут валяюсь?

Мой взгляд упал на рассыпавшиеся по полу лекарские инструменты, отражавшие лучи догорающего заката, потом — на мои сапоги, штаны, корсет, рубашку, которая оказалась на удивление белой: вот что значит очищающие чары, вшитые в изделие модного дома.

Я встала с постели ровно в тот момент, когда дверь снова распахнулась, явив мне ворона. Живого. Хотя в последнем были сомнения: слишком уж он был бледным.

— Ты очнулась!

— Вы его взяли?

М-да, как-то не так, наверное, нужно приветствовать любимого, но... как уж получилось. Но ворон не был бы вороном, если бы не мог понять меня с полуслова. А взбесить — с одной фразы.

— Нет, я позволил ему уйти.

— Что?! — В этот момент я была готова его убить. Даже если он уже труп.

— Тай! Спокойнее. Тай! — Ар при виде звереющей меня даже не попытался удрать по стеночке, наглец! — Давай ты сейчас успокойся, и я тебе все объясню.

— Тебе никто не говорил, что, чтобы окончательно разозлить кого-то, ему нужно посоветовать успокоиться? — проскрежетала клыками я.

— Я совершил ошибку. И, только когда потушил на себе огонь в доме Эйроу, понял — какую, — произнес ворон. — Лишь одно могло заставить Густава предать клятву верности: жизнь его дочери. И ренегаты могут ему это пообещать. Уже пообещали.

— Подожди. Что? Как это? — не поняла я.

— Позволь мне присесть? — произнес ворон и чуть пошатнулся, еще сильнее побледнев.

И только тут я поняла: он все же живой.

— Знаю, я больше похож на твой рабочий материал, но пока нет, — невесело усмехнулся он.

Это потом я узнала, что Ар получил сильные ожоги груди, сбивая пламя, и вычерпал свой резерв до дна, когда умудрился взлететь, чтобы поймать меня, падавшую вместе с грифоном. Хотя смысл был ему меня ловить? Я и так вот-вот сама умру окончательно, развеявшись прахом.

Пока же я видела перед собой карателя, который был упрямее самой смерти.

— То кольцо, которое мы нашли... Я подозреваю: оно от Густава, который согласился отправиться в прошлое.

— Как это?

ГЛАВА 9

Ар щелкнул пальцами, создавая кокон безмолвия. Вот же демонов конспиратор! Бдит даже в своем отделе! А затем каратель начал свой рассказ — и чем больше он говорил, тем невероятнее мне казалось все произошедшее. Невероятнее, но логичнее. Сейчас, когда Эйроу потерял единственную дочь, у него появился мотив, чтобы примкнуть к заговорщикам. Месть. Или... он мог попытаться все исправить и спасти Адель, вернувшись в прошлое.

— Подожди, но ты говорил, что у прыжков во времени есть правило: не влиять на те события, которые привели к этому самому прыжку, — перебила я ворона. — Значит, Эйроу не может встретить сам себя, подойти, хлопнуть по плечу и сказать: приятель, я — это ты из будущего. И я тебя предупреждаю, что Адель сегодня умрет...

— Да, это правило есть. Но Эйроу о нем не знает. Думаю, этим и воспользовались ренегаты, предложив ему спасти дочь.

— Ты говоришь это так уверенно... А что, если нет? Если твое предположение неверно? Вдруг заговорщики не захотят связываться с беглым офицером?

— Тай, они уже вышли на него. — Голос Арнсгара звучал надтреснуто. — Когда я дал Эйроу уйти, он ушел вместе с моей меткой.

— Ты нашел их логово? — Я подалась вперед. И лишь потом сообразила спросить: — Сколько я была без сознания?

— Скоро найду, — коротко ответил он на мой первый вопрос и тут же перешел ко второму: — Больше двух дней. — То, как Ар сглотнул, говорило без всяких слов: он ждал. Надеялся, что я очнусь, а не рассыплюсь прахом.

Повисла тишина. И не было звука громче, чем наше молчание.

— Обещаю, больше никогда не буду умирать... На этой неделе, — неловко пошутила я и, посмотрев прямо на ворона, заметила, что на его висках появилось чуть больше седины. Из-за Эйроу? Или... меня? Но я ведь и так труп, которому по стечению обстоятельств удалось слегка задержаться на этом свете, хотя и в не слишком типичном для живых виде.

— Постарайся, — он произнес это удивительно нежно. И я поняла, кто виной тому, что пара черных перьев у ворона стали серебряными.

— Ар... Прости. До встречи с тобой, по рассказам Нари и Варлока, я думала, что ты бесчувственный, холодный, расчетливый...

— Неужели теперь ты думаешь, что я нежный зайчик? — Он изумленно вскинул бровь с видом «мне уже начинать обижаться?»

— Нет. — Печально улыбнулась. — Но за эти дни рядом с тобой я поняла нечто важное: умереть за страну и императора — просто. Гораздо тяжелее жить и служить. Поэтому прошу, Ар, не следуй по легкому пути. Ты же упрямый, несгибаемый...

— Может, несгибаемый? — иронично уточнил ворон.

— И это тоже! — фыркнула я. Ну, подумаешь, оговорилась. — И вообще, я, может, впервые комплименты понравившемуся эйру говорю. Еще немного — и открыто признаюсь в чувствах.

Вместо меня решил признаться мой желудок: в чувстве глубокого, искреннего и всецелого голода. Но помимо жажды гастрономической меня терзала еще и информационная, и она была во сто крат сильнее.

Я оценила, как ворон виртуозно свернул от политики, обозначив лишь вершину айсберга — судьбу Эйроу, и выразительно побарабанила пальцами по простыне. Вышло впечатляюще: всего один жест — и сразу пять прорех на еще пару мгновений назад абсолютно целом полотне. Даже выцеплять застрявшие черные когти из дырок пришлось. Под сдерживаемые смешки ворона.

— Значит, отчаявшийся офицер, потерявший дочь... — проговорила я с расстановкой, словно произнесенные слова помогут мне уяснить их суть. При этом усиленно делала вид, что с простыней получился не конфуз — а это была демонстрация боевой мощи нежити. — Он согласится примкнуть к заговорщикам, отправиться в прошлое и помочь Рунур бежать из камеры, чтобы ренегаты спасли его дочь, не дав остановиться ее сердцу.

И начала загибать пальцы, высчитывая дни с момента побега.

— Подожди, он что, вот-вот прыгнет? Ровно ведь четыре дня прошло. И...

Только тут я вспомнила, что именно столько осталось до переворота. Внутри все оборвалось.

— Да, сегодня. И вернется в прошлое не на сутки, как это было раньше, а на четверо суток назад.

— Но ты говорил, такое невозможно...

— Невозможно, если один маг жертвует жизнью. Своей.

Договаривать ему не понадобилось. Я и без пояснений поняла: те, кто готовы затопить империю кровью революции, не посядут на три жизни чародеев.

— Ар, так что мы сидим, разговариваем! Нужно бежать, спасать...

Я вскочила с места и почувствовала, как на запястье сомкнулись пальцы ворона.

— Тай, я не сижу. Я выжидаю. Почувствуй разницу. И я рад, что до того, как все начнется, я смог увидеть тебя.

Я замерла, пытаясь прислушаться, уловить напряжение, которое должно было пронизывать весь воздух. Но не ощущала ровным счетом ничего. Даже неистребимого духа лекарственных зелий, который обычно витает в целительской.

Лишь хроносы отсчитывали время. Часы, минуты до того, как Эйроу окажется в прошлом. Пройдет по коридорам отдела в утро побега, спустится в камеру и передаст арестантке амулет и письмо. Выполнит то, ради чего решил обменять свою жизнь на обещание возможности спасти свою дочь. А потом... умрет?

— Да. Его сожгут в пламени на той винокурне. И единственное, что останется от Эйроу, — его перстень, — Ар шумно выдохнул. — Полагаю, что Густава используют втемную. Обманут, возможно заверят даже, что смогут снять проклятие с Адель. Наверняка дадут инструкции в запечатанных пакетах, которые нужно будет передать кому-то из заговорщиков в прошлом. А зная Эйроу, вскрыть эти послания, предназначенные не ему, он и не посмеет.

Только когда Ар ответил, я поняла, что задала этот вопрос вслух.

— Но ты же допрашивал его сразу после побега, он тебе поклялся и...

— Я задал не тот вопрос.

— Что? — вырвалось у меня.

— Я спросил Густава напрямую, причастен ли он к побегу. Он ответил «нет» и сразу же принес клятву.

Мне стало все ясно: поскольку на тот момент Эйроу действительно не был в этом замешан, его сила не покарала его. А расспрашивать о посещении камеры ворон не стал, раз слова зарок на крови подтвердили непричастность офицера, который на тот момент был действительно невиновен. Получается, Густав, отец еще живой Адель, не спускался в камеру, а мирно нес свою службу в отделе. И в это же время второй он, перенесшийся в прошлое, помогал организовать побег.

Мозаика сложилась в страшную картину ещё не замкнувшейся временной петли.

— И что ты намерен делать сейчас? — Я закусила губу.

— Как я уже сказал, выжидать.

Из дальнейших слов ворона стало ясно, что метка, оставленная на Эйроу, помогла не только определить его местоположение. Были выявлены имена больше сотни рядовых заговорщиков. Вот только пока оставалось неясным, кто же стоит за всем этим. Имя того, кто вложил в умы этих простых людей и магов мысль, что империи нужен новый правитель.

Массовая зачистка должна была произойти сегодня, на изломе ночи, когда Эйроу собирается прыгнуть в прошлое. Именно тогда можно будет не только разорвать петлю времени, но и вернуть проклятие Мороя, заключенное в артефакт, и — что тоже немаловажно — наверняка при таком ответственном событии будет присутствовать и тот, кто стоял во главе заговора.

— Значит, полночь... — задумчиво посмотрела в окно, где догорал закат, уже зная, это будет последняя, самая длинная в моей жизни ночь, наполненная ожиданием. И самая короткая ночь крови и нервов.

Весь отдел карателей, каждый маг в черном мундире сегодня будет сражаться. Но этой битвы не увидят мирные горожане. Надеюсь, что не увидят. И завтра утром они проснутся всё в той же империи. С тем же императором, так и не узнав ничего. Это если ворон рассчитал все верно. А если нет...

— У тебя все получится. Я верю. — Я прямо взглянула в разноцветные глаза.

— У нас. — Его рука легла на мое плечо. — Думаю, Тай, ты заслужила участие в операции.

— Спасибо. — Мой голос все же дрогнул. Еще недавно ворон ни за что бы мне этого не позволил. Связал бы арканами, запер в темнице, чтобы не помешала. А сейчас он делал мне самый щедрый подарок из всех, доступных для умертвия: возможность окончательно отправиться за грань, как настоящему боевому магу: сражаясь и мстя за свою смерть.

— Это всё... — договорить ворон не успел.

Звук кристалла связи перебил его. Ар извинился и, вставая, активировал амулет. Проекция, появившаяся в воздухе, заставила меня подобраться.

— Приветствую Вас, Великий князь Вильфред. — голос ворона звучал сухо и отстраненно.

— Арнс, брат, не до расшаркиваний. — Уже по одной этой фразе стало понятно, что случилось что-то чрезвычайное. Я вся обратилась в слух. — Через час начнется совещание. Ты должен на нем присутствовать. И предвосхищая твоё возражение об опале: я клянусь, что сделаю так, чтобы отец тебя простил и позволил быть на совете.

— Что случилось? — Всего два слова ворона, но столько в них было стали. Словно сошлись в поединке два заточенных до смертельной остроты клинка.

— Еще нет, но может. Объявление войны. Ящеры бьют крылом у границы и просят, нет, требуют пропустить их делегацию в столицу. Не объясняя причины такой срочности. Отец считает — это обманный маневр и что, как только он даст разрешение на влет в Эйлу, древние тут же воспользуются возможностью и спалят столицу дотла.

— И кто именно из драконов выдвигает требования?

— Сам Дьярвирон Пробужденный, — сказал как выругался его высочество.

Арнс сжал шнурок, на котором висел кристалл связи, так, что костяшки побелели.

— Понял. Буду. — С этими словами ворона амулет неярко вспыхнул и погас.

Ну вот, мало нам заговорчиков — еще и у границ империи объявились драконы...

— Ты знаешь этого пробужденного? — как только разговор братьев закончился, спросила я.

— Как же не знать. Твоя сестренка как раз его десять лет назад и угнала с площади, разнеся попутно несколько кварталов.

И вот почему он говорил о Нари, а стыдно было мне? Не то чтобы я столицу ни разу не разносила, но так масштабно — никогда! И драконов к жизни точно не возвращала. Я вообще больше по тому, как их лучше упокоить. Но вот за кухню было неловко.

Хотя не так, как однажды моей школьной подруге Рейчел, которая буквально чуть со стыда не сгорела: она со своим парнем уединилась в ее спальне, и тут в доме начался пожар. Так вот: ее ухажер выскочил в одних портках из окна второго этажа и был таков. А ей, видите ли, было неудобно, что она голая... В общем, пока Рей не опеньюарилась, в объятья огнеборца так и не сиганула. И хотя приземлилась ему точно в руки, но незаметно и быстро умудрилась очутиться на шее бравого мага-спасателя. Водник и сам не заметил, как, вызволяя девушку из пламени, оказался влюблен (правда не слепо, а слегка прищурившись от свалившейся на него радости), затем женат, а спустя два года и вовсе стал счастливым отцом.

— Тай, я вернусь через час, — тоном «меня вынуждают это делать добровольно» произнес ворон. — Пока оставляю тебя в компании одного из офицеров, который входит в штурмовую группу.

Что может случиться с обычным человеком за какие-то шестьдесят минут?? с физически сильной магессой, карателем, повидавшим в жизни почти всё, причем это «всё» не на чарографиях, а живую? А если с ней рядом находится ну очень выразительно молчащее умертвие? Как показала практика, минимум, что грозит несчастной Майнок, — нервный тик.

Хотя я была очень милым умертвием: даже не ехидничала с того момента, как она перешагнула порог моей палаты и сказала, чтобы я следовала за ней в оружейную. А ведь так хотелось... Но я

держалась ради ворона.

Мы шли по коридору: я чуть позади, сверля взглядом спину Майнок, показывавшей дорогу. Несколько раз она дернула плечами, словно стараясь избавиться от того, что свербело ее меж лопаток.

— Тайрин, — оставив этикетные прелюдии из «вы», обратилась ко мне белобрысая. Ну правда, какие светские витиеватые расшаркивание могут быть между двумя девушками, которые ещё недавно столь мило побеседовали в женской уборной, что после их разговора не осталось собственно самой уборной? — Ты так смотришь на меня, словно дыру протереть хочешь. Так в темноте много ли увидишь... Может мне тебе помочь? Например, сделать освещение поярче... — наконец не выдержала каратель.

Она остановилась в коридоре, по которому мы шли, и резко развернулась на каблуках лицом ко мне.

Ее светлая коса чиркнула по каменной кладке стены, высекая искры и говоря без слов: в простой на первый взгляд прическе для кого-то скрыт смертельный сюрприз. Каратель подготовилась к облаве в прямом смысле от корней волос до пяток. Ранее я смогла увидеть, как она прячет в голенище форменного сапога короткий клинок.

— В смысле засветить в меня пульсаром? — невинно уточнила я, про себя отметив, что, судя по всему, кто-то не простил мне то, как я им протирала стену.

— Ты поразительно догадлива для трупа, — скрипя зубами, подтвердила догадку Майнок.

И получила в ответ мою самую широкую ухмылку. Белобрысая кашлянула, нахмурилась и подозрительно уточнила:

— Тайрин, я не смогла сейчас определить: ты улыбнулась или хотела меня сожрать?

— Поднять настроение. — Развела я руки в стороны с видом «я тут ни при чем, тебе все померещилось».

— Угу, — мрачно протянула Майнок. — А тебе никто не говорил, что, когда ты демонстрируешь клыки, у слабонервных может подняться не только настроение, но и дух...

— Боевой? — Я изогнула бровь.

— Нет. Просто дух. В небесные чертоги. Так что при зачистке это... лучше не улыбайся, нам нужны живые арестованные, а не трупы.

— Некроманты отлично могут разговаривать и мертвых, — со знанием дела заметила я.

— Угу... Капитан Ортридж тоже так говорит, а потом вас, магов смерти, не напасешься.

— Просто ты не умеешь нас правильно запасть, — невозмутимо парировала я.

— Ты, вообще-то, труп... — Майнок нацелила на меня указательный палец, словно кинжал.

— Ну, подумаешь, — фыркнула я. — У всех есть маленькие недостатки. И тыкать в них пальцами некультурно, — с этими словами я демонстративно отвела перст белобрысой от своей груди.

— У-у-у... Как же хорошо было раньше в отделе! — взвыла каратель, явно имея в виду меня.

— Конечно, — я покладисто согласилась. — Раньше было намного лучше. Например, неделю назад я была ещё жива.

— Бесишь! — выплюнула Майнок, которая, видят пресветлые, давно бы упокоила меня, если бы не приказ начальства.

— Почту за комплимент, — в духе ворона ответила я.

Ответом мне была идеально прямая спина белобрысой, чеканившей шаг по коридору. Но я была бы не я, если бы вслед не прошептала:

— Судя по ее поведению, мне нужен новый враг. Этой я, похоже, начинаю нравиться...

Она все же не выдержала, резко обернувшись, запустила в меня водной сферой. Я, конечно, увернулась, и та врезалась в стену, окатив ее от пола до потолка. Вот выпрямилась я с поистине мертвецким спокойствием. Майнок же, уже жалея о своем срыве, лишь сжала кулаки. Развернулась и быстро застучала каблуками по коридору.

А я... Белобрысая меня тоже бесила. Взаимно. И даже не тем, что напала в уборной, а тем, что пыталась стать любовницей ворона.

Сделав неприятное для себя открытие: умертвие может быть не только влюбленным, но и жутко ревнивым, — я пошла следом за ней.

Вернувшийся же ворон, застав меня и белобрысую в пустой оружейной, упоенно занимавшихся грызней: Майнок уже сточила все ногти и, кажется, готова была приняться за пальцы, а я нацелилась на тринадцатый по счету пирожок, — чуть не споткнулся на пороге.

— Я же поручил тебя офицеру Сорсу? — Он перевел взгляд с меня на Майнок.

— Лейтенант перепоручил это мне, как на тот момент единственной полностью экипированной, — подскочив при виде начальства, тут же отрапортовала белобрысая.

Я усмехнулась: что там эйры говорят о том, что дамы собираются на мероприятия гораздо дольше их... Да эти господа просто не умеют правильно выбирать место для свидания! Окинула взглядом подтянутую фигуру Майнок, присовокупила: и дам тоже не умеют выбирать!

— Ясно... — меж тем тоном «я с этим обязательно разберусь, если выживу» произнес ворон. — Лейтенант, свободны.

Белобрысая козырнула и пульсаром вылетела вон из оружейной. Я же на всякий случай поближе придвинула к себе полупустой тазик с пирожками. Оный был ее платой за мое молчание. В том плане, что, пока я уминала сдобу, я молчала и не доводила белобрысую до нервного тика. Майнок ради этого даже повара в столовой отдела припугнула.

В общем, я просто так не собиралась расставаться с честно добытой мздой.

— Ты готова? Через десять минут выдвигаемся, я получил сигнал.

— Уфе! — совершив невозможное, я впихнула в себя сразу два пирожка и сейчас, судя по всему, была похожа не просто на умертвие, а на запасливого бурундука — умертвие. — Каф там собфание?

— Мы с братом смогли убедить совет, что если крылатый Дьярвирон поклянется не причинять вреда имперцам и столице, то следует разрешить ему перелет до Эйлы. Одному. Как только я услышал озвученное императором решение, то покинул собрание, не став дожидаться его окончания, — он выдохнул и пояснил: — Отец хотел обговорить ещё ряд вопросов. Так что наверняка обсуждение затянется до утра.

Ворон устало потер виски. Это единственное проявление усталости, которое он себе позволил. А потом были сборы, выдвижение на позиции, оцепление музея, что находился рядом с центральной площадью Эйлы. Именно там, всего в нескольких кварталах от холмов, на которых расположилась резиденция императора, и была организована штаб-квартира заговорщиков. В лучших традициях про «хочешь спрятать».

И в тот момент, когда ворон готовился дать приказ о штурме, прогремел взрыв. Оглушительный, страшный, сотрясший, казалось, всю столицу, от центральной площади до трущоб. Я посмотрела на холмы, и внутри все оборвалось: западное крыло дворца было разрушено. И где-то внутри была абсолютная уверенность: именно там, в пылающем огне, сейчас погибла все семья ворона.

Повернулась, чтобы посмотреть не на пламя — на Арнсгара. Я не знала, что сделать, что сказать. Да и не только я. Все вокруг. Будто каратели, готовившиеся к штурму, в один миг стали каменными статуями, как некогда драконы. Соляными столбами. И единственным живым в этом мире осталось лишь бушующее пламя.

Подобно ему, беснующемуся на стенах дворца, в моем мозгу бешено пульсировала мысль: неужели мы опоздали? А отправка Эйроу в прошлое — лишь отвлекающий маневр?

Нас снова переиграл кукловод, управлявший заговором. Он остался в тени, держа в руках не время, а жизни всего мира. И крах империи — лишь начало его пути. Это осознание, словно сковывающий аркан, опутало меня так, что я не могла и пошевелиться.

А потом я увидела, как Ар, который так же, как и я, будто вмерз в лед, словно ломает свои оковы и делает шаг вперед. Сейчас его лицо больше напоминало посмертную маску: ни одной эмоции. Сейчас ворон был точно ожившая мраморная статуя, не человек. И все же он нашел в себе силы. Он сделал этот шаг. И еще один. И еще.

И каждый раз, когда его нога ступала на мостовую, сложно рушилась каменная стена, вызволяя из плена страха, ужаса, паники карателей. Арнсгар не просто шел. Он вел за собой.

— Ортридж, Майнок — на позиции, — четко, рублено командовал ворон. — Гринро, занять исходную...

И с каждым словом ворона словно оживал гигантский механизм, приходили в движение маленькие шестеренки, сначала тяжело, нехотя, скрипя. Но все вместе они превращались в громадную машину. И ей, единственной, под силу было сейчас не только покарать, но и навести порядок.

— Пригодится. — С этими словами Ар совершил пасс рукой, накинув на меня личину.

Я вновь выглядела живой. Обычным человеком, против которого ренегаты предпочтут применять заклинания убиения, а не упокоения. И просчитаются. И это была моя фора. Мое главное оружие. Впрочем, я хоть и сделала, как истинная девушка, упор при новом знакомстве на внешность, но и от подстраховки не отказалась. В моем случае оной был внушительный арбалет. Окованный сталью. Здоровенный. Такой, что поднять под силу не каждому мужчине. Зато если закончатся болты, его можно использовать вместо палицы.

Все замерли на своих позициях. Готовые рвануть по первому же сигналу. Воздух буквально искрил напряжением. Вой сирены огнеборцев, воздушные патрули жандармерии, паника — ворон словно отсек все это от нас стеной, заставив сосредоточиться на одной задаче: упредить последний удар, разорвать петлю времени.

Ар прикрыл глаза, вслушиваясь в себя, ловя сигналы метки, оставленной на Эйроу.

Я смотрела на ворона, на моего ворона, на маску холодного расчета, застывшую на его лице... И знала, что под ней сейчас бушевали огненные ураганы и боль потери. Подумалось: Арнсгар — человек не из плоти и крови — из стали.

— Первый отряд пошел! — Ар не кричал. Но его голос услышал каждый.

Одновременно послышался звон десятков разбиваемых стекол на первом этаже, вспышки пульсаров. Гигантский огненный шар буквально выбил двери из мореного дуба, которые открывали свои створки посетителям национального исторического имперского музея вот уже несколько столетий.

Маги в черных мундирах стремительно ворвались в здание, которое по виду больше напоминало храм, чем хранилище знаний о минувших эпохах. Успела промелькнуть мысль, в сколь символичном месте заговорщики устроили свою штаб-квартиру. А затем я устремилась по широким мраморным ступеням внутрь, туда, где уже началась битва. Это было сражение не ренегатов с карателями. Именно здесь. Сейчас. В эти минуты. Решалась судьба империи. В стенах музея, хранившего наследие прошлого, вершилось будущее.

Вбегая внутрь вслед за Аром, краем глаза на миг увидела громадную тень. Хотя... может, это мне показалось. Да и некогда мне было смотреть на небо. Увидеть бы то, что передо мной.

Каратели действовали быстро и слаженно, зачищая первый этаж, спускаясь в подвалы, хранившие в себе достояние минувших эпох, поднимались по мраморным лестницам, прочесывая анфилады. Крики, кровь, проклятия и пульсары. Огонь, оставивший на стенах черные выжженные круги, и пробитые ледяными иглами доспехи рыцарей срединных эпох.

Я успела полностью истратить все болты и оглушить прикладом арбалета нескольких ренегатов, когда, ворвавшись в подвалы, увидела его. Того самого типа, который убил меня на кладбище.

На долю секунды замерла посреди коридора, стены и сводчатый потолок которого были выложены серым ошлифованным камнем. Проход был достаточно широк, и захоти мы с ренегатом разминуться, то получилось бы запросто. Вот только был один нюанс: ни один из нас этого не желал.

— Ты не помешаешь нам, карательское отродье! — С этими словами в меня полетел пульсар.

— Угу, страшно, аж кровь стынет в жилах, — фыркнула я тоном «не упокоюсь, пока не отомщу» так, как это может сделать только умертвие, тело которого холоднее льда, и тоже полетела.

Правда, оттолкнувшись от каменной кладки под ногами, взяла такой стремительный разбег, что если первые пару шагов я сделала еще по полу, то остальные — уже по стене. Тело оказалось параллельным потолку.

Пульсар просвистел подо мной, опалив бок мундира. Но увы, как бы ни велика была сила моей ненависти к этому гаду, сила гравитации оказалась превыше. После забега по стене я приземлилась на пол.

Видят боги, жажды мести во мне было сейчас больше, чем крови.

— Что за... — это были последние слова, вылетевшие из удивленно открытого рта ренегата, прежде чем я, замахнувшись арбалетом, как топором, снесла моему убийце голову.

— Тай! Ложись! — Крик, раздавшийся за спиной, заставил меня очутиться на полу раньше, чем я поняла, что происходит. И в тот же миг копьё Ироя, свитое из воздуха и льда, просвистело надо мной и нашло цель в темноте коридора.

Ворон, задержавшийся на первом этаже, оказался рядом со мной. Вдалеке, у входа в подвалы, слышался топот: наверняка это спускались каратели.

— Ты его обезглавила... — констатировал ворон, глянув на мертвого ренегата, — Жаль... если бы пробила грудную клетку, труп можно было бы допросить.

— Вообще-то хотела оглушить, — соврала я исключительно из вредности: на самом деле я вообще в тот момент ни о чем не думала. — И вообще, это была самооборона, я защищалась, как могла.

— Самооборона? — Ар с сомнением глянул на обезглавленное тело.

— Ну, извини, не случилось веера под рукой, только арбалет...

Я не успела договорить, когда ворон вздрогнул всем телом, прикрыл на миг глаза, чтобы в следующую секунду рыкнуть:

— Демоны, метка! — И рванул вперед, словно ищейка, взявшая след.

Мы влетели в подвальный зал, тонувший в полумраке. По периметру стояли стеллажи с коробками, ящиками, тубусами, а по центру — реставраторский стол. Но там был и один предмет, никак не вписывавшийся в этот интерьер, — врата в мир Граней.

Рамка, обрамлявшая не зеркало — вертикальную гладь, по которой пробегали волны, была не как у стационарных врат, стоявших на центральной площади столицы. Нет. Она казалась намного меньше и наверняка была переносной, из тех, с которыми наставники ездят по городам и весям страны, отбирая одаренных. И определенно ей здесь было не место. Но она стояла. Рядом с ней — и Эйроу, постаревший за эти два дня на несколько десятков лет.

На миг взгляды бывшего офицера и ворона встретились. Почти зеркальный пасс рукой — и в полет отправились два заклинания, чтобы встретиться, удариться точно друг в друга и озарить вспышкой всё окрест.

Ворон рванул через пламя, пытаясь достать предателя, но... Петля замкнулась раньше. Время вновь доказало, что прошлого не изменить, даже если оно начинается в будущем.

Ар стоял в шаге от врат, тяжело дыша. Его взгляд, блуждавший по стеллажам, переместился на стол и замер, словно прикованный к невзрачной резной табакерке.

Рука карателя потянулась за ней. Ворон поднес эту коробочку к лицу и отщелкнул крышку. И в потолок ударил сноп кровавого цвета, который начал разворачиваться пентаграммой. А я смотрела, словно замороженная, на символы, которых не видела ни разу в жизни, на векторы, на узлы плетений и вязь рун — и понимала: это даже не высшая магия. Это что-то запредельное. Сложнейший код, матрица, понять которую сможет не всякий гений. Я лишь осознавала одно: тот, кто это создал, был невероятно талантливым магом.

— Магами, — хриплый голос ворона заставил меня вздрогнуть.

Я поняла, что произнесла последнюю фразу вслух. А может, не только ее.

— Проклятие Мороя создавали несколько чародеев. И ты права, они невероятно талантливы. А чтобы стабилизировать матрицу, маги заключили ее в этот артефакт.

Он говорил, уже никуда не спеша, не торопясь, а я уже догадалась, что будет дальше. Это спокойствие ворона я знала. Оно было обманчивым. И все же не смогла не задать вопрос:

— Что ты собираешься делать? — Слова давались мне с трудом.

— Убить время...

— Знаешь, мне кажется, время не любит, когда его хотят убить, — горькая ирония прорезалась помимо воли.

— Значит, придется его не только убить, но и этим фактом огорчить. — Он взмахнул рукой, переводя матрицу Мороя на водную гладь врат, впечатывая ее в свинцовую рябь. — Тай, обещай, что сохранишь проклятие Мороя и передашь его Вильфреду... или любому из моей семьи, если кто-

то выжил. Если нет — офицеру Ортриджу. С этой минуты он — Верховный каратель империи.

— А ты? — Я закусила губу, слезы, которые зомби вообще-то не положены по статусу, текли из глаз, застилая все пеленой.

— А я должен исправить всё. Любой ценой.

— Но ты сам сказал, что нельзя вмешиваться в уже случившиеся события.

— Но найти того, кто стоит за заговором, и сделать так, чтобы он умер сегодня утром, — мне под силу.

Ар больше ничего не сказал, но я поняла его: да, он не может убить этого демонова кукловода ДО этой секунды. Но яд, разрывное проклятие, послание из прошлого новому Верховному карателю — это все может остановить волну революции, которая начала свой разбег.

— Ар, а как же четыре дня, пока временной поток успокоится? Он же сейчас нестабилен, тебя размажет...

Я не договорила, ворон перебил:

— Я не буду открывать новый прокол, а пройду по остаточному следу Густава. Надеюсь, что пройду, — добавил он, поворачиваясь лицом к воротам.

— Ты не ворон... Ты каратель из стали, — произнесла я, глядя на его силуэт, освещенный всполохами красного света от проклятия.

Вдруг Ар на секунду обернулся и произнес:

— Тай, только встретив тебя, я понял, что я ни разу не каратель. — Он грустно улыбнулся и добавил: — Я дьявол. Меня не удивить ни внешностью, ни титулами, ни деньгами. Меня зацепила твоя душа... Я влюбился в нее.

Он шагнул в мир Граней. Оставив меня с этим демоновым знанием, рвавшим мою душу на части. Я сделала шаг к воротам, еще один. И еще. Протянула руку, коснувшись свинцовой ряби, прощаясь с тем, кого полюбила, с тем, кто был мне дорог, и.... почувствовала, как меня затягивает туда.

— Да твою ж!.. — было единственной цензурной репликой. Остальные все — исключительно из боевого лексикона некроманта.

Подобное притяжение случилось у меня в тринадцать лет. Тогда я, слишком рано для своего возраста, ощутила, как и всякий юный маг, внутри себя пустоту. Она съела меня, превращаясь в бездонную пропасть, рвала жилы, тянула как магнитом к Вратам. Я стремилась в мир Граней. В душе, мыслях билось единственное желание: заполнить эту бездну даром. Вот только в тринадцать лет притяжение все же было скорее психологическим, а вот сейчас — меня натурально засасывало, как в водоворот.

Выбросило меня на каком-то утесе. Внизу бушевало море, а в воздухе передо мной, в нескольких шагах от края обрыва, зависла матрица. Проклятие Мороя. Правда, сейчас оно напоминало кольцо вертикального портала, которое медленно сужалось. В его зеркале я увидела край ночной мостовой.

— И почему на лекциях нам не говорили, что магов-умертвий, потерявших дар, может повторно притянуть мир Граней? — сплюнув попавшую в рот землю, задала я риторический вопрос и попыталась подняться. Нет, умом я понимала, что, скорее всего, я первый, единственный и уникальный случай подобного феномена, но...

Двигаться было тяжело. Словно на меня навалилась каменная плита, готовая расплющить. Я встала на четвереньки, упершись ладонями о камень, когда рядом с рукой увидела небольшой зеленый сгусток света. Он сам тянулся ко мне, перекачиваясь по камням, чтобы, прикоснувшись к синей коже, впитаться в нее.

Но самое удивительное не это, а то, что в том месте, где дар слился со мной, запястье и кисть были живыми. Я чувствовала пальцами жар нагретого гранита, его гладкость и острые грани. А когда вскинула голову, оторвав взгляд от собственной руки, то увидела, как из моря поднимается воронка вихря — дар воздушников — и устремляется ко мне. А следом за ней — кристалл, лучи которого разрезали этот день на миллионы осколков света.

Они прикасались ко мне, вливались в вены, как ручьи в реку. А я чувствовала себя сосудом с пробитым дном, который никак не может наполниться. Боль, дикая, нестерпимая, рвала меня изнутри, но вместе с этой болью в памяти всплыли воспоминания о том утре, когда я сидела в гробу и Ар вливал в меня свою силу. А потом я уверяла его, что ничего бы не получилось. Даже теорию

магистра смерти Норона фон Берга припомнила: что для воскрешения умершего тела, из которого еще не ушла душа, необходимо потратить столько сил, сколько нет у магов всей империи... Вот только это было в ТОМ мире. А я сейчас находилась в мире Граней, где не было магов. Лишь их чистая сила, лишенная души. И этой силы было столько...

Я впитывала ее, как губка, затягивала, словно черная дыра. В тринадцать лет я искала свой дар. В этот раз сила сама искала меня. А груз становился все тяжелее, буквально вдавливая меня в камни.

И все-таки я встала, чувствуя, как в меня по инерции продолжает вливаться энергия, уже не исцеляя раны, а убивая. Убивая вновь живую меня.

Я поняла, почему в реальном мире никогда не будет вернувшегося к жизни мага-покойника: обычного человека мир Граней не призовет, а умерший чародей, шагнув сюда и исцелившись за счет даров, просто не сможет выйти: его разорвет раньше, чем он найдет путь в реальный мир.

Врата маячили в зыбком мареве, но я понимала, что мне до них не добраться. Каждый шаг давался с неимоверным трудом.

Я повернула голову, чтобы увидеть кроваво-красный портал. Проклятие Мороя все уменьшалось в диаметре и, словно в насмешку надо мной, поплыло к обрыву. Зависло над морем так, что, реши я шагнуть в него, пришлось бы прыгнуть с утеса.

Зато алая разъявленная пасть пентаграммы, в отличие от Врат, была всего в десятке шагов. Кажется, я не выполню просьбу ворона передать артефакт. Зато... если повезет, то я, может быть, его увижу. Еще раз. В последний раз. Проживу эти несколько дней прошлого, чтобы рассыпаться пеплом. Зато живой.

Собрав все силы, сделала рывок. Кажется, услышала, как трещат собственные кости, рвутся мышцы и сухожилия. Мир Граней, исцеливший меня, теперь убивал, не желая отпускать. Словно я была камешком, с которого началась лавина. И сейчас эта лавина готова была погрести меня под собой.

Удар каблуком сапога о камень — и я, оттолкнувшись, полетела, сама не зная, то ли в портал, то ли в пенные морские волны, врезающиеся в острые скалы.

Тело ожгло огнем, словно нырнула в чан с кипятком, а потом я почувствовала удар о камни. Холодные камни мостовой. Меня выплонуло из мира Граней через Врата, зеркальная поверхность которых шла бурунами. И в этой беспокойной вертикальной воде с противным чавкающим звуком хлопнулся алый портал.

Не знаю, сколько я так лежала. Посреди ночной улицы, распластанная на булыжниках. Рядом в масляной глади лужи отражался тусклый свет фонаря. А я через силу вдыхала воздух, ощущая промозглую сырость, запахи, холод и стылость промокшей одежды.

На четвереньках я доползла до столба и, цепляясь за него, встала, выпрямилась. А потом, все еще не веря в произошедшее, оттянула ворот рубахи, заглянула в вырез. Там, на груди, красовалась нитка шрама. Ровно в том месте, где меня разрезало нитями Изиды.

Значит, я снова была жива. Вот только на день, два... а может, на час или пару минут?

Я не представляла, как далеко прыгнула в прошлое, что уже успело случиться, а чему ещё только предстоит. Лихорадочно огляделась и узнала то самое «зеркало», в которое шагнула впервые в тринадцать лет, чтобы выйти из него уже некроманткой. Значит, я на центральной площади Эйла. Чуть задрала голову: на Имперских холмах дворец еще стоял, целый. Город спал безмятежным сном. Правда, не весь...

На площадь из-за угла дома вырулили трое подвыпивших гуляк. Один из них в руках держал початую бутылку, словно иллюстрация выражения одного из философов древности о том, что праздник всегда нужно носить с собой.

— Шу-мел-ка-мыш, — начал горланить один из них. Причем мне почему-то в этом варианте послышалось не то, что камыш шуршит, а некая шумелка мышь. Причем, судя по экспрессии, эта полевка была ну очень активной шумелкой.

М-да, а помнится, когда я садилась за клавиш, мои братья в один голос вопрошали: какого композитора я собираюсь перевернуть в гробу на этот раз? Ха! Они просто не слышали это трио эйловских гуляк.

Впрочем, я не собиралась дослушивать арию про мышь, а решила превратиться из скромного зрителя в активного поклонника. И для начала поприветствовать певца. Правда, когда я подошла, то вместо восторженных рукоплесканий взяла его за грудки.

— Который день и час? — тоном «жизнь или кошелек» спросила я.

— У меня ик! денег нет... — заплетающимся языком выдал артист, видимо, уловив исключительно интонации, а не их смысл.

— Момент... — Его друг оказался потрезвее и, подняв палец, словно готовясь минимум процитировать выдержку из диссертации, полез за пазуху, в недра мягкого пиджака. Извлек оттуда карманные хроносы на цепочке и, отщелкнув крышку-луковицу. Замер, глядя в упор на циферблат.

Я, в свою очередь, отпустила лацканы замызганного фрака «певца».

Прошла секунда, другая, третья. Я застыла в ожидании и тут... услышала храп. Да чтоб тебя! Этот тип издевался! Заснуть в такой ответственный момент, причем стоя! Я не выдержала:

— Дай сюда! — С этими словами выхватила хроносы.

И тут же услышала голос третьего гуляки:

— Протестую, госпожа воровка! У вас ограбление не по протоколу! — произнес он, старательно пуча на меня глаза в попытке казаться трезвым и тем сильнее выдавая, что он подшофе.

Я лишь отмахнулась и впиалась взглядом в циферблат. Хроносы с корпусом из серебра, инкрустированные малахитом, были не из дешевых не только на вид. Помимо времени они показывали ещё и текущий день месяца. Увидев его, я похолодела.

Меня угораздило вывалиться в ту самую ночь, когда я стала мертвой. Точнее, стану мертвой через каких-то четверть часа...

— Держите... — Я вернула дрожащей рукой хроносы их владельцу и, вспомнив отца, который тоже часто закладывал за воротник, машинально спросила: — И что заставляет людей так напиваться?

Ответа я не ждала, вопрос был риторический.

— Меня? Ничего! — ословело заявил «певец» и, стукнув себя в грудь, гордо добавил: — Я, ик! — доброволец.

— И будьте осторожнее, доброволец, — не удержалась от иронии я. — Мало ли кого можно встретить на ночных улицах.

Лишь произнеся фразу, перевела взгляд на того толстяка, что возмущался непротокольным ограблением, и увидела, что он, щелкая пальцами, пытается создать пульсар... Вот только у него ничего не выходит, кроме снопов мелких искр.

— А вам, магу, вообще колдовать в подпитии запрещается. Жандармерии на вас нет! — припечатала я, чтобы тут же услышать возмущенное:

— Как нет! Целый участок восточного округа! Я им команду!

Теперь понятно, почему эти гуляки чувствуют себя на ночной улице так бесстрашно. Впрочем, размышлять о них мне было слегка недосуг. Я заспешила туда, откуда все началось: на погост, расположившийся на границе столичной Эйлы и скромного городка Зейнца.

Бежать было тяжело. Грудь словно сдавливали тиски. Воздуха не хватало, в глазах уже начали плавать кровавые круги. Умертвием бегать было гораздо проще. И быстрее. И эффективнее... И...

Всё!

Именно это я успела подумать, почувствовав колоссальный выброс силы, когда до кладбища оставался какой-то квартал... Именно там, где моя группа сейчас проходила практику. А я — уже нет.

Я не успевала остановиться, летя к перекрестку двух узких улочек уже по инерции, когда передо мной пронеслась смазанная тень, и я... Со всего маху врезалась во что-то большое, твердое и матерящееся. Причем, если сначала это была просто ругань, то потом — исключительно моим именем.

— Тай! — делая замах и швыряя заклинанием из положения лежа в спину бегуну, прорычал ворон, причем, не торопясь возобновлять погоню.

Я всмотрелась в темноту улицы, в которой скрылся тот, кого Ар, судя по всему, преследовал.

— Ты... живая... — Возглас карателя, в котором было, кажется, все: и удивление, и неверие, и

надежда, и... нежность, заставил меня оторвать взгляд от клубов тумана, укрывших беглеца.

— Буду, — просипела я, понимая, что этот забег от площади до погоста едва не убил меня. — Если ты спасешь меня...

Последние слова буквально выплюнула, чувствуя себя чахоточной больной, которой не хватает воздуха.

— Сними с меня этот демонов корсет, иначе сейчас сдохну! — Я безоговорочно расписалась в том, что, увы, если заговорщиков у меня есть шанс поймать, то за модой и тончайшей талией мне, живой, не угнаться. А ради оной становиться вновь мертвой — в склепе я видала такие наряды!

Ворон, уже успевший встать с мостовой сам и протянувший мне руку, чтобы помочь подняться, лишь улыбнулся. А потом я оказалась стоящей спиной к нему и лицом — к стене. Спустя каких-то пару секунд смогла вздохнуть свободно. Причем сделала это так выразительно, с наслаждением и громко, что когда осознала, то поворачиваться лицом к Ару было даже слегка стыдно. Но пришлось. И, желая скрыть смущение, я поспешила спросить:

— А кого ты преследовал?

— У меня встречный вопрос: как ты здесь оказалась? — если бы ворон не задал его, то он не был бы вороном, который доводит любой вопрос до ответа, а допрашиваемого — до нервного тика.

— Понимаешь... — я, слегка замявшись, попыталась объяснить культурным, литературным языком, приличествующим воспитанной эйре, то, что со мной случилось. Попыталась, но не смогла, поэтому объяснила вкратце, но матом. Ибо цензурных не то что слов — эмоций не было!

— Твоя очередь.

Уперла указательный палец в грудь карателя и... Впервые увидела, как ворон смутился. И это заставило меня насторожиться:

— Что? — подозрительно уточнила я.

— Тай, кажется, я знаю, кто поднял всю нежить на погосте в ночь твоей смерти...

— И-и-и? — тоном «не буди во мне умертвие» протянула я.

— Это был я, — покаянно признался ворон, сжав губы. А затем пояснил: — Тот ренегат, который запустил в тебя нитями Изиды... Он ушел от слежки. Каратели, ждавшие в засаде, упустили его. Я... прошлый... упустил. И решил, что, если я, нынешний, начну преследование... В общем, кинул в этого вора заклинанием. Но после перемещения в прошлое мой дар словно с цепи сорвался, и...

— Структура плетения распалась, — вместо Ара закончила я, прекрасно зная, как может сдетонировать нестабильная сила. А потом буквально кожей почувствовала на себе обжигающий взгляд Арнсгара. И прошептала невпопад: — Значит, у нас есть несколько дней...

— У нас есть вечность этой ночи... — голос ворона прозвучал близко. Слишком близко. Целуя, лаская. Я была пьяна им. И услышала следующую фразу, как в тумане: — Я не хочу сделать тебе больно прикосновениями, моя сила может...

Я вспомнила слова Кортес о том, что не каждая чародейка способна быть рядом с Арнсгаром, что его сила карателя болезненна и порою может убить, но... мне было плевать. Хотелось прикоснуться. До дрожи, до безумия и...

Наши губы встретились.

Это была буря. Страсть. Безумие. Мы были счастливы в этот миг. Эти минуты и были всей нашей жизнью. И мы впитывали их. Жадно, дико, неистово, забывая себя. Ворон целовал меня, будто хотел поглотить, присвоить. А я чувствовала пламя его дара, как оно тянулось ко мне, но не чтобы сжечь, а узнавая как старого знакомого. Будто когда-то во мне осталась его часть. Хотя... может, так оно и было, ведь сегодняшней ночью я, в квартале отсюда, привидением на погосте, прошила его тело и взяла частицу его огня. Сегодня... Казалось, что это было миллион лет назад.

Сейчас мое тело, прижатое к каменной стене, дрожало от прикосновений ворона, подавалось ему навстречу, плавилось.

Ар с шумом втянул воздух, на миг отрываясь от меня. Я поймала затуманенный взгляд разноцветных глаз. И... никто никогда на меня так не смотрел. Я ощутила себя самой дорогой, нужной, единственной и бесконечно любимой.

— Тай... — он произнес это хрипло, будто не веря в реальность происходящего.

Я кивнула, без слов подтверждая, что его сила не обжигает меня. Этот простой жест словно разрушил цепи, сорвал якоря, унеся меня вместе с вороном.

Губами, едва касаясь губ... Скользя руками по телу, рождая дрожь... Вздохами поцелуев... Шепотом и едва сдерживаемыми стонами... растворяясь друг в друге... Ловя одно на двоих дыхание... Проникая внутрь, под кожу... Разносясь с током крови по венам... Плаваясь от желания... Обжигая друг друга. Запредельно близко. Невыносимо остро... Желая Большого. Мы целовались. Дико, ритмично, отчаянно. Страстно. Без слов признаваясь в самом сокровенном.

— Тай... — ворон простонал мне в губы. — Я не железный. Только не рядом с тобой. Ты сводишь меня с ума...

если бы его руки не держали меня, я точно бы упала, потому что не то что не чувствовала ног, я себя вообще не ощущала, тяжело дыша. И единственное, чего хотела в этот миг, — чтобы Ар не останавливался. Только не сейчас.

Но он остановился, отстраняясь. И лишь после этого я ощутила, как капли холодного дождя барабанят по моим плечам, и что блуза насквозь промокла, и... Как меня вмиг окутало согревающее заклинание ворона.

— Здесь недалеко есть конспиративная квартира.

Он взял мое лицо в ладони, как иные берут драгоценный кубок, и поцеловал. Уже неспешно, нежно, чувственно. Словно хотел все оставшиеся нам дни заполнить этим поцелуем.

Я чувствовала, как мурашки бегут по спине, и не могла остановиться. И все казалось в этот миг удивительно легко: ни преград, ни боли потерь, ни отчаяния. Только я. Только он. И жидкий огонь, что тек по венам, выжигая любые сомнения.

Мы шли по улице и целовались так, как целуются только безнадежно, безумно влюбленные. Открыто. Всюду. Всегда. Касаясь друг друга не губами — душами. Черный магомобиль, промчавшийся мимо по пустой улице, сверкнул фарами, чтобы скрыться за поворотом. Ворон прижал меня к себе еще крепче, словно я могла исчезнуть, испариться.

Дом, один из десятков таких же. Дверь. Скрежет ключа в замочной скважине. Задвигаемый засов. И наша с Аром мокрая одежда, упавшая на пол прихожей. В эту осеннюю ночь в пустой конспиративной квартире мы были вместе. Живые смертники, любящие друг друга до исступления. Нам было отпущено всего несколько дней, но они стоили целой жизни.

Прихожая, коридор, спальня... Мы ни на миг не отрывались друг от друга. И лишь когда я ощутила спиной прохладу простыней, то Ар отстранился, приподнимаясь надо мною на локтях.

— Тайрин... Моя Тай... Я не просто встретил тебя. Я словно наступил на разрывное проклятие. Еще немного — и оно рванет, отставив от меня лишь щепки. Я хочу этого. Безумно. Я хочу тебя, Тай...

Я чувствовала тяжесть его тела. Тела моего мужчины. Первого, единственного и любимого. Мы застыли на миг неподвижно, глотая горький аромат осенней ночи. Ворон провел рукою по моей груди, которая затвердела от этого легкого прикосновения. Оно, нежное, осторожное, отозвалось во всем моем теле, заставив кровь буквально вскипеть.

Он склонился, прикоснувшись губами к шее, к ямочке меж ключиц. Его губы заставляли меня стонать, помимо воли выгибаясь навстречу ласкам. Желать его. Ар медлил, давая мне возможность привыкнуть к нему. К новым ощущениям. Сдерживал себя. Вена на его шее лихорадочно пульсировала. Я чувствовала, как бешено бьется его сердце в груди, которая была прижата в моей.

Я ощущала его тело. Оно, покрытое отметинами ран и шрамов, готовое потерять контроль, сводило с ума. Моя рука прошла по его плечу, груди, животу, бедру, заставляя его замереть, прикрыв глаза от наслаждения, и выдохнуть единственное:

— Еще...

Моя вторая рука скользнула на спину ворону, пройдясь по впадине позвоночника, выше, к шее, чтобы зарыться в жесткие волосы на затылке. И ахнула, когда его ладонь, поднявшись по внутренней стороне бедра, начала ласкать меня, рождая дрожь нетерпения.

Это дождливая промозглая ночь не дарила нам прохлады, тонкие простыни сейчас казались для нас раскаленным песком. А единственным спасением было прижаться друг к другу как можно ближе. Разделить один вздох на двоих.

Ар все же не выдержал. Наши тела ещё теснее прижались, словно стараясь вобрать друг друга. Ворон. Сильный, загорелый, с литыми плитами грудных мышц, узлами напряженных сухожилий.

Мой.

Он вжал меня в простыни, отчего я на миг замерла, ощутив его твердое желание. В голове не было ни единой мысли. Меня захлестнули ощущения.

Медленное проникновение, когда боль и радость сплетаются воедино, заставило меня выгнуться дугой, запрокинуть голову, открывая шею. Я могла лишь дышать, лишь стонать, с упоением принимая каждый толчок, покоряясь ритму, древнему, как сама жизнь.

Мы любили: прикосновениями, губами, пальцами, даря поцелуи, ласки, сгорая и рождаясь в объятьях друг друга. Ар, каратель из стали, холодный, расчетливый, сейчас был варваром, диким зверем, драконом. Его хриплый рык отдавался во мне. И я сама была дикаркой, вцепившейся в его плечи руками, ногтями, царапавшей спину ворона, когда он прикусывал мою кожу.

Мой вскрик, рожденный нашим полным единением, когда тело прошила волна сумасшедшего удовольствия, вырвался помимо воли. Я подалась навстречу, чтобы стать еще ближе, чтобы сгореть в пламени, которое бесновалось в его разноцветных глазах. Тело прошило наслаждение.

Больше не было нежности. Лишь рывки, лишь вспышки молний за окном. Мои стоны, сплелись с его хриплым дыханием. Слились наши тела, наши души, которым было мало не только этой ночи — вечности, чтобы насытиться друг другом.

Мы так и уснули: в объятьях друг друга, кожей целуя кожу... А утро встретило нас солнцем и... онемением.

— Ш-ш-ш... — шипел ворон, на чьей руке я безмятежно уснула. И теперь конечность одного из самых могущественных магов империи была выведена из строя. Она банально затекла.

ГЛАВА 10

Но, как выяснилось, Ар даже с одной рукой оказался весьма проворен, ловок и хитер. Во всяком случае, он в два счета подмял меня под себя, требуя компенсации в виде поцелуя и... В общем, мое чувство вины компенсировалось чувством долга. Почти супружеского.

За окном загорался осенний рассвет. В звенящем от прозрачности воздухе расцветали пышным золотом клены. Казалось, что первые солнечные лучи, пронзающие начавшую оголяться природу, сейчас выдавят стёкла, вольются в нашу спальню, и мы захлебнемся в них, опьянев, как от сухого вина. Ощутим терпкий привкус счастья и разбитых надежд. Все, что у нас было, — это сегодняшнее утро. Оно закончится, и время вновь начнет свой неумолимый бег.

Так и произошло. Нам пришлось вернуться в этот мир. А за завтраком ворон предложил план. Мы не могли вмешаться в события, которые произошли. Это нарушит ток времени. Нельзя было предотвратить разрушение дворца, но кто сказал, что нам не под силу сделать так, чтобы во время взрыва там уже не было императора?

— Как ты себе это представляешь? Ты ворвешься в зал посреди совещания, схватишь своего отца и сиганешь в окно? — Я нацелила на Ара пустую ложку.

В тарелке, к слову, тоже было пусто. Но до этого — весьма вкусно. И да, готовил завтрак ворон. Единственное, что меня терзало: это было приготовлено в порыве «сделаю завтрак любимой» или «хоть смерть близка, но предпочел бы не от яда»?

— Вообще-то, это сделаешь ты....

От такого заявления я даже закашлялась. Ворон заботливо похлопал меня по спине и пояснил:

— Наши дела пока еще не настолько плохи, чтобы мы могли рассчитывать на лучшее. Придется всё делать самим, — причем произнес это так, что я даже не поняла: в его голосе больше иронии или суровой правды жизни.

— Угу, это говорит человек, которому к концу недели умирать... — тоном «на сегодня у меня запланированы скандал и парикмахер» напомнила я. Но потом усовестилась: сама же еще недавно была вполне себе бодрым трупом, так что... Но, увы, на этот раз путевка за грань была гарантированной, и билеты обмену или возврату не подлежали.

— Тай, думаю, у нас есть шанс не только найти того, кто стоит во главе этого заговора, но и оставить ему посмертный подарок.

— Разрывное проклятие или тюремную камеру? — Я приподняла бровь.

— Как минимум. Но я бы предпочел спасенную империю.

— Хорошо, — произнесла я буднично, пожав плечами, а потом встала из-за стола, стряхнув с одежды крошки.

— Ты куда? — не понял ворон.

— Спасать страну, — как само собой разумеющееся сообщила я ворону. Ну, правда, в нашем случае, когда смерть стала закадычной подругой, а ренегаты, взрывы и погони — перманентным состоянием, предотвращение дворцового переворота было по значимости, как для обычных людей — поход на рынок за морковкой. — А заодно и сохранить жизни твоим арховым родственникам.

— Тебе не нравится моя семья? — Ар хитро глянул на меня.

— Твой брат — бездушный интриган, отец — хладнокровный и беспощадный правитель, дед — безжалостный диктатор, — припомнила я новейшую историю. — Одним словом — демонова семейка!

— Я предпочитаю говорить династия, — педантично поправил ворон и добавил: — И я хочу, чтобы ты стала ее частью.

— Что-о-о? — Второй раз за утро ворон заставил меня закашляться. Я даже обратно на стул упала. Хорошо хоть, не мимо сиденья.

— Тай, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Пусть нам суждено быть вместе всего несколько дней, но всё же. Пока ты была умертвием, я не мог взять тебя за руку и войти в храм, чтобы обвенчаться... — С этими словами он встал из-за стола и опустил передо мной на одно колено. — Никогда не думал, что мне придется это произносить. Посему не готовился и не репетировал, и все же... Тай, ты выйдешь за меня?

Я хмыкнула: вообще-то мог. Пару шагов бы мы точно сделали. А потом моя душа вылетела бы из тела. Потому как сила, которая пропитывает храм, мягко говоря, плохо сочетается с некромантскими чарами.

— Просто скажи, что ты решил подстраховаться, чтобы за гранью точно найти мою душу, — хмыкнула я, памятуя, что, действительно, брачный обряд порою помогает умершим в загробном мире быстрее найти дорогу друг к другу.

— И это тоже, — ничуть не смутился ворон. — А еще я хочу поступить как порядочный эйр, потому что ночью вел себя ну очень непорядочно по отношению к одной невинной деве.

— Знаешь, я всегда считала, что это только мужчины могут попасть в ситуации, когда есть только один правильный ответ: «да», — начала я и на удивленный взгляд Ара пояснила: — Ну, например, когда девушка спрашивает, идет ли ей новая прическа, постройнела ли она после диеты или можно ли ее маме приехать погостить на выходные... Но ты умудрился меня загнать в угол...

Ворон стойчески ждал моего ответа, и если бы я не знала его так хорошо, то подумала бы, что он спокоен. Что нет там под этой невозмутимой маской огненного шторма.

— Согласна, — выдохнула я, понимая: мы сошли с ума, это утро сошло с ума, весь мир сошел с ума.

Ворон подхватил меня и закружил на маленькой кухне так, что на полу оказались тарелки, которые я нечаянно смела со стола.

— Тогда сегодня в обед я буду ждать тебя у входа в базилику святого Айлера.

— А что ты будешь делать до этого?

— Наведаюсь во дворец повидаться с матерью. Мне кажется, у нее слишком мало светских дам. Пора бы увеличить их число. Как тебе идея стать фрейлиной Ее Величества Ингрид Раннвейгской?

— А у меня есть выбор?

— Конечно, есть, — на чистом глазу согласился Ар и присовокупил: — Но альтернативы отсутствуют.

Вот ведь... кар-р-ратель!

Ворон покинул квартиру в восьмом часу, озадачив меня платьем, подобающим светскому приему. Я прекрасно понимала, что, как только мы выйдем из храма, мне сразу же придется ехать во дворец.

Ару же предстояло выследить того, кто стоит за заговором. Я лишь надеялась, что мне удастся не только спасти семью императора, но и хотя бы украдкой увидеть ворона до того, как проклятие Мороя возьмет с нас свою смертельную плату.

Но пока я была жива, в полном расцвете сил и истинно некромантской вредности! Посему могла попортить и кровь, и нервы, и планы ренегатам. Ободрив себя такой мыслью, я вышла из конспиративной квартиры, прихватив кошель, оставленный мне вороном.

Правда, решимость моя слегка погасла в доме мод. К наряду, в котором не стыдно бы было показаться во дворце, в обязательном порядке шел корсет. А с этим элементом гардероба у меня были после смерти натянутые отношения. Я бы даже сказала — затянутые: ребра все ещё помнили тиски шнуровки.

— Он обязателен? — Я мрачно смотрела на модель, которая замерла на подиуме, демонстрируя наряд, в комплекте к которому и шло это орудие пыток.

— Для выбранного вами туалета — да, — поджав губы, процедила хозяйка салона, словно я предложила ей что-то неприличное. Как минимум не более вольный вариант ношения творения известного модельера, а работу в борделе. Причем — в качестве полomoйки. А потом эта сухая вобла мстительно добавила: — Корсет вшит в платье.

Ну да, я пришла к ней в скромной одежде. Той, которая нашлась на конспиративной квартире. Посему я никак не походила на богатую клиентку. Да что там не походила — не семенила рядом даже! Меня и пускать-то сюда не хотели. Но задержать в дверях, увы, не смогли. Хотя охранник очень старался. Целых десять секунд нашей милой беседы пытался, пока я не взяла его за грудки и тихим, проникновенным шепотом не предупредила: «Из нас двоих кто-то один выйдет отсюда в новом платье». Парень тут же согласился, чтобы этим одним была шгерова некромантка, а не он, сильный, brutальный и неустрашимый.

В общем, я оказалась внутри модного дома, чье название гремело на всю столицу. И сейчас я еще раз с сомнением посмотрела на наряд. Среди прочих одеяний, приличествующих для аудиенции у

императрицы, это выделялось тем, что имело ну очень скромное декольте. Именно такое, чтобы прикрыть след от нити Изида на моей груди. А на поиски другого времени уже почти не осталось.

— Хорошо, — выдохнула я, смирившись с неизбежностью. И на какие только жертвы девушка не пойдет ради брак... спасения родной страны! Только ради Отчизны! Определенно.

А когда я переоделась (вернее, шустрые девушки-помощницы помогли мне облачиться в пышный туалет из муара и газа) и встала перед зеркалом... Это была я и не я. Вот только от созерцания меня оторвал голос хозяйки:

— Молодость — это украшение эйры! Но нельзя, чтобы оно было единственным! — как бы невзначай обронила она, намекая на отсутствие серег и подвески.

Видимо, она так и не смирилась с высказанной мною кощунственной мыслью о корсете.

Я обернулась и выразительно так промолчала, как это умеют делать только некроманты: создавая одним своим появлением эффект гробовой тишины даже на шумном базаре. Хозяйка сглотнула, и мне захотелось заслушаться ее безмолвием.

— А у вас есть чем ее дополнить? — дождавшись, когда дама дойдет до кондиции, спросила я тоном «могу сопроводить в загробный мир, бесплатно».

Сухая вобла отмерла и уже совершенно другим тоном, в котором послышалось и уважение, и опасение, произнесла:

— В нашем модном доме есть и ювелирные украшения, и коллекция обуви нового сезона, и мастера локонов.

Я милостиво разрешила показать мне и первое, и второе, и пригласить третьих, про себя подумав: чтобы люди тебя уважали и даже любили до гроба, нужно этот самый гроб в скором времени пообещать.

Спустя два часа я, стоявшая на ступенях базилики всех святых, была уже совершенно не я, а какая-то эйра из высшего общества. Вот только украшали меня не наряд, прическа и диадема, а Арнсгар, который держал меня за руку. Ветер, налетевший с Кейши, запутался в подоле, отчего пышные юбки на миг взметнулись вверх.

— Ты готова? — Ворон посмотрел на меня взглядом, полным любви.

— Да, — произнесла решительно. Только с ним. Всегда. В этом мире и за Гранью.

И это же «да» я сказала в тишине пустого храма. После чего мы, держась с вороном за руки, опустили переплетенные пальцы в купель, наполненную тягучей рубиновой влагой. Слова нерушимой клятвы, которую мы произносили в унисон, улетали в высь сводчатого потолка. А когда мы закончили, то я почувствовала, как по руке словно ползет вьюнок. Он опутал наши запястья, будто сплетая нас с вороном воедино. Брачная чаша засияла мягким ровным светом, искупав в нем и нас, и трясущегося молоденького священника, который, кажется, только сейчас до конца осознал, КОГО именно он венчал.

— Ваш союз благословлен и на небе, и на земле... — благоговейно прошептал он.

Я про себя подумала, что брак мага смерти и Верховного карателя, эту самую смерть зачастую несущего, с таким же успехом мог пройти одобрение и в преисподней. Впрочем, особо размышлять об этом было некогда. Особенно когда тебя целует уже законный супруг... Вот так тихо, скромно и неожиданно для самой себя я перестала быть эйрой Росс. Отныне мое запястье украшала брачная вязь, которую я спрятала под рукавом платья.

Со служителя Арнсгар взял клятву молчать о свершенном им таинстве, и мы покинули храм.

— Тай, вот держи. — С этими словами ворон протянул мне конверт. В оном были пропуск во дворец, моя краткая липовая биография, рекомендательное письмо... В общем, набор для кандидатки в фаворитки Ее Величества.

— Первичный отбор будет проводить глава дворцовой стражи.

— Это будет допрос? Сканирование амулетами? Ментальное воздействие? — Я ощутило напряглась.

— Беседа, которая займет несколько минут. Тебе нужно протянуть мое письмо капитану Лорину. Этого будет достаточно, чтобы ты попала в отбор фрейлин.

М-да уж... к такому меня жизнь не готовила. Да и смерть, признаться, тоже. С тоской вспомнились милые личи, зомби, умертвия, восставшая нежить... С ними на погосте мне было бы гораздо

спокойнее, чем с семейством Арнсгара во дворце. Я даже поежилась от этой мысли.

А потом некстати вспомнился наш молодой преподаватель темной материи, магистр Вейскрес, который без задней мысли решил познакомить свою девушку с родственниками. Но не уточнил, что с усопшими.

В общем, тонкая душевная организация так и не состоявшейся невесты преподавателя встречи с потенциальной родней не перенесла. Чуткая и ранимая эйра (она по слухам была арфисткой) от испуга снесла с петель дверь склепа, которую потом на место возвращала бригада плотников... И чего, спрашивается, невеста Вейскреса испугалась? Нормальные же покойники были! Не то что у меня: живая венценосная и уже реальная, а не потенциальная свекровь.

Мы расстались с вороном у подножия мраморной лестницы: мой магомобиль унес меня в сторону дворца, куда по приглашению вот-вот начнут прибывать кандидатки. А каратель же — выслеживать главу заговора. Благо, теперь Арнсгару было известно место, где находится логово ренегатов.

Водитель выкручивал руль, магомобиль неспешно скользил по мостовым Эйлы, а я чувствовала, как в этой повседневной суете столичных улиц начался неумолимый обратный отсчет.

Дворец встретил меня... Никак. Магомобиль остановился рядом с Замковой площадью, которая расположилась на покатоном склоне Имперского холма. В дни праздников здесь можно было наблюдать парадные разводы караула. А в дни народного возмущения (впрочем, вялого) — пикеты.

Помнится, я даже участвовала в одном из таких. Ну кто в пятнадцать лет не совершал безумств? Хотя обычно оные у нормальных девушек были больше с романтическим уклоном. Но где Тайрин Росс — и где норма? Со мной же случилось участие в демонстрации против налога на фамильяров. Я даже плакатик несла с надписью «Вся власть — советам!», и шапочка у меня была на голове с клювом и крылышками... Я тогда думала, что изображаю птицу счастья... Хотя, сдается мне, выглядела чудом в перьях.

С такими ностальгическими мыслями и поднялась по мраморным ступеням, оставив за спиной площадь и здание воздушного адмиралтейства. Стражи в зеленых мундирах, ознакомившись с моим пропуском документом, распахнули передо мной двери восточного крыла.

Надо сказать, что в императорском дворце находились не только семейные помещения и комнаты для прислуги. Из лекций по общей истории и культуре империи сохранились эпизодические знания, что здесь располагались ещё и дипломатическая приемная, бальные залы, комната карт (правда в оной играли не в преферанс, а скорее в военное дело и географические ребусы). Наверняка было и много чего еще... Вон ведь какая громадина: два крыла, несколько переходов, опять же сад с фонтанами, расположившийся от стен до отвесного спуска Имперского холма.

Вот только я, как и большинство адептов, занятия магистра Ирона, пытавшегося уложить в пустые головы студиозусов знания о культурном наследии, безбожно прогуливала. А всё потому, что начинались они в десять утра. Для некромантов, топчущих погосты по ночам, — несусветная рань. В общем, я их просыпала. Ну и вправду: зачем простому магу сведения о всяких чайных-обеденных-музыкальных комнатах? Докладом о малахитовой гостиной нежить обратно в могилу не уложишь. То ли дело ломик: простой или наколдованный — не суть. Определенно, он будет эффективнее.

Именно так я и думала до той минуты, пока не очутилась перед стражами и не произнесла:

— Эйра Мэрфи Эйрок прибыла для прохождения отбора во фрейлины Ее Величества.

— По распоряжению капитана Лорина дату начала отбора перенесли. Представление кандидаток начнется завтра с десяти утра, чтобы все благородные дамы, желавшие принять участие, успели прибыть, — отчеканил, как цвергский болванчик, один из стражей.

Не стала высокомерно задирать нос, поджимать губы и всячески демонстрировать в истинно аристократической манере, как меня не задела его слова. Я была девушкой простой. Посему просто смерила стража взглядом. Фирменным. Из тех, которыми гробовщик мерку снимает. Парень, словно почувствовав неладное, крепче перехватил алебарду, и сглотнул, и решительно вцепился в древко.

Его напарник, уже немолодой страж, был спокоен, как труп. Но статья, реши я сделать ещё шаг, именно его лезвие первым сверкнет перед моим носом.

Внутри меня все кипело... Решили отложить до завтра! Да тут, может, вопрос жизни и смерти! Революция вон на носу висит, на пятки наступает, в спину дышит и, вообще, активно двигается в сторону императорского трона... А они!.. У-у-у!

Но я не могла позволить себе выказать нетерпения и раздражения. Я же, мать их дери, благородная дама! Во всяком случае здесь и сейчас.

Развернулась и начала медленно спускаться. Завтра утром... Ждать. Чуть больше двенадцати часов. Но прожить их казалось не просто тяжело. Невозможно. Я смотрела на циферблат башенных хроносов, отсчитывавших для всего города секунды, минуты, часы, а вместе с ними — и чьи-то жизни.

Ожидание — самый верный способ, чтобы сойти с ума. Решительно достала переговорный кристалл, который был в том же конверте, что и рекомендательное письмо. Попробовала активировать его и связаться с вороном. Вот только амулет на шнурке продолжал светиться красным, без слов говоря: Ар не может ответить. С учетом того, что сейчас он выслеживает заговорщиков, — и немудрено. Вновь — ожидание. Тревожное, натягивающее нервы до предела. Как он там? Жив ли?

Поймала себя на мысли, что, не считая тех двух суток, что я пробыла без сознания после падения с колеса, это наша с вороном первая столь долгая разлука.

Расставание с карателем на крыльце храма далось мне тяжело. Уходить от него было сродни самоубийству, но не отпустить — значило обречь на смерть десятки тысяч ни в чем не повинных людей. Не помню, как добралась до конспиративной квартиры, как разделась. А вот уснуть не могла долго. Смотрела в ночь, вслушиваясь в тишину, ощущая рядом с собой на кровати пустоту... И дождалась. Кристалл связи ожил. Я лихорадочно сжала его в руке и увидела ворона. Живого. И облегченно выдохнула:

— Ар, ты не представляешь, как страшно ждать, — вырвалось у меня помимо воли, и я с облегчением и замиранием всмотрелась в родные, любимые черты. Фантомная проекция дрожала, шла рябью.

— Тай... — Его голос был полон нежности. — Поверь мне, гораздо хуже, когда уже нечего ждать.

Я протянула руку, понимая, что не смогу прикоснуться, ощутить под кончиками пальцев тепло его кожи, что изображение Ара — иллюзия. И все же — протянула. И он, словно мое отражение, — тоже.

На миг даже показалось, что наши пальцы соприкоснутся. Вдруг? Ведь ночь — это время безумных надежд, когда у смешавшихся красок нет границ, у запретов — жесткого повода, реальности. Увы. Чуда не случилось. Хотя в эти же самые минуты, сейчас, но вечность назад, мы на другом конце города мчались от погони. Я — верхом на кровати, мертвая. И в эту же ночь, живая я сижу на постели, а передо мной — переговорный кристалл с фантомом ворона. Это ли не чудо? Пусть и плата за него — наши жизни.

— Тай... просто говори. Я хочу услышать твой голос...

И я начала рассказывать. Обо всем: и о перенесенном на завтра отборе, и о том, что переживаю за одного глупого ворона, и о сущей ерунде вроде конспектов, которые продала Клаусу. А ворон рассказал о том, что следы заговорщиков тянутся за пределы столицы и ему пришлось уехать, о том, как восемнадцатилетним юнцом умудрился на границе столкнуться с одним остроухим проньрой-альвом. По тону мужа я поняла: не всё Ар мне о Варлоке рассказал, ой не все...

А когда на горизонте забрезжил рассвет и говорить друг другу «спокойной ночи» стало слегка поздно, ворону пришлось прощаться. А я... поняла, насколько голодна. Прямо-таки зверски. Еще ни разу в жизни в пять утра меня так не манил к себе холодильный ларь. Да что там манил! Он мне проходу не давал! И отбиться от него я, хрупкая девушка, не смогла. Пока бутерброд не сделала. А за ним ещё один. И... В общем, на личном примере подтвердила молву, что самое хорошее у некромантов — это аппетит. Остальное (особенно характер) — исключительно отвратительные.

А потом как-то разом навалился сон, в который я и провалилась. Причем ровно на час. Минута в минуту. словно внутри меня кто-то завел пружину именно на этот срок. А затем случились сборы в истинно девичьем духе: решительные, неумолимые и лишённые всякой логики. Особенно это касалось корсета. Но моя магия снова была при мне, а посему я, применив три аркана, пять плетений чар и одну пентаграмму призыва совести у этих демоновых шелковых шнурков, смогла-таки утяться. Ей-богу, ни одно умертвие меня так не заставило попотеть, как этот гадский корсет.

Зато я была точна, как цвергские хроносы, и ровно в десять ноль-ноль в сопровождении слуги шла по дворцу к кабинету капитана дворцовой стражи эйра Лорина.

Когда мы пересекали крытую галерею второго этажа, я меж колонн увидела самый знаменитый в империи сад. По оному как раз прогуливалось несколько знатных дам. Я даже замерла на миг, вытянув шею: не ее ли величество в компании фрейлин решило совершить променад вокруг одного из поющих фонтанов?

Но, увы, таблички с надписью «Это твоя свекровь» рядом не значилось. А жаль...

Уже хотела было поспешить за слугой, когда краем глаза я увидела, как из кустов поднимается

массивная фигура. Вот только если бы это был садовник, я бы не удивилась. Но сомневаюсь, что метательными кинжалами принято стричь кусты.

В его зажатой руке блеснула сталь. И... Я действовала на рефлекс. Огненная стрела сорвалась с пальцев на миг раньше, чем в воздухе просвистел клинок. И в следующую секунду раздался визг арбалетных болтов и треск заклинаний. А за ними — и крики:

— Покушение!

— Спасайте величество!

— Арестовать...

Проследила взглядом, как на одну из дам упало сразу несколько человек, повалив ее наземь. Я даже успела ей посочувствовать, как меня тоже снесло телом...

— Да твою ж!.. — выругалась я, впечатанная в мрамор тяжестью тела одного из дворцовых стражников.

М-да... Вот и спасай после этого венценосных особ! Тебя потом за это с благодарностью скрутят и на допрос препроводят. Вот только пока меня с заломленными руками поднимали, в мозгу словно щелкнул переключатель. Вспомнился отчет о покушении на мать ворона. И даже подробности о несостоявшемся обезумевшем убийце всплыли. Оружейнике Шобсе, который сошел с ума от любовного зелья и посчитал, что императрица — и есть его почившая невеста.

«Попала, лявры раздери, в отбор, называется. Прямым выстрелом в лоб одному психу...» — пришла мне в голову невеселая мысль, пока меня вели в кабинет начальника дворцовой стражи. Но ведь я и так хотела попасть к нему на аудиенцию. Вот и попала! Что называется, быстро, напрямиком и с гарантией.

Именно этой мыслью я утешала себя, топая к капитану Лорину под конвоем. Где, спустя каких-то десять минут, и удостоилась допро... беседы, исключительно беседы. А то, что она была запротоколирована, проходила в присутствии стражников — так то сущие мелочи. Именно так это и назвал лысоватый начальник стражи, улыбаясь. Первые пару минут улыбаясь...

— Хватит инсценировать умственную деятельность! — рявкнул на меня он, когда я в третий раз повторила свое «случайно мимо проходила» в ответ на его вопрос «откуда я узнала о покушении?»

— Целый караул не заметил, а вы, эйра Мэрфи, видите ли, углядели... — с сарказмом произнес капитан, протирая лысину.

Мне бы справедливости ради заметить, что караул как раз в тот момент менялся и стражники вполне себе могли пропустить слугу в кустах... Но подумала, что не стоит дразнить дракона девственницами, а начальника охраны — указанием промахов. А то и тот, и другой сожрать ненароком могут...

— Где обучались атакующим чарам? Уложить выстрелом в голову со ста шагов!.. — Меж тем Лорин перил в меня немигающий взгляд.

Его взор, возможно, и пробрал бы до печенок даже восставшего из могилы упыря, но тут скрипнула дверь и в кабинет просочился охранник. Без слов он протянув начальнику записку. Лорин пробежал по ней взглядом, а затем бумага вспыхнула в его руке, осыпавшись пеплом.

— Ну?! — В этом его тоне что-то поменялось. Вот только бы понять еще — что именно.

— Ничего себе я метко промахнулась... — выдохнула я, глянув украдкой на рекомендательное письмо от ворона.

Конверт с сим посланием у меня отобрали сразу же, при обыске. И лишь благодаря этой бумаге (в которой я значилась как эйра Мэрфи Эйрок) меня, как причастную к покушению на монаршую особу, отправили в кабинет начальника дворцовой стражи, а не в застенки. А ведь я имела все шансы там оказаться: дело-то нешуточное — попытка убийства императрицы. Арестовали бы за милую душеньку, и кукуй в казематах до окончания следствия, доказывай, что спасала, а не сама целилась в Ее Величество...

В общем, пригодилось рекомендательное письмо. Только слегка иначе. И капитаном Лорином оно было тщательно изучено. Аж два раза и под лупой. Еще и чарами просканировано.

Нет, при других обстоятельствах, он наверняка лишь мельком бы пробежал по нему взглядом, — да внес мое имя в список кандидаток для отбора фрейлин. Может, хмыкнул бы, подумав, что наверняка протекцию смазливой девице составил влиятельный любовник, подсуетившись, чтобы

под рекомендательным письмом стояла подпись повесомее...

Но одно дело — смазливая обедневшая аристократочка из провинции, которая в этот самый отбор попасть-то попадет, да точно далеко не пройдет, другое — профессиональная убийца, подпускать которую на выстрел пульсара к императрице чревато.

Я поняла: от меня ждут признания. И не важно, что за меня вроде бы поручился сын императора. Ведь сын-то опальный. В общем, я решила признаться, не во всем, но...

Именно в этот момент в кабинет без стука ворвался братец Арнсгара, Великий князь Вильфред. На миг он задержался на мне взглядом. Я внутри вся сжалась. В голове лихорадочно забились мысли: узнал. И лишь потом поняла: это я уже его встречала, в кабинете ворона. А он меня — еще только встретит. Сегодня. В полдень.

По спине пополз холодок. Потому что я поняла: началась игра на грани. И каждый мой шаг — словно по тонкому льду, который вот-вот проломится. Одна неловкая фраза, жест — и это сдвинет цепь событий, нарушив ход уже свершившегося. План ворона полетит карточным домиком, если хоть немного изменится прошлое Тай-умертвия. И ветерком, способным все обрушить, был, сам того не зная, Вильфред.

Я замерла, не дыша и понимая, что спасение всей империи может зависеть от одного женского взгляда. Не императрицы. Обычной девушки. От меня.

Я сидела ни жива ни мертва. Причем это не было фигурой речи. Это я заявляю как та, которая побывала в обоих этих состояниях и имела шанс сравнить. Меж тем Вильфред отчеканил:

— Тот, кто покушался на мою мать, пойман? Это был одиночка или заговор? — потребовал он отчета.

— Да, пойман, Ваше Высочество. С убийцей сейчас беседует некромант, и у них... очень занимательный разговор.

— Так, какого дракона, вы вместо того, чтобы вести допрос в подвалах, сидите тут?

«И беседуете с этой фифой» не прозвучало, но тон... тон без подсказок говорил, о чем именно подумал брат Ара.

— Может быть, потому что эта милая эйра и спасла жизнь Ее Величеству, убив преступника, покушавшегося на вашу матушку.

Я удостоилась пронизывающего взгляда Вильфреда и подумала: в жизни некромантов бывают будни, когда трупы уже негде прятать. А вот у меня случился день, когда не знаешь, куда девать целый переворот, чтобы в него не вмешались до поры до времени, нарушив ход событий.

— Что же до убийцы, то он был безумцем-одиночкой. Полный отчет я подготовлю для Вашего Высочества через час.

— И как же она убила того, кого проворонили ваши стражники? — он задал этот вопрос капитану, но ответила я.

— Мне просто попасть в отбор очень хотелось.

— Поэтому вы очень метко прицелились? — Лорин позволил себе сарказм.

— Кто как умеет, так и попадает! — тут же нашлась я и, чтобы не быть понятой превратно, приврала: — Я может, вообще с детства меткая. И везучая!

Хотела еще добавить, что всё могу, жаль, что умею чуть меньше, но подумала, что это будет явным перебором.

— Какой отбор? — тут же уточнил Вильфред, видимо, до этой минуты и не знавший о том, что его матери понадобилась еще одна фрейлина в свиту.

Пришлось капитану просветить Его Высочество.

— Что же... Такое рвение достойно награды.

После этой фразы братца Арнсгара я вся подобралась. И как-то некстати вспомнились слова магистра Гыргырницкого о том, что адепт факультета смерти должен быть одет не обязательно красиво, но непременно удобно. Так, чтобы мог удрать от восставших умертвий или кладбищенского зрителя (смотря на кого нарвешься первым).

Вот и сейчас, услышав о награде, я прикинула: куда и как эффективнее драпать. Ведь презентом от венценосной особы в равной степени может быть и тиара, и топор. И если первая украсит твою голову, то второй — снимет ее с плеч.

Капитан, как и я, замер, и в кабинете на миг воцарилась настолько звонкая тишина, что казалось: еще немного, и я начну слышать мысли.

— Думаю, эта эйра достойна императорского внимания, — и по тому, как Вильфред сделал ударение на последнем слове, я поняла: в отбор я все-таки попаду. Правда, под грифом «установить пристальное наблюдение».

Он ушел, не попрощавшись. А я выдохнула. Уф. Все же в глазах Его Высочества я до обеда останусь обычной и почти приличной эйрой и кандидаткой во фрейлины. Ну... пока он не войдет в кабинет брата и не опознает в умертвии меня. Зато теперь стала понятна его реакция на «шпионистое зомби» в мундире карателя. Ну и пусть думает, что Арнсгар подослал свою сотрудницу охранять жизнь матери. Ведь так оно по сути и было.

— Значит, так, эйра Мэрфи. — Капитан встал со стула и, опершись ладонями о столешницу, подался вперед, нависнув над бумагами. — Расставим все точки над литерами. Я не верю вам. Не доверяю ни на унцию. И печенкой чую, что вы затеяли свою игру. Но и послушаться Великого князя Вильфреда не могу... Посему вы, как и прочие кандидатки, будете допущены к отбору. Но вот пройдете ли его... Я приложу все силы, чтобы этого не случилось.

— Я поняла, вы меня ненавидите. А теперь представьте, как к вам должна относиться я? — я тоже решила играть в открытую.

Но, как ни странно, именно этот выпад заставил капитана остыть. Словно он только что увидел равного по силе противника. Наши взгляды скрестились, как два клинка, высекая искры. Этот поединок без слов продолжался несколько секунд, а потом мне вернули конверт с рекомендательным письмом, кристалл связи и иные милые девичьему сердцу вещицы. И поскольку собеседование у начальника дворцовой стражи я прошла и его одобрение (правда, больше похожее на проклятье) получила, отправилась через анфиладу в малый зал для приемов. Именно там и должны были собраться кандидатки, дабы предстать перед очами Ее Величества. И уже она выбрала бы себе новую фрейлину из одобренных начальником дворцовой охраны кандидаток.

Вот только меня терзали сомнения, состоится ли отбор после покушения. Или его опять перенесут? Но матушка ворона оказалась дамой с железными нервами. Во всяком случае, об отмене смотра объявления не было.

Когда я пришла в малый зал, то там уже обнаружился целый выводок придворных дам, которые при виде меня сморщили свои благородные носики. Я окинула их взглядом, прикидывая, будет ли уместным традиционный для рыночной очереди вопрос «кто тут крайняя?» или «за кем буду?». Но вот что-то мне подсказывало: тут нужно произнести немного другое... И пока размышляла, в глубине анфилады послышалось шуршание юбок: сюда спешила ещё одна эйра. Я даже позавидовала тому, как она уверенно двигалась.

Мне же, чтобы найти нужный зал, потребовались все адептские навыки. Те самые, из разряда «как найти аудиторию». Это когда стоишь между двумя лекторскими. Справа шестой кабинет, слева — восьмой. А между ними... нет, не седьмой. Тринадцатый. А нужный тебе седьмой находится направо по коридору, в подвале, оттуда через окно цокольного этажа на аллею Выживших После Сессии, где ровно в полночь пролетает огненный феникс. Нужно сбить его, оседлать и долететь на этой пташке до корпуса «эй». Там, на четвертом этаже, прямо по коридору и будет нужная тебе лекторская.

Вот с малым залом приема было примерно так же. Только вместо феникса — стражник.

Но глядя на то, как шла, зло дробя тишину коридора своими каблуками, эта эйра, я поняла: она обошлась без караульного. Взгляд ее пронзительно-фиалковых глаз пылал раздражением, светлые волосы развевались. Так идут на битву, желая расправиться с противником или... поскорее отделаться от чего-то.

В гробовом молчании она приблизилась к нам. И, сглотнув, вздернула голову и замерла с абсолютно прямой спиной, стоя рядом с окном.

Шло время, императрица не появлялась. Солнце уже давно миновало зенит и клонилось к закату. Зато благородные девицы всё прибывали. Появилась и русоволосая эйра с надменно-кислым выражением лица, и конфетно-улыбчивая девица, от одного вида которой во рту стало приторно-сладко, и почти перезрелая матрона, смотревшая на всех свысока. И все это — в относительном молчании. Ну, таком, которое может сохранить дружный женский коллектив на пять дюжин персон.

Я чувствовала себя в гадючьей яме, где змеи пока лишь поднимали головы и изредка шипели.

Впрочем, пока ни на кого не набрасываясь. И тут все шепотки разом стихли. А это могло означать только одно: в зале появилась Ее Величество — моя тайная свекровь.

За ней шли и двое стражников, и несколько фрейлин. Но я на них не обратила внимания. Потому как всё оно полностью было поглощено Ингрид Раннвейгской. Тем, как она невозмутимо шествовала по залу.

Если бы я точно не знала, что на нее несколько часов назад было совершено покушение, — ни за что не догадалась бы. Так... кажется, я начинаю подозревать, что своим хладнокровием ворон обязан не только отцу...

Малый зал — не тронный. Здесь не было возвышения для сидения монархов, как и самого престола. Зато имелись весьма удобные кресла. В одно из них меж тем императрица и опустилась. Отбор начался.

Помнится, школьная подруга Лонри, зачитывавшаяся романтическими историями о принцах, когда-то она с придыханием рассказывала об отборе в невесты Великому князю. Нам тогда было по тринадцать, и мы слушали о злоключениях эйры, что проходила одно сложное и опасное испытание за другим. Еще тогда мне в голову закралась мысль: если героиня так хотела корону, то украсть ее было значительно проще, чем подвергать себя риску, сражаясь с драконами, и потом получать сомнительный довесок к королевскому венцу в виде супруга-принца.

Так вот, с тех пор у меня засело в мозгу, что императорский отбор должен быть чем-то похож на то, что описывалось в том романе: состязания, демонстрация умений... Ну, не знаю, сражение на пьльцах хотя бы или, на худой конец, талант заваривать чай. Впрочем, в моем случае лучше бы провели конкурс ядоваров...

Но нет. Ее Величество, поправ все догмы жанра бульварного романа, проводила собеседование в миниатюре. Она задавала кандидаткам лишь один вопрос. И пока всех ответивших она отправляла восвояси.

Претенденток становилось все меньше. И если поначалу эйры норовили оттеснить конкурентку, то теперь... Я так полагаю, самые ушлые решили действовать по принципу: дождусь самого конца. Вдруг императрице ни одна не понравится, и она возьмет оставшуюся...

Я не заметила, как оказалась перед своей... кхм... родственницей.

— Что ты можешь дать как фрейлина имперскому двору? — спросила Ее Величество.

Мне припомнилось, как мои предшественницы перечисляют свои таланты и умения, и ответила честно:

— Минимум — нервный тик, о максимуме спросите у экзорциста.

Губы Ингрид Раннвейгской тронула улыбка, и она полуобернулась к одной из фрейлин.

— Что же... с этой хотя бы будет не пресно. Пусть останется.

После этой фразы меня аккуратно, под локоток, взяла другая фрейлина. Оказалось, чтобы сопроводить в отведенные мне покои. От нее же я узнала, что решение Ее Величества — неокончательное и, возможно, будут еще девушки, из которых спустя неделю выберут одну фрейлину. Пока же к нам будут... присматриваться.

Все это было сказано чуть снисходительным тоном, от которого я про себя горько усмехнулась: увы, недели у императрицы и ее свиты нет.? если я не справлюсь, то не будет и их самих.

— На вечер приглашены репортеры, чтобы в светской хронике осветить событие. Так что будьте готовы, эйра Мэрфи.

— Какое? — уточнила я, вынырнув из своих размышлений.

— Отбор! — Фрейлина вскинула брови от столь глупого вопроса с моей стороны.

— Простите, кажется, я переволновалась. — Пришлось мило и застенчиво улыбнуться, а затем попрощаться с моей провожатой. И лишь когда за ней закрылась дверь, а я прислонилась спиной к косяку, я смогла выдохнуть. Прикрыла глаза и произнесла:

— И я, кажется, даже знаю, кто будет на чарографиях в светской хронике...

Вспомнилась заметка в новостном листке, которую я читала утром, ища упоминания о компрометирующих снимках меня и ворона, затягивавшего корсет. И ведь тогда я и подумать не могла, что под именем четвертой эйры окажусь я.

«Значит надо попытаться не попасть в объективы чарокамер», — сделала для себя пометку, а потом... мысли опять вернулись к Ару. Потянулась к кристаллу связи. Вот только в этот раз разговор был не то что быстрым — буквально на бегу. Каратель кого-то преследовал. И тем не менее умудрился, уворачиваясь от пульсара, невозмутимо уточнить:

— Да, любимая?! Я немного занят...

— Прошла, — я сказала лишь слово. Но его ворону было достаточно. А после этого сама погасила кристалл связи. Ибо незачем отвлекать супруга. Вдоветь раньше времени мне не хотелось. У нас и так, можно сказать, семейная жизнь не из категории «долго и счастливо», скорее уж «коротко и со смертельным исходом». Посему хотелось хотя бы, как и полагается влюбленным из легенд, умереть вместе, прожив те несколько дней, что отпущены нам Проклятием Мороя.

Собиралась я на встречу с новостниками тщательно: выбрала из тех нарядов, что были в гардеробе, самое невзрачное. Лицо сделала бледным и, будь моя воля, вовсе предпочла бы маску, чтобы та закрывала меня. Всю. До самого пола.

Мои старания были не напрасны: поздним вечером репортеры не обратили на меня внимания, занятые тремя высокородными дамами. Надменной эйрой Ронор, фальшиво улыбающейся эйрой Соулин и той самой, с фиалковыми глазами, пылавшими гневом, — эйрой Шейлой.

Слушая, как щелкают затворами чарокамер новостники, я подумала, что их присутствие здесь — не только дань колонке светской хроники, но и ход в истинном стиле ворона: отвлечь публику от главного. Покушения.

Когда же новостники отбыли, а мы четверо вместе с остальными фрейлинами должны были отправиться ужинать в столовую залу, я позволила себе расслабиться. Зря. Неприятности в лице Вильфреда не заставили себя ждать.

Великий, чтоб он долго жил, князь с самым мрачным видом обнаружился у входа в обеденную залу. На проплывавшую мимо него стайку фрейлин он не обратил ровным счетом никакого внимания. Все оно досталось скромному экс-умертвию.

— Эйра Мэрфи, прошу вас задержаться на несколько минут, нам нужно поговорить.

Вроде бы его фраза прозвучала не громко. Но чтобы тонкий женский слух да не уловил нотки скандала, а обоняние не почувствовало разлившийся в воздухе тонкий аромат сплетни...

В нашу с Вильфредом сторону мгновенно повернулись милые личики двух десятков фрейлин. Вот и поговорили по — тихому... А ведь, судя по выражению лица Его Высочества, при посещении отдела карателей он узнал в умертвии меня и теперь пришел высказать фискалке и шпионке свое венценосное «фи».

Ну, раз хочет — пусть говорит. Только отбуксирую его в сторонку. Задумано — сделано. И плевать, что при этом я выглядела далеко не утонченной аристократкой, а скорее уж некромантом, добывшим себе отличный рабочий материал. Причем не просто добывшим, но и успевшим его подчинить. В смысле не присела перед Вильфредом в книксене, а затем, как подобает приличной придворной даме, безропотно посеменила подле. Нет. Широким шагом, так, что юбка колыхалась колоколом, шуршала, как стог сена, и грозила запутаться в ногах, если замешкаться, я решительно пошла по коридору. Первой.

Правда, недолго. Секунда — и меня уже нагнало Его Недовольное Высочество. Мы поравнялись с витражным стеклом, когда я резко остановилась и, повернувшись лицом к Вильфреду, произнесла:

— О чем вы хотели поговорить со мной, Великий князь?

Я посмотрела прямо ему в глаза и... В них не было ненависти. Злость? Да. Раздражение? Однозначно. И ещё — любопытство.

— Скорее кое-что вам сказать... эйра Мэрфи. Или всё же назовете мне свое настоящее имя? Сомневаюсь, что братец подослал бы к матери одного из своих агентов без соответствующего прикрытия.

Вспомнила, как я виртуозно умудряюсь влипать в неприятности, и мне так и захотелось сказать: «Зовите меня Счастливой. С родовой фамилией По Жизни». Только, думаю, такой ответ его вряд ли устроит.

— Тай.

— Тай, — он прокатил мое имя на языке, словно пробуя на вкус. И тот, судя по всему, показался ему далеким от лакричного леденца. — Мне не нравится, что брат ведет свою игру... — начал князь, а я

про себя перевела эту фразу с мужского языка на нормальный: «Меня бесит, что я посчитал вас приличной эйрой, а вы оказались шпионкой». — ...Но, так или иначе, я благодарен вам за то, что вы спасли жизнь моей матери.

Скорее всего, он ожидал в ответ что-то вроде ритуальной фразы: «служить империи — это мой долг», или «я не могла поступить иначе»... Но я не была карателем. И присяги не давала. Посему повисла тишина. Она была из тех, когда не нужно анализировать смысла фраз, достаточно понимать паузы между ними. А Великий князь, как и ворон, дураком не был.

— Тай... а вы, оказывается, сплошная загадка. Во всем. Даже... — Тут мой подборок бесцеремонно схватили и развернули лицом к свету со словами: — А в кабинете брата я поверил, что передо мной умирание...

— Я живая! — Резко мотнула головой, освобождая лицо из мужской руки.

— С вами, как я успел понять, нет ничего очевидного.

Какой же он упертый. Стиснула зубы, борясь с искушением доходчиво объяснить Вильфреду, кто я. Ведь если попытаюсь достучаться до брата ворона, боюсь, судить меня будут за избиение.

— Тогда у вас остается в моем случае поверить в невероятное, — парировала я.

Вильфред усмехнулся и, сделав шаг вперед так, что мы оказались неприлично близко, произнес:

— И все же... Какие бы распри ни были у нас с Арнсгаром, я не хочу, чтобы между мной и вами, Тай, — он выделил последние слова, — стояла вражда.

Вот ведь! Высочество! Раздражения на него не хватает. У кого бы занять?

— Я не держу на вас зла, — миролюбиво начала я, а затем не удержалась и добавила: — Потому что держать нечем: руки у некромантов обычно заняты арбалетом или чарами упокоения.

— Значит, маг смерти... — азартно произнес Вильфред, и я поняла: теперь братец ворона будет носом землю рыть, а выяснит обо мне всё.

А я нахмурилась, прикидывая: а не оглушить ли Его Высочество на недельку сонными чарами и не припрятать ли тело в надежном месте? Например, в склепе. А что? Так я точно спасу ему жизнь! Вот только ведь он наверняка обвешан охранными амулетами, как бродячий пес — репьями.

Но определенно этот тип нарывался на то, чтобы я наплевала на все охранные чары и зарядила ему промеж глаз заклинанием.

Но тут из темноты коридора раздалось:

— Однако какая занятная картина... — Этот голос я бы узнала из тысячи. Вот только сейчас он звенел холодной яростью.

Вильфред тут же отпустил мою талию и даже сделал несколько шагов назад. Что, кстати, было весьма разумно с его стороны. Я бы точно при виде столь мрачного ворона еще и парочку плетений щитов приготовила.

— Брат, какая встреча, — насмешливо протянул Вильфред, а затем, чуть склонив голову набок в шутовском поклоне, присовокупил: — Думаю, мне стоит удалиться. Все же встреча подчиненных с начальством...

И, невероятно довольный чем-то, развернувшись, он пошел прочь. А я осталась. Захотелось рвануть навстречу Ару, оказаться в его объятьях. Но потом до меня дошло, как мы с Вильфредом выглядели со стороны, и...

Мы замерли с вороном на миг. На один долгий миг, в котором было все. А потом... Не знаю, кто сделал первый шаг. Он? Я? Да не все ли равно, если мы встретились в объятьях друг друга. Ар открыл спиной дверь одной из пустых комнат, щелкнул замок, отсекая нас от всего мира, и...

Затем я поняла, что не только истина может родиться в споре, но и ребенок. А ревность — и вовсе одна из главных причин многодетных семей!

Ар целовал меня неистово. Словно клеймил. А я — отвечала ему тем же. Ворон оторвал мои руки от себя и припечатал к двери. Его язык вторгся в мой рот. Жадно, сильно. Каратель вжался бедрами мне в живот, и я почувствовала его мужское желание.

Я не удержалась, скользнув пальцами под его рубашку, ощутив кожей напряженные мышцы, выступающие кубики пресса. Ар вздрогнул от удовольствия.

— Я схожу по тебе с ума, — выдохнул он, пожирая меня голодным взглядом. — Никогда не думал, что способен на ревность...

Подалась вперед. Тело горело. Я была пьяна вороном. Он ласкал меня, целовал, не давая и мига, чтобы опомниться. Да я и не хотела. Ярость. Желание. Дикая, жадная потребность друг в друге. В прикосновениях.

Я почувствовала, как сильные руки подхватили меня под ягодицы, усадили на крышку клавесина, раздвигая ноги, поднимая подол платья. И это — не отрываясь ни на секунду от моих губ. Внизу живота словно вспыхнуло пламя. И оно поднималось выше, заставляя гореть уже меня всю, лишая воздуха, иссушая, рождая жажду, утолить которую могли только прикосновения ворона, поцелуи ворона... только он.

Мои пальцы скользнули на его шею, зарылись в черные жесткие волосы, отчего Ар застонал от удовольствия.

Я почувствовала, как его поцелуи спускаются все ниже: шея, обнаженная грудь. Я даже не заметила, когда ворон успел ослабить корсет.

А вот рука Ара, скользнувшая под подол, наоборот, поднималась все выше: шиколотка, обтянутая тонким чулком, колено, внутренняя сторона бедра. Прикосновения пальцев к обнаженной коже, на границе, где тонкий чулок закончился, а батист панталон ещё не начался, заставили меня простонать от наслаждения.

— Моя Тай... — Шепот, от которого по спине пробежали мурашки.

Шуршание ткани, когда?р справился с последним батистовым бастионом и... он вжался в мои бедра. Обхватила его ногами, словно это могло мне помочь на миг задержаться в этой реальности.

— Ар... — Мой не шепот, гортанный хрип, разнесся по комнате, залитой чернильным сумраком.

Он вбивался в меня, заставляя стонать от наслаждения, которое было одно на двоих. Мы любили друг друга на грани боли. Нас выворачивало наизнанку от дикой потребности обладания. И не было ничего важнее, чем утолить этот голод ласками, проникновением, шальными ударами, отдающимися ритмичным скрипом крышки клавесина.

Я откинула голову не в силах сдержаться. Улетая...

— Моя Тай... — Надсаженный голос ворона вернул меня в реальность. — Ты должна знать одну вещь обо мне.

— Да?! — скорее не сказала — промурлыкала, нежась в объятьях Ара.

— Тебе достался жутко ревнивый супруг.

Не удержалась от смешка:

— Значит, в этом мы с тобой похожи...

— Я понимал умом, что ты моя, что Вильф не претендует на тебя, и все равно... когда увидел, как он держит тебя за подбородок, прижавшись... Перед глазами была пелена. Хотел придушить этого паршивца.

Я подалась чуть вперед, прижалась лбом ко лбу ворона и прошептала:

— Я — только твоя. А ты — только мой. И так будет до самой смерти.

— И за Гранью — тоже. — Его рука прикоснулась к моему лицу, и я уже потянулась за еще одним поцелуем, когда Ар замер, на миг прикрыв глаза. А потом — выругался.

— Сработала одна из сигналок.

Но, прежде чем уйти из дворца, ворон помог мне привести себя в порядок и... как сущий мальчишка, украл еще один поцелуй... Ну как один. Один десяток — так точно. Все же юнцом он не был.

— Держи. Эту записку нужно будет передать моему отцу сразу, как я покину совещание перед взрывом, — ?р вручил мне послание. — А этот перстень, — он снял с пальца кольцо, — поможет миновать стражу.

Замысел ворона был прост и не влиял на ход событий, которые могли бы создать временной сдвиг. Вот только... Я стояла, глядя супругу вслед, и внутри росло предчувствие: с учетом моего везения,

одного плана могло быть маловато... Обязательно нужен минимум еще один, запасной.

А следующий день начался, как и подобает во всяком приличном женском коллективе, не с кофейного напитка, а со сплетен. Причем поводом для них стала именно я.

ГЛАВА 11

Мой уход с Вильфредом не остался без внимания. Причем, когда я услышала краем уха из уст конкурентки-недофрейлины пересказ моей встречи с великим князем и того, что при оной было, то сильно удивилась. А еще узнала о себе много нового и интересного.

Старалась эйра Соулин. Та самая, улыбки которой были столь приторны, что их можно было класть в кофе вместо сахара.

— Это надо же меня настолько ненавидеть, чтобы так вдохновенно врать, — с елейной улыбкой нарочито громко произнесла я.

Единственное, при этом я вышла из-за колонны, точно привидение из склепа: неожиданно и эффектно. Отчего сплетница настолько испугалась, что даже подпрыгнула на софе. Ее слушательницы — фрейлины, закаленные дворцовой жизнью, — и бровью не повели. Зато, пригубив кофе, одна из дам окинула нас с эйрой Соулин оценивающим взглядом и тихо, но так, чтобы все слышали, обратилась к соседке:

— Ставлю десять форинтов на провинциалку. Она позубастее многих придворных будет...

Сплетница вспыхнула. Ее ноздри затрепетали. Она хотела, явно хотела что-то ответить. Когда понимаешь, что на тебя заключили пари, так и тянет высказать много всего и не очень лестного, но... то ли воспитание не позволило, то ли острого ответа не нашлось. Посему дама решила поступить как истинная аристократка: гордо и молчаливо удалиться. Соулин воинственно прошуршала юбками к выходу.

Я осталась под прицелом взглядов полутора дюжин взглядов фрейлин и двух — недофрейлин. И если они надеялись, что я хотя бы покраснею... Что могу сказать. Наивные. Меня поднятое кладбище нежити смутить не могло, не то что какие-то свитские дамы.

Видя мою реакцию, та из них, что решила обогатиться за мой счет, сделав ставку, прокомментировала:

— Милые эйры, я так вам скажу: с этой Соулин нам не о чем даже выпить рюмку чая ...

И по одной этой фразе я поняла: хоть решение по тому, кто победит в отборе, и принимает императрица, но и дамы из ее свиты играют в этом не последнюю роль. Приняв это к сведению, я только было нацелилась на чашку кофе, как в музыкальную комнату вошла императрица. А дальше в моей жизни случились два часа неспешного моциона по саду. Толпа свитских девиц прогуливалась меж газонов и клумб под неусыпным вниманием стражников.

Но все это ровно до того момента, как серое небо не расколол гром. Только молний не было. Зато взрыв...

— Что это? — схватилась за сердце одна из фрейлин. И демон меня дернул ответить:

— Взрыв на винокурне... — причем сказала я это спокойно.

Для меня это была вежа, пограничье того срока, которое мне отмерило проклятье. А для остальных — событие, которое они проживают впервые.

— Что?

— Откуда вы знаете?

— Да не может быть?!

— Бросьте, это ерунда!

Поднялся гомон голосов. И среди этого гвалта я почувствовала на себе взгляд. Обернулась. Императрица смотрела на меня прищурившись. И стало ясно: она знает не только о том, кто ее спас, но и мое настоящее имя.

— Ну, Вильфред... — прошипела сквозь зубы.

Это длилось долю секунды, потом же мне пришлось отвечать на вопросы дам. «Да, я отлично знаю тот район», «нет, гром звучит совсем иначе», «винокурня — единственное, что там могло взорваться»... Кажется, мне поверили. И даже приняли за свою: ведь только истинная эйра может быть столь невозмутима. Подозреваю, что и ставки ещё сделали. Но уже не демонстративно, а втихаря.

Впрочем, лицезреть еще и мой забег в парке на колесе мне ничуть не хотелось. И, когда императрица пожелала отправиться в покои, я, признаться, вздохнула с облегчением. Едва мы оказались во дворце, царственным взмахом руки Ее Величество отпустила всех фрейлин.

Когда я шла к себе, меня чуть не сшиб спешащий куда-то слуга, он бормотал себе под нос:

— Меня точно убьют. Или ещё хуже — уволят! Потерять печати от комнаты с родовым древом. Где же они... — причитал он.

Он уже давно скрылся, а я все ещё стояла, как громом пораженная. Ну ворон. Ну... каратель. Не только меня поревновать успел, но, кажется, и запечатать комнату с генеалогическим древом!

У нас тоже было такое — правда, совсем маленькое и росло в горшке. А на его ветках вместо плодов висели чарографии в рамках. Вот только изображение кухни папе пришлось сращивать магией, когда он выдавал Нарю за свою дочь... Зато наше генеалогическое дерево было компактным и транспортабельным.

Подозреваю, что для родового древа императора горшочка маловато. Подойдет, скажем, целая комната. И когда на генеалогической ветке появилось новое яблочко по имени «Тайрин»... В общем, судя по всему, Ар предпочел, чтобы его увидели как можно позже.

Но ведь я даже не подумала, что нас с вороном вот так просто могли раскусить. Впрочем, меня оправдывало то, что голова была занята другим — запасным планом по спасению семьи ворона. Записка — это, конечно, хорошо, но все же... Осталось чуть больше двух дней, а у меня самый перспективный резервный вариант — сонный отвар. Но ведь разом всех не напоишь и незаметно мимо стражей на закорках всех не утащишь...

Пока же была свободная минута, я решила исследовать зал совещаний. Да и вообще то самое крыло дворца, которое взорвется. Сомневаюсь, конечно, что найду проклятье, которое должно сдетонировать. Да и не факт, что оно уже во дворце. И все же...

Вот только если мой план был прост и гениален на стадии задумки, то его реализация... Для начала я повстречала в коридоре Его Императорское Величество. Охрана монарха оттеснила меня к стеночке. По мне мазнули взглядом, как по предмету интерьера, и прошли дальше. Я выждала и уже гораздо осторожнее и осмотрительнее (а то мало ли!) продолжила свой путь. И, проходя мимо одного из альковов, услышала:

— Я пройду этот отбор, чего бы мне это ни стоило! — Голос мне был смутно знаком.

— И все же, Шейла, я, в отличие от твоей матери, считаю, что тебе бы лучше подошли не дворцовые кринолины, а фамилия эйра Мурина. Он респектабельный господин, который сможет обеспечить тебе соответствующий уровень жизни...

— И пышные похороны. Он знает в них толк! Как-никак на тот свет уже пять жен отправил... Дядя, мы уже говорили по этому поводу. И ты сам поклялся, что если я смогу обеспечить себе и матери достойную жизнь и выкуплю закладную на наш дом, то ни о каком браке и речи быть не может, — ее голос звенел яростью.

— Но ты пока не фрейлина. Да и зная тебя... придворная жизнь — это не то, что тебя манит. Шейла, ты не создана для интриг и политики...

Моя светловолосая соперница резко обернулась. Я увидела, как сверкнули гневом фиалковые глаза. Ее рука сжала переговорный кристалл, на полуслове обрывая речь дяди.

— Подслушиваешь? — То, каким аккуратным жестом она убрала амулет, как плавно двигалась, как внимательно смотрела на меня, — все это без слов говорило: сейчас у нас намечается милый женский разговор, из которого целой выйдет только одна.

— Стараюсь быть причастной. — Я тоже плавно двинулась в сторону. Не знаю, маг она или нет, но, определенно, эйра Шейла не только реверансы умела делать. Руки так точно у нее получались превосходно. Только успевай уклоняться.

— Ну сейчас. Я тебя. И причащу тогда. Фискалка. Все равно в этом отборе должна остаться только одна...

Я уклонилась раз, другой, а на третий с пальцев сам собой слетел спеленывающий аркан. Причем он получился такой качественный... Я даже пожалела, что агрессивные недофрейлины кончились.

А вот теперь поговорим... Я склонилась над упавшей на пол Шейлой. И тут же получила удар по лодыжке. Сильный. Точный. Покачнулась и, не удержав равновесия, упала рядом. И лишь чудом увернулась от атаки лбом в переносицу.

Нет, определенно, эта эйра может за себя постоять. И полежать. Последнее, с учетом нашего горизонтального положения, оказалось более актуально.

Вот только, увы, «договорить» нам не дали. Появившаяся стража скрутила меня. Ну и сребровласку на всякий случай.

— Что здесь происходит? — сурово спросил один из охранников.

— Мы беседовали, — процедила Шейла.

— И нечаянно упали, — вторила ей я.

— А аркан? — уточнил страж тоном «не делайте из меня дураков».

— Случайно сорвался.

Не знаю, о чем в этот момент подумал стражник. Но, судя по его виду, мужчиной он был многоопытным и понимал, что обстоятельства нужно принимать такими, какие они есть, без прикрас, а женщин — такими, какими они прикидываются.

— Ну, раз нечаянно...

Они ушли спустя несколько минут, а мы с Шейлой остались. В неловком молчании, которое я, сглотнув, все же решила нарушить:

— Прости, что невольно стала свидетельницей разговора...

— Сама виновата. Нужно быть осмотрительнее, — фыркнула эйра, впрочем, не спеша принять мои извинения.

А я... Представила себя на ее месте. Когда выбор стоит между «не нравится» и «совсем не нравится». Когда быть фрейлиной тебе претит, но есть чувство долга. А ещё — жгучее нежелание становиться очередной женой сомнительного типа.

Слова признания вырвались сами собой:

— Мне не нужна должность фрейлины. И я не буду стоять у тебя на пути.

— Что? — неверяще произнесла Шейла.

Пришлось повторить. Два раза и с выражением. Поверила ли она мне? Скорее нет, чем да. Ведь я не клялась на крови. А что до заверений... Как говорится — слова не монеты, их не жалко.

Но что-то между нами изменилось. И мы обе это почувствовали. Расстались мы у того же алькова. Не знаю, куда направилась Шей, а вот я — к залу совещаний. Я изучала план крыла, когда на город начали опускаться вечерние сумерки. И... почувствовала, когда дворец загудел от событий, что произошли в парке.

Обратный отсчет. Всего два деления. Два дня. А за ними — взрыв. И вместе со страхом, что не смогу, не успею, росла и тревога за ворона.

А пока же... я старалась держаться от неприятностей подальше, но не упускать их из виду.

Ночь прошла в смятых простынях, душной постели и липком страхе. Я металась меж сном и явью. И из этого то ли сна, то ли пытки меня под утро вырвал звук кристалла связи.

Ворон. Я схватила амулет и услышала нежное:

— Тай...

— Ар, — я облегченно выдохнула. Живой.

— Как ты без меня? — Вроде бы простая, обыденная фраза, но она окутала меня теплом и спокойствием.

— Злодействую помаленьку... — я была сама не невинность.

— Дворец пока цел? — прозорливо уточнил ворон.

— Он — да, а вот нервы некоторых — уже не очень. И вообще, я и подумать не могла, что во дворце меня ждут такие удивительные будни.

— Может, удивительные? — хмыкнул ворон.

— Нет. Именно такие, что хочется кого-нибудь удавить. Это не фрейлярий, — я не знала, как точно назвать место обитания придворных дам. Не серпентарием же? — это сборище лучших подлюг!

Ворон все же рассмеялся.

— Скажи, Ар. А если тебе доведется ударить брата, то ты получишь откат охранного заклинания? Ведь все члены императорской семьи под защитой охранных чар.

— Родственников это не касается, — нахмурился ворон и тут же насторожился: — К чему ты спрашиваешь?

— Хочу знать, чем мне может грозить попытка спасения, — фыркнула я и задала вопрос, мучивший меня:

— Ты что-нибудь узнал?

— Да, — Ар стал предельно собран и серьезен. — След заговорщиков тянется из-за границы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что тот, кто стоит во главе, — скорее всего, даже не подданный империи.

Я хотела расспросить подробнее, но тут раздался стук в дверь: горничная пришла будить. Пришлось спешно прощаться.

Утро началось в духе «проснись и стой!». Я и стояла. Сначала в тронном зале подле императрицы, потом — в храме на проповеди, затем — на пуфике, пока модистки снимали мерки, а вечером — снова на ногах, в храме, куда Ее Величество, подавая пример своим подданным, отправлялась помолиться каждую неделю. Ее Величество всем своим видом показывала гражданам, что в стране все спокойно, что власть — нерушима. И лишь сейчас я поняла, как это тяжело: безмятежно улыбаться, когда знаешь, что в любой момент можешь получить удар в спину.

Вывраться смогла лишь вечером — когда вроде бы вечер уже отступил, но ночь еще не полностью вошла в свои права. Придворные дамы отбыли в свои покои, а я, следуя завету магистра Гыргырницкого «тяжело в учении, легко в гробу», отправилась изучать лабиринты коридоров и потайных проходов, так сказать, на местности.

План мне удалось раздобыть накануне тяжелыми моральными усилиями. Все — со стороны пойманного мной дворцового привидения. Которое за двести лет обитания в резиденции, как оказалось, еще ни разу не шантажировало. Причем не развоплощением, а вселением. В крысу. И причем не матерого пасюка, а амбарную рыжуху. На описании процесса беременности грызунов призрак дрогнул своим прозрачным телом, сдался и открыл мне тайны секретных проходов.

Торгово-вымогательские отношения я вела через зеркало. Именно в нем мне удалось запереть призрак. Полагаю, картина со стороны была жутковатой: полупрозрачный скелет, высунувшись из рамы, пытается торговаться и угрожать одновременно.

Как итог этого некромантского шантажа, под утро я, грязная, обмотанная паутиной не хуже, чем мумия — бинтами, вернулась к себе и, умывшись, уснула мертвецким сном. До переворота оставалось совсем немного. Но главное, теперь я уже знала, что делать...

Весь следующий день прошел в нервном напряжении, а под вечер я услышала то, чего так ждала и боялась: император объявил экстренное совещание. Счет пошел на минуты.

Я же спрятала в широком рукаве платья узкий метательный кинжал. Его я раздобыла в имперской оружейной. Отточенная сталь всегда была веским доводом в любом споре. Я, конечно, постараюсь не совать свой нож в чужие тела, но тут уж как придется...

Императрица потребовал к себе фрейлин. И свитские дамы спешили в читальную залу. Я тоже направлялась туда, но, проходя мимо одной из ниш, почувствовала, как сильная рука утянула меня за портьеру. Заклинание использовать я не успевала, а вот кинжал...

— Тай! — ворон успел произнести это за миг до того, как я занесенным острием была готова расцезать лицо нападавшему. Его лицо.

Скупой блеск металла застыл на пике острия, как застывает на секунду капля яда, чтобы сорваться вниз. И убить.

Мы замерли недвижимыми. Я и ворон. Сталь застыла в дюйме от его скулы, а внутри меня все похолодело.

— Тай? — Ворон смотрел мне прямо в глаза.

А у меня возникла глупая мысль: он, как и этот клинок, рожден в пламени, выкован под ударами судьбы, закален холодом, и на вороне, как на клинке, стоит клеймо «служить верно и не подвести». Только у Ара эту надпись заменяет символ карателя, выжженный на запястье.

— Извини, сработали рефлексы. — Я опустила кинжал, и... в тот же миг ворон притянул меня к себе, заставляя забыть обо всем.

Мы оба знали: это наша последняя встреча. Через несколько часов мы оба умрем. Поцелуи бывают нежными, невесомыми. Есть поцелуй-точка. Поцелуй-вызов. А наш был отчаянным прощанием. До распухших губ, до дрожи. Нежность, страсть, томительная ласка и почти агрессия. Нам не хватало воздуха, друг друга, времени.

— Не здесь... — шепот ворона окатил меня жаркой волной.

А потом... я почти не помню, как мы оказались в спальне. И чьей она была, я даже не представляла.

Тело горело от дикой ласки, сознание плавилось. Кинжал, который я до этого зажимала в руке, упал со стуком на пол. Рядом с ним несколько минут спустя оказалась и наша одежда.

Ворон не оторвался от моих губ, даже когда мы упали на кровать. Его руки блуждали по моей груди, животу, бедрам, рождая во мне стоны удовольствия, которые я не могла, да и не хотела сдерживать. Небо, как же это было прекрасно!

Я чувствовала, как Ар прижимается ко мне обнаженным горячим телом, его тяжесть, его возбуждение. Нас обоих трясло от желания. Хотелось лишь одного: ощутить, как ворон вбивается в мое тело.

Его пальцы коснулись внутренней поверхности бедра и начали подниматься выше. Поглаживая, дразня, лаская, даря наслаждение.

— Я хочу, чтобы сегодня ты кричала. Для меня, — хриплый голос ворона был словно удар по полностью обнаженным чувствам.

Не выдержала: впилась ногтями в его плечи. До кровавых полумесяцев на коже. Ар простонал от наслаждения и подался навстречу, вжимаясь в меня ягодицами. Я обхватила его плечи и услышала надрывный порочный вдох.

Мы сдавались друг другу в плен.

Я провела ладонью по его лопаткам, широкой спине, напряженным мышцам, впадине позвоночника. Ворон. Сильный, уверенный, твердый. И я, податливая в его руках, словно мягкий воск. Мы были абсолютно разными, из разных миров и никогда не должны были встретиться. Еще недавно Тайрин Росс ненавидела Арнсгара, Верховного карателя, по вине которого нашей семье пришлось пройти через нелегкие испытания.

И этой ночью мы любили друг друга. Отчаянно. Безоглядно. Зная, что завтра для нас не наступит.

Эта ночь была последней. Самой сладкой. Самой горькой. Нашей.

Ворон дарил мне умелые ласки, возбуждая, сводя с ума. Моя ладонь скользнула на его живот, и он вздрогнул от удовольствия. А я осмелела. Пальцы спустились ниже.

— Еще... — простонал он мне в губы, часто дыша.

Осторожно обхватила ту часть мужского тела, которая способна дарить не только наслаждение, но и жизнь. Скользнула выше и опустила сжатую ладонь.

— Та-ай. — Услышала я его почти рык.

А затем Ар отнял мою ладонь и вжался в меня. Еще раз и еще. Разгоряченная кожа, запах страсти и пота, разметавшиеся волосы, напряженные мышцы — сегодня в этой спальне сплелись наши тела, стоны, души. В этот миг мы были единым целым. Дарили себя и обладали друг другом. Я судорожно цеплялась за его плечи, чувствуя, как Ар заполняет меня, всю, без остатка.

Ритмичные толчки уносили меня все выше. Я откинула голову, умирая и рождаясь в руках ворона, слыша его:

— Да, Тай, да...

Мы были мокрые, уставшие приятной усталостью, которая дарила легкость и веру: все возможно, у нас все получится. В этот миг мы чувствовали себя бессмертными.

— Если бы мы не узаконили наши разращения раньше, то я просто обязан бы был это сделать сейчас, — усмехнулся ворон, целуя мое плечо.

— Увы, боюсь, на это не было бы времени. — Я посмотрела в его глаза, блестящие во мраке.

— Но я был предусмотрителен... — заявил ворон в лучших традициях «сам себя не похвалишь, сидишь как оплеванный».

— О да, ты настолько предусмотрителен, что даже залу с родовым древом запер, — поддакнула я.

— А еще я подготовил пакет для отца. — Он встал и, не смущаясь своей наготы, прошел к нашим вещам, лежавшим на полу. Я залюбовалась его телом: жгутами мышц, отметинами шрамов и вязью татуировок и рун на расцарапанном мною плече.

— Тай, передай это императору. Здесь доказательства вины того, кто стоит во главе заговора. Сегодня во время штурма он будет в здании музея. И я сделаю все, чтобы он не дожид до рассвета.

— Я поняла...

Мы одевались быстро. Выйдя из спальни в коридор, я поспешила в читальную залу, а ворон — наоборот, прочь из дворца. Но не успела я сделать и пяти шагов, как услышала:

— Тай!

Замерла, чтобы резко обернуться и... Ар вернулся, преодолев разделявшее нас расстояние, и поцеловал меня. Еще раз. Теперь точно — последний.

Но даже в такой момент мое невезение не могло не напомнить о себе. На этот раз у него был ехидный голос Вильфреда:

— Братец, ты ли это? Такое безрассудство. И это вместо того, чтобы спешить на совещание.

— Сгинь за Гранью! — раздраженно бросил ворон. — Дай мне на прощание поцеловать свою жену!

А спустя секунду я поняла, что даже великие князья знают словечки жителей тущоб.

— Твою ж!..

М-да... Второе «фи» в мой адрес в исполнении Вильфреда было поэмоциональнее первого. Вот ведь я: снова обманула его! А он только свыкся с мыслью, что Тай не скромная провинциалка, а шпионка. И тут второе «здрости».

— Что? Как? — Вильфред выстрелил в брата сразу залпом вопросов. — Где ты вообще ее откопал?

— На кладбище. Она со стаей озверевшей нежити дралась...

— Жаль, что ее там не загрызли, — родственничек, который так и не простил мне первый конспиративный обман, был предельно честен.

Так и тянуло возразить «вообще-то загрызли», но я сдержалась.

— Вил, еще одно слово и...

— И начнется совещание, — напомнила я, разом охладив пыл обоих.

— Иди. Я буду через минуту, — холодно произнес ворон.

Вильфред нехотя подчинился.

— Зато теперь я понял, почему он весь совет косил на меня налитым кровью глазом, — усмехнулся? р. А затем взял мое лицо в руки и невесомо коснулся губами лба. — Увидимся за Гранью.

— За Гранью, — эхом отозвалась я.

Ворон ушел. А я еще несколько минут смотрела ему вслед. Я вскинула голову. Вдох. Выдох. Мудрецы говорят: боишься — не делай. Делаешь — не бойся. Сделал — не сожалей.

Но когда у тебя выбор лишь в том, как умереть, отступают не только страх и сожаление. Вообще все чувства.

Совещание длилось чуть больше часа и закончилось хлопнувшей дверью: ворон покинул зал, за стенами которого император и совет остались обсуждать вопросы помимо разрешения на прилет драконов.

Я незаметно скрылась из свиты Ее Величества больше получаса назад. И теперь стояла, выжидая момент, за одной из колонн.

По договоренности с Аром я должна была войти в зал, протянуть Императору записку от ворона с предупреждением и подтвердить это родовым перстнем. Кольцо же — стать мне пропуском через охрану у дверей.

Но я на всякий случай подготовила и свою «импровизацию», для которой мне и понадобился кинжал. Ибо второй попытки не будет.

Когда я подошла ко входу в зал совещаний, который охраняли двое стражников, то услышала чеканное:

— Приказ никого не впускать!

Предъявленный перстень не возымел действия. На моей руке возник другой аргумент: плетение связующего аркана. И тут выяснилось, что господа-стражи — боевые маги.

— Если вы используете чары, — сверкая пульсаром, предупредил страж, — то я буду вынужден вас убить.

Я сжала зубы, осознав: даже если я прорвусь в зал, меня не будут слушать. Просто примут за ещё одну сумасшедшую... И я втянула плетение в ладонь.

— Хорошо. Я приду чуть позже, — с этими словами я отступила.

Внутри все заледенело. Хотелось сорваться в бег, закричать. Но я шла, не прибавляя шага, не привлекая внимания, с прямой спиной. В читальную комнату. Именно там был мой пропуск в зал совещаний. В любой, демоны деря этот дворец, зал.

Я приблизилась к ней бесшумно. Как учили будущих некромантов. Чтобы ненароком не спугнуть чуткую нежить и тем не дать себя убить. Шаг. Второй. Словно по битому стеклу. Осторожно.

Сталь вышла из рукава тихо, как змея, готовая к броску. И так же тихо легла у шеи?е Величества.

— Советую не шевелиться, — я была вкрадчива.

Выдержке Ингрид Раннвейгской позавидовал бы любой дракон, что провел в каменном плену столетия. Она даже не шелохнулась.

Замерли и все вокруг. Стажи, стоявшие у входа, просто не успели среагировать, не ожидая подвоха среди, казалось, не только проверенных, но и перепроверенных, уж точно благонадежных дам.

Фрейлины же просто не знали, что делать. Одна из них попробовала уронить томик и завизжать. Но книга со стуком упала, а крика не последовала. А все потому, что Ее Величество произнесла всего лишь одно короткое:

— Цыц!

После этого еще парочка аристократок раздумали падать в обморок. А моя свекровь тихо задала вопрос уже мне:

— Зачем?

— Потому что я хочу вас спасти. Вас, ваших сыновей и супруга. Но, боюсь, мужчины не услышат в пылу политических споров голос скромной фрейлины.

— Спасти? — впервые в голосе Ингрид я услышала тревогу.

— Да. Не бросать же родственников в беде. — И в доказательство своих слов попросила: — Отодвиньте мой рукав.

М-да, не так я в своих девичьих мечтах представляла официальное знакомство со свекровью. Но императрица, увидев на моем запястье вязь родовой брачной татуировки, все поняла.

— Кто?

— Арнсгар.

— Хорошо...

Я не поняла, к чему именно относилось это ее «хорошо». Да и размышлять было некогда. Важнее было осуществить задуманное безумство. И императрица, взятая в заложники, для этого отлично

подходила.

В зал совещаний я все же не попала. Зато совет всем составом попал в читальную. В другое крыло дворца. Повинуясь моим требованиям. И именно в тот момент, когда в комнату вошел император, раздался взрыв.

Я едва успела отнять кинжал от горла Ингрид, как нас всех опрокинуло ударной волной. Она опрокинула стулья, прокатила тела по полу. Вазы, витражи брызнули осколками. Они наверняка изрешетили бы половину тех, кто был в зале, если бы не заслон, который Вильфред выставил в последний момент. Но на миг раньше его руку прошило все же разбитое стекло. И щит, продержавшись недолго, лопнул. Но он был уже и не нужен: волна прошла. Прокатившись по дворцу, она спустилась с Имперского холма ниже, на город, и ослабла.

Я смотрела остекленевшим взором туда, где миг назад был магический заслон, и внутри меня словно сработал переключатель. Первый постулат некромантии гласил: со смертью мага его сила покидает тело и возвращается в мир Граней. И это касалось не только магов, но и... Мысль, вертевшаяся на периферии сознания, зудела, чесалась на кончиках пальцев, сверлила в мозгу, била по ушам.

А мы при этом остались в разоренной тишине. Кого-то контузило. Некоторых все же зацепило осколками. Но семья ворона была жива. И это главное.

Я на негнущихся ногах встала и протянула императору запечатанный конверт от ворона. Меня попытались остановить, но отец?ра поднял руку в упреждающем жесте. Я понимала, что строки письма предназначались только его отцу. Огласка имени верховного заговорщика могла дорого стоить всей империи. Ведь если он работал на другое государство, то открытое обвинение в адрес соседа — это однозначно война.

Его величество начал распечатывать конверт, когда в выбитые стекла ударил поток воздуха, явив дракона. А в следующий миг на широком низком подоконнике уже стоял человек.

— Дьярвирон Пробужденный, — я не спрашивала, утверждала.

— С кем имею честь? — церемонно уточнил он, хотя среди хаоса и разрухи этот вопрос звучал столь же уместно, сколь проповедь о постной пище в мясной лавке.

— Я Тайрин Росс, сестра Нары. Той, что тебя пробудила. И теперь я прошу оказать мне ответную услугу: помочь умереть.

Дракон, сделавший было в мою сторону шаг, запнулся.

— Что?

— Мне нужно попасть к музею. Немедленно. — Я решительно ткнула пальцем в направлении острого шпиля, так что ящер невольно проследил за направлением моего перста.

А затем, вновь повернувшись ко мне, возразил:

— Я прилетел за братом... — начал было он.

— У меня меньше десяти минут до моей смерти! — рявкнула я, почувствовав, как вокруг начала разливаться моя магия смерти: дар стал выходить из-под контроля.

— И почему, как только я оказываюсь в столице, мне на шею норовит запрыгнуть какая-то из девиц Росс, — фыркнул дракон и, повернувшись к окну, крикнул: — За мной, — и прыгнул. А вслед ему полетел рокот правителя, дочитавшего послание Арнсгара:

— Поймать! Задержать преступника!

Ну поймать, так поймать. Я девушка послушная. Разбежалась и прыгнула следом. Юбки взметнулись колоколом во время падения, небо и земля поменялись местами, а затем я ощутила сильный рывок. Определенно, из нас с драконом кто-то кого-то поймал. Насчет «задержать»... сомневаюсь.

В противоречие словам Дьярвирона, я не летела на его шее, а болтаясь вниз головой. Ящер же зажал в пасти подол моего платья. Сам же виртуозно уклонялся от атакующих чар магов. Всё же рьяно оные кинулись выполнять приказ.

«И почему отец Ара посчитал Дьярвирона преступником??н же только что прибыл», — задалась я вопросом. Правильно, о чем ещё думать, вися вниз головой за пару минут до смерти. Нормальные девушки хотя бы визжат для приличия... Но где я, а где норма? Правильно: в разных склепах похоронены.

«Может, потому что революцию в вашей империи затеял мой младший брат?», — в моей голове раздался голос дракона.

И хорошо, что я в этот момент висела. И вырваться не могла, иначе... сократила бы популяцию драконов минимум на одну шутку.

— Что-о-о? — заорала я, дернувшись так, что ткань предупреждающе затрещала.

«То, — передразнил меня ящер, — беда с этими младшими. Рохтар решил, что он самый умный. И сможет завоевать земли соседей, не сделав ни единого плевка пламени. А заодно — и выбить трон из-под моего хвоста. Он придумал, как ему казалось, гениальный план: устроить гражданскую войну в твоей стране, посеять хаос и разорение. И после этого люди примут любую власть, которая спасет их от нищеты и опустошения. Даже если у правителя будут крылья и чешуйчатый хвост».

Я выругалась. Грязно и от души. Дракон поддержал меня солидарным молчанием.

— Ты говорил про выбитый из-под твоего хвоста трон... — вслух говорить было привычнее, чем мыслеречью.

«Право Большого», — туманно мысленно произнес дракон. На этом наша беседа и закончилась. Потому как я увидела двоих. Они взмыли с земли и зависли в воздухе друг напротив друга. Лыдистый дракон и... ворон в обгоревшей рубахе, с ожогами на плечах. Ар удерживал щит в полете.

Левитация. Без предварительной тщательной подготовки, амулетов-накопителей — она была доступна единицам сильнейших магов. Отнимала прорву сил и требовала невероятной концентрации.

Под вороном и лыдистым зияли рассеченные в гранитную крошку камни мостовой, вывернутые булыжники, плещущие на каменных плитах языки огня...

Надсадно хлопнули крылья, я почувствовала пружинящий удар. Дьярвирон раскрыл пасть и выплюнул меня на ступени музея. Я упала, ободрав колени, ладони и, кажется, повредив запястье. Последнее я ощутила, когда попыталась опереться, поднимаясь со ступеней. Сжала зубы и встала.

Я — мертвые и Ар, еще не шагнувший во врата, уже были в здании и не могли видеть того, что происходило сейчас на площади перед музеем, того пламени из глотки лыдистого дракона, которое плавало камни мостовой.

Это был не поединок дракона и мага, а битва двух диких стихий в ночном небе: черного пламени карателя и красного огня сродни тому, который рожден в жерле вулкана.

Двое. Дракон, пробудившийся из камня, великий древний. И смертный, приговоренный проклятием Мороя.

Ар взметнул аркан, уходя от ядерного драконьего пламени, чтобы выставить щит. Удар. Так сходятся две молнии, впиваясь друг в друга, чтобы спустя томительные минуты на земле услышали грохот от края до края неба. Я скорее почувствовала, чем увидела, как дракон, принесший меня, взмывает в воздух.

Но прежде, чем Дьярвирон бросился наперерез брату, лыдистый успел сделать ещё один плевок. В стоящую на земле меня.

Я не успевала увернуться, сплести щит и... наверняка сгорела бы, если бы не ворон. Ар бросился наперерез, подставляясь сам.

— Нет! — Мой крик отчаяния и боли слился с треском пламени, залившим светом все окрест.

В следующую секунду я увидела, как каратель, на чистой, сырой силе удержал поток пламени лыдистого. Ящер, поняв, что не сумел сжечь противника, взревел. А затем открыл пасть для нового плевка и... И именно в этот момент? рнсгар пронзил его свитым из потоков воздуха и самой смерти копьём Ироя. Заклинанием, убивающим и тело, и душу. Оно вошло точно под челюсть ящера.

Крика дракона не было, был сип. Туша завалилась и упала бы на камни мостовой, разбившись, не схвати ее когтями подлетевший Дьярвирон.

Ворон опустился на мостовую, раненый, обожженный. Он повернулся ко мне со словами:

— Я все-таки увидел тебя еще раз... — Протянул руку ко мне, и... она стала светлеть. Еще немного — и начнет развеиваться. Превращаться в прах, уносимый потоком.

Внутри словно перевернулась kleпсидра с песком. Секунды. Счет пошел на секунды. Только бы успеть. И плевать, что ворон мне этого никогда не простит... Если есть хоть призрачный шанс, то...

Ступени зала первого этажа, спуск по лестнице в подвалы. Перепрыгнула через обезглавленное тело, голову которого я когда-то снесла арбалетом. Реставраторская. Я увидела себя: как меня, умертвие, затягивает во врата. Но меня, которая вот-вот начнет распадаться, интересовало лишь одно: амулет в виде табакерки. Проклятие Мороя.

Если убить мага — распадаются и те чары, которые он питал своей силой.? если уничтожить артефакт, то... я сжала шкатулку, хранившую в себе матрицу проклятия, целой рукой. Вливая в нее свой дар. Дар мага смерти.

Лакированная поверхность пошла трещинами, словно это было не дерево, а тончайший хрусталь, и... Брызги света ослепили меня. Я ощутила, как в одно и то же время я остаюсь сидящей на месте и меня же подхватывает неумолимое течение и буквально выносит в образовавшуюся временную дыру. Словно щепку через узкое русло ручейка. Рушилась та стена, которая не давала всем, решившим отправиться в прошлое, прожить дольше той минуты, в которую они шагнули во Врата.

Зрение медленно возвращалось. Сияя цветными пятнами кругов пред глазами. А я... истерично засмеялась. Кажется, я была самой невезучей грабительницей в истории: мало того, что украла проклятие, оставленное мне вороном, у самой себя, так еще и уничтожила его. Интересно, что мне за это будет? Плаха или каторга, как изменнице?

И ворон — он не простит мне того, что я угробила величайшее оружие в истории. Плевать. Главное, что он жив...

Я вышла на деревянных ногах из музея. На крыльцо уже высыпали каратели. И все они поражались тому, что видели.

Битва дракона и Арнсгара длилась всего несколько минут. Минут, которые для меня были вечностью. И сейчас ворон стоял посреди развороченной мостовой, больше похожий на головешку, чем на человека. Но он был жив.

Наши взгляды встретились. Он все понял. Без слов.

Шаг навстречу, еще один и еще. Мы встретились на ступенях.

— Я его уничтожила, — произнесла ради того, чтобы что-то сказать.

Ожидала в ответ всего, чего угодно, но не:

— Те, кто создавал проклятие, говорили, что это невозможно.

— Наверное, они просто не пробовали. — У меня вырвался нервный смешок. — Теперь у империи нет оружия, способного переломить или даже предотвратить войну...

— Зато у меня есть ты. Это для меня важнее. — Он посмотрел мне в глаза, а показалось — что в самое сердце. — И мы вместе. Навсегда. В жизни и смерти.

— Значит, и на каторгу — вместе? Или что там грозит за порчу особо ценного имперского имущества? — произнесла я с грустной улыбкой. Это была та самая шутка, в которой лишь доля шутки.

— Вообще-то за уничтожение такого уровня — виселица. Но мы с тобой принадлежим семье императора, так что... Думаю, изгнание и пожизненная ссылка. И тебе ее придется провести с тем еще красавчиком. — Ворон показал на свою скулу, где кожа лопнула от поцеловавшего ее пламени.

— Нашел чем напугать некроманта! — тут же нашлась я.

А потом, почувствовав, что ноги не держат меня, опустилась на ступени. Ворон сел рядом. Мы смотрели на языки пламени, догоравшие на мостовой, на разрушенное крыло дворца, на то, как выводят из музея арестованных заговорщиков, на суету подоспевших патрульных отрядов жандармерии, на работу магов-огнеборцев и распластанное на камнях тело, пронзенное копьем Ироя. И я, все ещё не до конца поверившая, что я в этом мире, а не в загробном, спросила:

— Мы все-таки живы?

— Похоже на то... — иронично отозвался ворон.

И я совершенно на грани иронии и изумления протянула:

— Да ладно...

Утро следующего дня началось с того, что я разом вспомнила весь курс проклятийной магии, который нам читали целых три года. Прямо абсолютно весь, до самой последней руны. В один миг. И не применила эти знания лишь потому, что не смогла определить, чем лучше запустить в сияющего, как новенький форинт, Вильфреда.

Именно он заявился в лекарскую палату. Хотя ворон на ступенях музея до последнего упирался, заверяя, что с ним все хорошо и целитель ему не требуется. А потом — просто потерял сознание, и его уже не спрашивали.

— Надеюсь, с ним все будет хорошо, хоть и несут его ногами вперед, — прокомментировала Майнок, подойдя ко мне и глядя на транспортировку своего начальства.

Суэта, разбор завалов — не прекращались до утра. Камеры быстро заполнялись, в отделе велись допросы. Дьярвирона взяли под стражу до выяснения обстоятельств. И, самое удивительное, он спокойно сдался. Хотя мог бы плюнуть на все и всех и улететь. И у него бы шикарно получилось как первое, так и второе. Я прекрасно помнила ядреное пламя его льдистого брата...

Вот только мне было не до политики и заговоров. Ворон. Циничный, умный, расчетливый... но иногда упрямый и отчаянный, как мальчишка. Только бы с ним все было хорошо.

У меня оказался не вывих запястья, а перелом и в придачу к нему истощение. Целитель, обследуя меня, вынес вердикт:

— В лекарскую ее!

А новый день мы встретили с мужем в одной палате (в последнюю, как я узнала намного позже, нас с Аром поместили стараниями Вильфреда). И именно он заявился к нам в несусветную рань с фразой:

— Смотрю, семейная жизнь потрепала тебя, братец...

— Я познакомлю тебя со своей лучшей подругой. Она как раз ищет мужа, — мрачно произнесла я, поднимаясь с подушки. Хоть мои слова не были проклятием ни разу, но улыбка великого князя тут же угасла.

— А ты завидуешь, братец, — меж тем в ответ Вильфреду просипел ворон.

На Ара было страшно смотреть: он, обложенный амулетами, с перевязанной раной на груди, напоминал скорее обгорелого зомби, чем живого человека.

— Даже не знаю... чему завидовать, чего опасаться, — Великий князь бесцеремонно присел на край моей кровати. От чего я окончательно села, оперевшись на спинку постели и подтянув к груди съехавшее было одеяло. — Тому, что по словам Дьярвирона, ты первый в истории маг, победивший в схватке один на один дракона, — да, определенно завидую. А вот твоему нынешнему положению — не очень. Опала отца из-за утери ценнейшего артефакта... Кстати, куда он делся? — сам себя перебил Вильфред.

И не смотря на то, что тон его последнего вопроса был небрежен, словно он спрашивал так, между прочим, я поняла: именно за этим в первую очередь он и заявился сюда.

— Проклятие сожрал дракон, — невозмутимо ответил ворон и добавил: — Им и подавился.

— Угу, а копьё Ироя торчало из его горла просто так, — хмыкнул Его Высочество.

— Он на него нечаянно напоролся после того, как проглотил... Видимо, решил, что раз уж оружие такой силы не достанется ему, то людям — и давно...

— Арнс, ну и сволочь же ты... Не мог придумать лжи поправдивее. Мне теперь мучайся с отчетом, самому придумывай.

— Я верю в твои таланты, — мне послышалась в голосе ворона ирония.

— Да побойся богов! Я для репортеров уже целую сагу сочинил... Про неудачный эксперимент юного демонолога, выдумавшего призвать из преисподней высшего. Неудачно. Но с размахом.

— Надо полагать, и труп оного уже есть? — иронично уточнил ворон.

— Как выяснилось, мертвый дракон принимает человеческий облик и ничем не отличается от мертвого демонолога. Зато не поднимется волна народного гнева на наших крылатых соседей. Кстати, при убитом тобой после смены ипостаси нашли помимо прочего записку. Странную. Всего одна строчка, — Вильфред прищурился и, судя по всему, процитировал по памяти: — «Подателя сего письма — сжечь».

Его Высочество испытующе уставился на нас. А у меня словно закрутились в голове шестеренки. И последняя картинка мозаики встала на свое место. Так вот что случилось с Эйроу после того, как он помог бежать стенографистке из-под стражи.

Он пришел к льдистому, чтобы потребовать исполнения обещания: спасти его дочь. И был спален. От него остался лишь перстень. Я даже воочию представила, как каратель на той винокурне протягивает запечатанный конверт дракону. Тот разворачивает послание, отправленное им же себе из будущего. Взгляд ящера скользит по лицу офицера. Эйроу, смотрит на главу заговорщиков с надеждой. Ожидает, что его дочь спасут. И тут из частично трансформировавшегося горла дракона вырывается сгусток первородного пламени, в прямом смысле испепеляющего подателя письма.

Судя по тому, как на меня посмотрел ворон, он тоже все понял. И... мы оба промолчали.

— Братец. Я вот все думаю, как ты за эти четыре дня все успел... И распутать заговор, и жениться, и... Как будто ты как минимум раздвоился, — он осекся и, выдохнув, потрясенно произнес: — Или не «как будто»... Только не говори, что ты...

— Я и не говорю. Но ты всегда был демонски догадлив, братец, — последнее слово ворон произнес, как оттиск на сургучной печати поставил.

— Я не только догадлив, но и острожен. И знаешь, я уж точно никогда бы свою жену под удар не подставил...

— Не зарекайся, вот женишься и узнаешь, — слова ворона прозвучали словно пророчество.

А я не смогла удержаться:

— «Никогда бы не...» — так говорит тот, кто готов лишить женщину главного: свободы выбора, — негромко произнесла я и добавила: — Я люблю Арнсгара и предпочту разделить его участь, нежели смотреть на всё со стороны.

Вильфред ушел, так ничего и не ответив. Я же прикусила губу. Все же мозаика заговора вроде бы получилась и полной, но...

— Как же своевременно прилетел Дьярвирон, — протянула я, вроде бы ни на что не намекая, но подозревая. И тут же удостоилась лукавого взгляда супруга. — Ты!

— Когда я понял, что за заговором стоит дракон младшей ветви, для которого захват власти в империи людей — лишь ступень к тому, чтобы заявить Право Большого на родной престол, то решил поучаствовать в укреплении существующей власти у драконов.

— Что это еще за право? — нахмурилась я. — И при чем здесь внутренняя политика сынов неба?

— Правителем у ящеров становится достойнейший. Тот, кто сделал для своего народа больше. Если бы брату Дьярвирона удалось за счет смуты в сопредельном государстве расширить границы драконьих земель без войны — это было бы серьезной заявкой на трон. Ну а дальше: яд, магия, покушение на старшего брата... и наш глава заговора становится правителем. Вот я и решил подсказать Дьярвирону не только, что замыслил его младшенький, но и где он.

— И когда крылатые это узнали, то резко затребовали разрешения на прилет в столицу... — закончила я за ворона.

Вот и всё. Теперь — точно всё. Во всяком случае, я искренне надеялась на то, что эта головоломка со временем не преподнесет мне больше сюрпризов. Хотя бы потому, что Проклятия Мороя больше нет.

Задумчиво посмотрела в окно, где танцевала в листопаде осень. Ворон, словно прочтя мои мысли, произнес:

— Что ж... сомневаюсь, что лучшим имперским магам удастся ещё раз изготовить проклятие... Крови первого мороя, на котором была построена матрица, больше нет. Она вся ушла на этот образец... Но может, это и лучше. Думаю, наш мир ещё не готов к артефакту такой силы... — Слова ворона отразились от безликих стен палаты.

— Угу... хотя, не уничтожь я его, мог бы получиться веселый некролог... Он бы начинался словами: «Дракон отжигал во дворце императора...» — со смешком отозвалась я.

— Предпочитаю читать светскую хронику, — в тон мне ответил Ар. — Сдается, скоро там появится одна скандальная статья о мезальянсе.

— О нет! — выдохнула я, представив реакцию моей семьи.

ЭПИЛОГ

Репортеры всё же не пронюхали о браке одного из великих князей с простой горожанкой. Ар захотел сначала попросить моей руки у отца, как и полагается приличному эйру. А то, что мы уже супруги... То отцу жены, считающему свою дочь все ещё девицей, знать не обязательно.

Я вернулась домой спустя неделю. И на вопросы, почему отказалась от практики в городе мертвых, — отвечала, что просто слишком люблю жизнь. И свою семью. Разлука же оказалась для меня невыносимой. Так что в одном из портов, так и не долетев до восточной границы, прыгнула в дирижабль, следовавший обратно в столицу.

Нари посмотрела на меня с сомнением. Варлок — с недоумением, братья-близнецы синхронно почесали затылки, отец — расчувствовался и навалял новый шедевр, от которого у критиков случилась коллективная галлюцинация. Матеуш, прижимая к груди урчащего Бенедикта, опасно уточнил, буду ли я готовить праздничный ужин в честь своего приезда, а призрак Йоко задумчиво промолчал.

А на следующее утро в дверь нашего дома постучался ворон. И случился маленький апокалипсис. Потому как Ар нос к носу столкнулся с Варлоком и Нарю, пришедшими в гости. Как итог... не привыкший пасовать перед проблемами, верховный каратель с убийственным спокойствием попросил у отца моей руки.

Эйр Росс, натура творческая, вспылал, заявил, что его дочь ни за что и никогда... В общем, зарекся, подкрепив свои слова, как истинный маг разрушения, погромом. Правда, стол развалился от удара кулаком, а не от заклинания отца, но все же...

— Хорошо, я приду завтра. — Спокойствием ворона можно было драконов оглушать. Причем оптом.

Ар ушел, а на мне сошлись взгляды всех домочадцев.

— Тай, у меня только единственный вопрос: как? — Нарю прожгла меня взглядом.

— Случайно. Мы познакомились на кладбище. Я умерла, а он не дал мне уйти за Грань, превратив в мертвые и... — Мне стало обидно, до демонов в глазах обидно, и я сорвалась, выкрикнув: — Ну, влюбилась в него. А он в меня. И что с того? Вы теперь отречетесь от меня?

— Конечно нет, дочка, — враз остыл отец. — Ты же Росс, и я люблю тебя. Мы все любим. А что до этого жениха... Ну что ж, в семье не без принца... — Вот почему мне показалось, что папа закончить фразу слегка иначе? — Ничего, завтра я его еще помурюжу, и через месяц-другой дам вам согласие на брак... — успокоил меня отец.

Но только его «помурюжу» не вышло. Той же ночью ворон меня украл из собственного дома. Из моей кровати, оставив записку, что он поступает как всякий приличный дракон, выбравший себе невесту: умыкает ее.

— Ты с ума сошел! — Дрыгнулась я, перекинутая через плечо Ара.

— Тай, не мешай! Ты мое проклятие, и я тебя краду.

— Твое проклятие? — возмутилась я.

— Ну, ты же называешь меня вороном. И я с этим даже смирился.

«М-да, вот тебе и мысленное романтическое прозвище, — про себя хмыкнула я и перестала дергаться. — Пусть ворует... Муж ведь как-никак».

А спустя месяц Его Величество все же потребовал к себе на аудиенцию отлученного сына с его супругой. И уже во дворце я узнала, что дракон от лица своего народа заключил не только мирный договор, но и пожелал скрепить его династическим браком. Но тут приключился упс: в семье императора свободных великих княжон не затесалось. Императрица быстро сориентировалась, заявив, что ее фрейлины ей как родные дочери, посему грозный сосед может выбрать себе любую. Правда, к этому времени свита Ее Величества слегка поредела: некоторые дамы оказались уж очень нервными. Их тонкая душевная организация, оказывается, не переносит взрывов дворца. Посему они взяли самоотвод.

И надо же такому случиться, что из оставшейся дюжины лишь одна девица оказалась... девицей, которую не стыдно выдать замуж! Все же жизнь во дворце не только развращает, но и совращает... В общем, этой счастливицей оказалась ... Шейла. Та самая эйра с фиалковыми глазами и огненным характером, спрятанным под ледяной броней. Величества ее согласия спрашивать не стали и

быстренько обручили с Дьярвионом. Политические браки заключать — это ведь не пирожки с вареньем на базаре покупать, выбирая с понравившейся начинкой.

Шейлу и спрашивать не стали, хочет ли она замуж. Лишь напомнили, что она — верноподданная, давала клятву верности императрице и служить своей стране — ее долг.

Я, когда узнала эти новости, лишь покачала головой. Дьярвион и не подозревает, какое разрывное проклятие ему подсунули в супруги под видом благовоспитанной эйры. Впрочем, как показало время, история дракона и его невесты оказалась не менее захватывающая, чем наша с?ром.

А пока же... Новостные листки спустя несколько месяцев таки раструбили о мезальянсе, мы с Его Величеством ко взаимному согласию решили, что иногда родственничков лучше любить на расстоянии, Ингрид в сердцах высказала мне все, что думает о невестке, которая приставляет к горлу свекрови нож, и... поблагодарила за спасение жизни ее сына.

Кстати, я познакомилась и с братом Ара. Усопшим. Тем, чей череп хранился в сейфе верховного карателя. Он оказался веселым малым, хоть и призраком. Все же в том, чтобы быть некроманткой, есть один плюс: можно собрать за одним столом всех родственников. Даже прабабушек. Даже — умерших. Не сказать, правда, чтобы от того ужина были в восторге и мои родные, и императорская чета, но... призрак Йоко точно остался доволен.

Что же до моей учебы... Я до последнего держала в тайне от одноклассников две вещи: свое замужество и свою беременность (временная головоломка все ж преподнесла мне еще один сюрприз!). Правда, последнюю — и от мужа, а то он бы ни за что не разрешил мне взять в руки арбалет и отправиться на очередной практикум на погост.

А вот когда Ар все же узнал... для меня началась каторга по имени Майнок. Офицер стала как-то подозрительно часто мелькать в академии, и пару раз я замечала ее, следящей за мной. Под конец я не выдержала и прямо подошла к ней в коридоре уточнить, в чем дело. Но не успели мы обменяться и парой слов, как Клаус, крутившийся рядом, тут же подскочил к нам с фразой:

— Тай, ты ее знаешь? Познакомь меня с этой очаровательной эйрой.

А я... взяла и мстительно познакомила! А что? Сам виноват!

Вечером того же дня, когда я пришла в наш с вороном дом, в прихожей стоял мой гроб. Он так никуда и не делся из дома. Правда, поставленный на попу, с набитыми на обратную сторону крышки крючками, теперь он служил вешалкой для одежды.

Ворон сидел за рабочим столом, на котором была куча бумаг. Разбирался с очередным запутанным делом имперского значения.

Я прислонилась к косяку, глядя на него. На моего любимого мужчину. Ворон, почувствовав на себе мой взгляд, оторвался от бумаг. Потом встал из-за стола и, приблизившись ко мне, нежно обнял за плечи.

— Знаешь, я до сих пор иногда не верю, что все кончилось и мы живы, — призналась я.

— А я каждый день благодарю небо, что оно послало мне тебя.

Мы замерли. Огонь мерно полыхал в камине. За окном сгущались сумерки. Столица жила мирной жизнью. Горожане и не подозревали, чего им несколько месяцев назад удалось избежать. А я подумала, что из нашей с вороном истории любви родилась новая история целой империи.